

169.3(2Рос-4Том - 6КАТ)

Р55

Олег РИХТЕР

Страна сокровищ

Эссе и очерки
истории Югры

Олег РИХТЕР

Страна сокровищ

Эссе и очерки истории Югры

Библиотека
МУК ЦБС
г. Сургут

9000514984

Мандр и Ка
Тюмень
2008

- Р 34 Рихтер Олег Борисович. Страна сокровищ : эссе и очерки истории Югры / Олег Рихтер. — Тюмень : Мандр и К^а, 2008. — 208 с.

«Страна сокровищ» публикуется впервые. В основу эссе и очерков легли сведения, почерпнутые из Есиповской, Строгановской, Кунгурской, Ремезовской, Черепановской летописей, Погодинского летописца. При написании книги были использованы труды историков Н.М. Карамзина, Г.Ф. Миллера, П.Н. Буцинского, И.С. Полякова, И.В. Щеглова, Р.Г. Скрынникова, Д.И. Копылова, Н.И. Костомарова и др.

Часть иллюстраций воспроизводится по хранящимся в архивах страны оригиналам, другая — работы сургутского художника В. Тугаева.

Книга адресована читателю, интересующемуся историей Сибири, а также краеведам, студентам и школьникам.

14.05.2008
© Рихтер О.Б., 2008.
© Тугаев В. (иллюстрации), 2008.
© Мандр и К^а (оформление), 2008.

ISBN 978-5-93020-405-5

Олег Борисович Рихтер

Рихтер Олег Борисович родился в 1933 году в г. Ростове-на-Дону, 11 марта. Специальность инженер-строитель. Работал в районе целинных земель Оренбургской области — строил железную дорогу для вывоза зерна, в Краснодаре восстанавливал здание отделения железнодорожников, разрушенное в войну, и на др. объектах. Затем 10 лет работал на острове Сахалин, участвовал в строительстве железной дороги, Корсаковского порта и паромной переправы Ванино-Холмск. Был переведён министерством в Заполярье на должность зам. управляющего трестом «Мурманскморстрой», участвовал в строительстве причалов на судоремонтном заводе, в торговом и рыбном портах, на базе атомного ледокольного флота в Мурманске и в Североморске на базе атомных подводных лодок. В 1977 г. был направлен министерством («Минтрансстрой») в Западную Сибирь для создания треста «Запсибгидрострой» и обеспечения строительства причалов и речных портов в Сургуте, Нижневартовске, Сергино, Уренгое, Надыме, Ямбурге и в Томской области. С задачами справился.

В периодических изданиях и сборниках, начиная с 1951 г., публиковались стихи, рассказы и повести. Всего таких публикаций было 52. Они отражены в библиографическом указателе, изданном Центральной библиотекой г. Сургута.

За последние 10 лет издано 6 книг:

«Россыпь» — сборник поэзии и прозы, издание было подготовлено к печати издательством «Петрополь» Санкт-Петербургского фонда культуры в 1997 г. (350 с.);

«Эхо времён» — сборник поэзии и прозы (г. Сургут, 2001. 326 с.);

«Кучум» — исторический роман в стихах (Тюмень, 2003. 159 с.);

«Сказание о Ермаке» — исторический роман (Тюмень, 2005. 224 с.);

«Повесть о Сургуте» (Тюмень, 2006. 240 с.);

«Сургутские истории» — невыдуманные рассказы (Тюмень, 2007. 206 с.).

От автора

Книга «Страна сокровищ» — эссе и очерки истории Югры — мой вклад в краеведческую литературу. Книга является сборником значительного количества новых произведений и ряда ранее опубликованных.

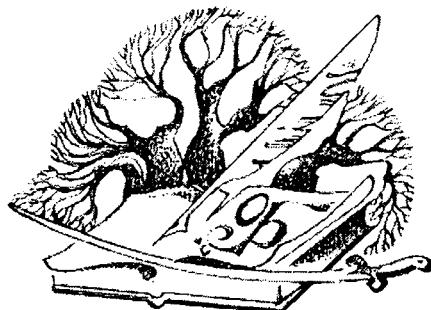
Освещение истории нашего края, и в частности истории города Сургута, носит разовый характер по тем или иным фактам, не дающим общего, целостного представления о прошлом. Цепочкой своих очерков я постарался охватить эпоху исторических событий, внося некоторые корректизы в высказывания маститых историков, опираясь не только на архивные документы, но и на здравый смысл. Например, я не могу согласиться с Р.Г. Скрыниковым и Д.И. Копыловым в том, что Сибирское Царство было завоевано Ермаком всего за 56 дней, и привожу веские доводы против такой позиции. В эссе «Эхо времен» я высказываю свои соображения о происхождении и формировании местных народов — ханты, манси, селькупов и сибирских татар, а также исследую, правомочно ли высказывание о том, что Русь попала под «татаро-монгольское иго», тогда как завоевателями были иные племена. . .

Большое внимание я уделил прошлому города Сургута, знакомя читателей с остыцкими и селькупскими князьями, историей сургутских церквей, с распространением православного христианства, с казачьими атаманами Сургута.

Книга начинается с очерка «Лукоморье», из которого можно уз-нать, что угорские народы, ханты и манси, являются потомками луко-морцев.

Надеюсь, что эта книга обретет не только широкий круг любозна-тельных читателей, но и станет подспорьем для школьников и студен-тов, изучающих историю Западной Сибири, и для краеведов.

Олег Рихтер

M

инувшее проходит предо мною...

Михаилу

П

прошлое... связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекающих одно из другого...

А. Чехов

*Благодарю генерального директора
ЗАО «Компания МТА»
Александра Владимировича Макарова
за финансовую помощь в издании книги.
*Автор**

Страна сокровищ

Лукоморье

Эссе

Те события, которые относятся к весьма далекой древности, продолжают волновать русского человека и в наши дни. Ряд былин о Владимире стольнокиевском, о Добрынушке Никитиче, об оратае Никуле Селяниновиче, сказание о вещем Олеге и другие — вошли в нашу жизнь, как существенный элемент культуры и знаний своей истории.

Неотъемлемой частью России была и остается Западная Сибирь. Она не только страна сокровищ, но и страна загадок. В Софийской первой летописи под 1398 г., посвященной кончине «нового апостола» Пермской земли епископа Стефана Великопермского, сказано: «Си бо святый святитель, новый апостол Пермский земля, учитель веру утверди и грамоте их изучи, се бо блаженный епископ Стефан, божий человек, живяще посреди неверных человек, ни бога знающих, ни закона ведящих, молящихся идолам, огню и воде, и камню, и Золотой бабе, и кудесникам и волхвам и древью Боги их раскопа ежи суть болваны истуканные, изваянны, вырезом вырезаемые».

Это первая заметка о Золотой бабе в русской летописи.

С очень отдаленных времен Сибирь славилась «мягкой рухлядью» — ценными мехами, в обмен на которые из бухарского и других азиатских стран сюда стекались серебряные и золотые изделия и украшения. «Рассказ о «Золотой бабе»

приобрел большую известность в литературе пятнадцатого и шестнадцатого веков. Многих ученых искателей и теперь волнует загадка золотого божества.

Мансийский писатель Юван Шесталов восклицает на страницах своей книги «Синий ветер Каслания»: «Югра моя, каким нынче дивным чудом манишь ты людей? Земля моя! Ты помнишь, как мы поклонялись деревянному идолу Сорни-най — «Золотой бабе»?

Русская эпическая фигура Бабы-Яги на страницах сказок — также появилась из глухих урманов сибирской тайги. Здесь, в древности, Яга была божеством, олицетворяющим роженицу, продолжательницу человеческого рода. Фантазия русского человека трансформировала кумирню на высоких столбах в избушку на курьих ножках, а идола, который хранился в ней, в Бабу-Ягу. А, быть может, Яга и золотое божество идентичны?

Не менее уникальна и сибирская одиссея Ермака, породившая в народе много песен, преданий и легенд. Ермак — одна из самых загадочных личностей в истории России.

Вероятно, сказания или былины заставили нашего великого поэта Пушкина отправить своего героя魯слана к Лукоморью.

Название Лукоморья носила страна, характерные своеобразные черты которой в природе и населении сохранились и до наших дней. Для первых русских людей эти черты казались поразительны.

Лукоморье — это страна, через которую древний Новгород в первый раз проложил себе путь в Сибирь. В те времена южные земли Сибири и восточные России были населены воинственными кочевниками. Поэтому новгородцы прокладывали путь к сибирским мехам через местности, заселенные мирными рыбаками и звероловами — финнами. Уже в XIII столетии русские заняли их обширные пространства на теперешнем севере России и в Поморье, а затем появились на рубеже с Сибирию, в области Северного Урала.

Многие племена стали платить им дань, а с самоедью у них установились торговые отношения.

От самоеди новгородцы стали пробираться к юграм (уграм), к тому народу, часть которого некогда покинула свои земли и ушла в Европу, поселившись на берегах Дуная и Тейса. Это нынешние венгры.

Рассказ о похождениях одного отрока, со слов Гуряты Роговича Новгородца, отразил в своей летописи Нестор в 1096 г. По рассказу отрока, «Югра же люди есть язык нем, и сидят с Самоедью на полуночных странах». Отрок не ограничивается только знакомством с Юг-

рой. Он расспрашивает о народах, живущих дальше на восток, и Югра рассказывает о чуде, удивившем ее, о чем прежде не было известно: «Суть горы, зайдуче луку моря, им же высота, яко до небесе, и в горах тех клич велик и говор и в горе той просечено оконце мало, и туде молвят, и есть не разумети языку их, но кажут на железо и помавают рукою, просящее железа; и аще кто даст им нож ли, секиру ли, дают скорою противу» (дают меха). Итак, горы, «зайдуче луку моря», — горы, упершиеся в тот изгиб морского берега, который образуется Обской губой и устьями Печоры, то есть Урал.

Лукою и теперь называют в Сибири изгиб или петлю, образуемую рекой. В России это название сохранилось только за изгибом Волги около Самары, а также в пригороде Новгорода, из-за многочисленных петель Ловати, произошло название Великие Луки.

Таким образом, Лукоморье — это побережье «стран полунощных», имеющее ряд изгибов моря, или лук, находящихся на северной оконечности Урала. Преподобный Нестор, уверовав в чудесные рассказы Гуряты Роговича, даже вписал в летопись, что «оконце мало» просекли в горе люди Александра Македонского.

Трудности северного морского пути, скованного льдами, трудности доступа в восточную часть Урала делали этот край малоизведанным и загадочным, порождая баснословия и фантазии. «Для человека нет ничего более поэтичного, как то, чего он не знает», — сказал один из французских писателей. Это высказывание целиком соответствовало представлениям о Лукоморье в те времена. Даже, когда русские уже ознакомились с северным Зауральем, народная мольва стала отодвигать сказочное Лукоморье на юг, в области, которые еще не были изведаны.

В XVI веке были записаны любопытные сведения о Лукоморье: «От устья реки Иртыша до крепости Грустины два месяца пути; от нея до озера Китна рекою Обью, которая вытекает из этого озера, более чем три месяца пути. От этого озера приходят в большом количестве черные люди, лишенные общаго всем дара слова; они приносят с собою много товаров, преимущественно же жемчуг и драгоценные камни, которые покупаются грустинцами и серпоновцами. Они называются лукоморцами из Лукомории, лежащей в горах, по другую сторону Оби от крепости Серпионова. Сказывают, что с людьми Лукомории происходит нечто удивительное и невероятное, весьма похожее на басню: как носится слух, они каждый год умирают, именно 27 ноября, когда у русских празднуется память св. Георгия, потом оживают, как лягушки, на следующую весну, большую частью 24 апреля. Грустинцы и серпоновцы

ведут с ними торговлю необыкновенным, неизвестным в других странах способом. Когда у них наступает определенное время умереть или заснуть, они складывают товары на известном месте, а грустинцы и серпоновцы уносят их, оставляя вместо них свои товары и делая равный обмен. Возвратясь к жизни, лукоморцы требуют назад свои товары, если находят, что им сделана несправедливая оценка» (И.С. Поляков. СПб.; М., 1884. С. 141).

Констатируя эти записи, И.С. Поляков пишет: «До какой степени старинные русские люди верили приведенным рассказам о Лукоморье, видно из того, что они были помещены в одном старинном дорожнике. Итак, если сведения о чудесах Лукоморья вошли в летописи или в рукописи, или в записи грамотных людей, то настолько же они были распространены и в массе русского народа, даже до недавнего времени. Может быть, поэт, создавший образы Руслана, Финна, волшебницы Наины, Черномора и мертвой головы, слышал рассказы о Лукоморье непосредственно из уст русского человека. Слив в своей поэме сказочный элемент о Лукоморье, созданный в древненовгородской области, с народным взглядом на историческое прошлое из южной России, поэт вполне был прав в своем игривом выражении: «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой!..».

В XII веке новгородцы уже чувствовали себя хозяевами в Зауралье, и привозили в Великий Новгород большое количество черных соболей. Они все дальше и дальше продвигались на восток, налагая дань на покоренные племена. Однако часто сборщики дани платили за соболей своими головами. В некоторых летописях сказывается: «...избиении быша Печорскей даньники и Югорский в Печере; и паде голов о сте доброимениых». Самым неподдающимся народом на пути в Зауралье были югры. Походы на них долгое время были безуспешны. Югры разбивали рати пришельцев и хитростью и силою. Так, в конце XII столетия, воевода Ядрей был зазван в югорский стан, где 10 человек из девяноста погибли, а остальным с трудом удалось спастись. Во второй половине XIV столетия новгородцы уже воевали «по Оби реки до моря», а другая часть рати «на верх Оби воеваша».

В следующем столетии походы также повторялись, но иногда с большим уроном ратников.

После падения Новгорода, Югра в числе других новгородских волостей перешла в ведение великих князей Московских, и в грамотах великоцокняжеских уже указывается титул — Югорский. Москва продолжила походы на Обь, проводя более успешные военные операции и собирая

немалую дань серебром и пушниной. Так продолжалось до XVI века, когда завоеватели, минуя полуночные страны, стали проникать в южные земли Зауралья, более густо заселенного сильными племенами.

Путь через устье Оби и через северную оконечность Урала стал обычным для воевод. Они всегда пользовались им для возвращения в Россию, если в области Иртыша угрожала опасность. Путь этот получил также торговое значение. Через него шла большая часть мехов.

В начале XVII столетия правительство, чувствуя спад в сборе ясака пушным зверем из-за отлива его северным путем, запретило им пользоваться.

Лукоморье с этой стороны оказалось отрезанным от сношения с людьми более высокой цивилизации, что явилось причиной низкого развития культуры северных народов.

В какой-то мере влияние на них оказывалось со стороны Тобольска, но оно было настолько слабым, что весь уклад жизни, способы промысла и употребления пищи, а также и верования почти не претерпели изменения. Долгая изоляция северного края сохранила характерные особенности и черты, которые служили поводом для чудесных рассказов о Лукоморье.

9 июня 1876 г. русский исследователь Западной Сибири И.С. Поляков выплыл на крытом каюке из Иртыша в Обь с целью осмотра различных местностей, обитателей и их промыслов. В этом очерке уместно рассказать о его впечатлениях и выводах. Сразу скажу, что манси и ханты (вогулов и остыков) средней и нижней Оби он считал прямыми потомками лукоморцев. В его планы входило спуститься по течению реки до Обской губы, преодолев более тысячи верст. Лодка вполне удовлетворяла всем требованиям плавания в широких водах. Она была легка на ходу, крепка и безопасна при борьбе с бурями, с высокими волнами, подобными морским.

Каюк был восьмивесельным, длиною 24 аршина (17 м), под крышей были две каюты, у каждой по 2 окна. В передней каюте имелись нары для трех человек и стоял письменный стол. Каюта была настолько высока, что в ней можно было ходить не сгибаясь. Кормовая каюта была таких же размеров, в ней помещались съестные припасы, а в случае непогоды — она могла приютить гребцов. Такие каюки, их можно назвать меньшими братьями морских кочей, широко использовались в конце XVI века. Некоторые отважные купцы умудрялись на них ходить из Архангельска по морю, придерживаясь каждой береговой луки, и проникать в Обскую или Тазовскую губу для торговли своими товарами

в Обдорске или в Мангазее. По Оби они плавали даже до Сургута, привлекаемые возможностью дешево приобрести первоклассную пушнину. Подобные суда, кроме стругов, использовали для поездок и воеводы сибирских острогов и городов.

Подъезжая к Белогорью, Поляков услышал русские песни старинного склада и обитателей деревушки в праздничных русских нарядах. Белогорцыправляли местный праздник. Небольшой ряд деревянных домиков располагался в долине реки под высоким правым берегом, а за селом, на крутом берегу, стоял дремучий лес, и не было никаких признаков пашни. Зато во дворах были коровы и лошади. Это селение, как выяснилось, возникло на заре освоения Сибири, здесь была ямщицкая станция.

Осмотрев деревушку, путешественник продолжил путь. Лодка вышла на «стrezжу», быструну, и понеслась по широко разлившейся Оби.

Чтобы встретиться с аборигенным населением, осяками, требовалось свернуть в один из протоков, что и было сделано. Вскоре дружный лай собак возвестил о близости человеческого жилья, и лодка пристала к берегу около знаменитых у осяков Троицких юрт.

«С Троицкими юртами открылось новое звено, характерное для жизни Березовского края, — это осяки, здешние аборигены, так сказать, — дети нижнеобской области, в своем роде лукоморцы наших древних предков», — говорит Поляков.

«По внешнему виду Троицкие юрты не отличались от других по Оби и Иртышу. Это 8 лачужек с крышей из бересты, с одним или двумя оконцами, обтянутыми рыбьей кожей. Внутри хаток — нары, а в одном из углов или в сенях чувал для обогрева и приготовления пищи. На никогда не мытой и не метеной части хижин расстелены рваные шкурьи и лоскуты сетей. На задворках есть печи, в которых жители пекут лепешки, как и у татар, живущих по Иртышу. Там же можно увидеть лошадь — невероятное для осяка богатство. У каждого дома стоят 4 жерди, связанные поперек другими, на которых сушатся сети и вялятся рыба, а рядом конусы из тонких деревьев — это дрова. Вдали от хижин стоят амбарушки на высоких сваях, попасть в которые можно только по лестнице. Там хранятся сети, лук, стрелы, ящик с ценным имуществом и истуканы, которых даже осяк-христианин чтит как величайшую святыню. Впрочем, это второстепенные «шайтанчики», чтимые отдельными семьями или родом, представителями одного селения.

Однако существуют более могущественные «шайтаны», пользующиеся славой на обширном пространстве. Именно по этой причине Тро-

ицкие юрты, несмотря на их убогость и на расположение среди плоского острова, являются в своем роде Меккой, куда стекаются остыки на поклонение часто из местностей, удаленных на полторы тысячи верст».

Далее исследователь-путешественник Поляков пишет: «Окрестности Оби, при впадении в нее Иртыша, издавна славились пребыванием одного из главных остыцких божеств; в цветущий период остыцкой жизни, именно до прихода в здешний край русских, поклонение этому божеству играло огромную роль, отблеск которой живет до сих пор между остыками. Божество это изображалось в рассказах в виде птицы, лебедя. Ему приносились жертвы, состоящие из лучших тканей, зверей и ценных металлов, какие только были в распоряжении остыка».

Действительно, предание говорит о божестве в окрестностях Троицких юрт или Белогорья именно в форме птицы. И это вполне объяснимо. Известно, что Обь очищается от льда гораздо позже Иртыша. Иртыш разливается по окрестностям, в то время как ниже по Оби стоит лед. Птицы во время весеннего перелета задерживаются здесь на многие дни, ожидая, когда впередилежащие просторы не сбросят с себя ледяной панцирь. В результате накапливается несметное количество пернатых гостей, но первым из них прилетает лебедь.

Искрепав запасы, изголодавшийся за зиму остык воспринимает лебедя как спасителя от голода. Он оживает духом. За прилетом птиц начинается ход рыбы — новый запас пищи. Наступает теплое время благополучия и сытости. Кто же всем этим правит? Кто избавляет остыка от душной и грязной зимней лачуги? Кто открывает ему простор к сырой жизни? Это есть могущественная, неистощимая, вечная сила, которой он поклоняется. Она имеет форму лебедя!

Местонахождение Белогорского святилища держится у остыков в великой тайне. Когда-то в нем хранился и один из панцирей Ермака, который считался божественной реликвией, защищающей от бед и приносящий удачу. В случае возникновения опасности аборигены обращались за помощью к главному божеству и грудью вставали против любых пришельцев, появившихся вблизи района святилища. В свое время истукан, находящийся на Оби при устье Иртыша, приобрел историческую известность.

В 1585 году воевода Мансуров с сотнею стрельцов, узнав о гибели Ермака и уходе на Русь остатка его дружины, двинулся за ними вслед, но был застигнут зимою около Белогорья. Там он устроил для зимовки укрепленный городок. Остыков встревожило прибытие незваных гостей, и они напали на казачье укрепление. Принужденные после целого дня битвы к отступлению, остыки на следующий день принесли к месту

осады своего идола и начали ему поклоняться, видимо, с просьбою о победе. В это время из укрепления была наведена на истукана пушка, выстрел которой был таким метким, что истукан разлетелся вдребезги, после чего остыки разбежались и присмирили. Они даже стали снабжать Мансурова продовольствием, взяв с него слово, что он не станет мстить и разорять их городки. По этому случаю их князь даже выехал в Москву и привез царскую охранную грамоту.

А вот что пишет Ю. Шесталов о Белогорье нынешнего времени: «В Белогорье давно уже жили русские. Но урман священный, где когда-то было капище, манси не забывали. И каждый год шаманы со своих родов собирали мех и с мешками направлялись в Белогорье на поклонение. Простые люди теперь туда уже не ездили, передоверив сношение со священной птицей своим шаманам». «И когда наступала ночь, с темной части неба, сияя огненным светом, спускалась золотая птица в свое капище. Тогда и начиналось великое камлание. От костров сияла даже безбрежная Обь. Как бабочки мелькали человеческие тени. Бубны громкие отбивали дробь. Тихо-тихо, непонятно начинал с птицей веший разговор мудрый старец, духов друг».

Когда русские обосновались в Сибири, для них «шайтаны» стали интересным предметом, так как рядом с ними всегда было значительное количество драгоценностей. Это длилось более ста лет, пока царь Петр I не издал указ о крещении инородцев и уничтожении их капищ. Будучи вынужденными христианами, остыки сохранили в глубине души благовенение перед силами природы, по-прежнему олицетворяя их в привычных ему формах, но не имели возможности держать своих главных «шайтанов» в подобающем их величию блеске.

Диковинные рассказы русских о «шайтанах» слышал еще Герберштейн в 1517 г., будучи в Москве. Говорили, что троицкий «шайтан» действительно существует, что он богат, но где находится — это для русских тайна, будто бы он скрыт далеко в лесу. По рассказам же известно, что он издает звуки вроде трубных. В том же роде записан рассказ у Герберштейна о шайтане около Обдорска, о так называемой «Золотой бабе». В своих «Записках о Московии», вышедших в 1549 г., он писал:

«За Обью, у Золотой бабы, где Обь впадает в океан, текут реки Сосьва, Березва и Данадым, которые все берут начало из горы Камень Большого Пояса и соединенных с ней скал. Все народы, живущие от этих рек до Золотой бабы, называются данниками князя Московского. Золотая баба, то есть Золотая старуха, есть идол у устьев Оби, в области Обдора. Он стоит на правом берегу. Рассказывают, что этот идол Золо-

той бабы есть статуя, представляющая старуху, которая держит сына в утробе, и что там уже виден другой ребенок, который, говорят, ее внук. Кроме того, уверяют, продолжает далее автор, записавший разные рассказы о Лукоморье, что там поставлены какие-то инструменты, которые издают постоянный звук вроде трубного».

Итальянец Александр Гваньини, в «Описании Европейской Сарматии» также сообщал в 1578 г., что идол находится не в лесах Приуралья, а в низовьях Оби и что ему поклонялись не только обдорцы (ненцы), но и народы Югры и другие соседние племена.

На основании этих сообщений ученые стали предполагать, что Золотая баба могла быть перенесена за Урал на Обь бежавшими от обращения в христианство пермянами.

В первой половине прошлого века в одной из местных сибирских газеток сообщалось: «1936 год. Манси Данила Сургучев предложил приемщику рыбы Антону Кадулину заглянуть в «шаманский амбарчик». Он сказал, что старики привезли самого сильного «золотого идола». Но старики ошибся. В «шаманском амбарчике» оказались «подарки» главному «золотому богу». Данила рассказывал Антону о шаманах «Золотой бабы». Тот заинтересовался и стал расспрашивать однофамильца Данилы — Григория Сургучева. Люди шептались, будто бы он — один из главных хранителей «Золотой бабы». Но Григорий твердо сказал, что «Золотая баба» спрятана на островке среди гибких топей. И никому не отыскать туда дороги».

Ю. Шесталов говорит: «Сорни — по-мансииски золото, Най — героиня, Сорни-най — Золотая героиня. Может, просто придумали легенду о прекрасной женщине? Не мечта ли это о красоте и доброте? Но тогда почему манси веками так ревностно охраняли ее от постороннего взгляда? Пишут же в газете:

«Старики Сургучевы скончались, и пока что никто не знает, кому передали они свое наследство. На безвестном островке, зарытая в землю или заваленная хворостом, кротко улыбается прекрасная золотая женщина. Сколько поразительных событий, сколько страостей, кровавых трагедий связано с ней. И сколько тайн! Вопросы, вопросы... Откуда взялось это одно из чудес света? И почему так самоотверженно, так строго хранили ее люди? Где же взяли эти бесхитростные, радушные и добрые охотники и рыболовы столько упрямства и ловкости, чтобы из века в век сохранять свои святыни от жадных рук?»

Существует легенда о скандинавских викингах, ходивших за сокровищами в страну «белого безмолвия»:

«В 1023 году ватага викингов, которых вел знаменитый разбойник Туре-Хунд, или Горир-Собака, совершила поход в Биармию. Так в давние времена называли скандинавы обширную область, подступающую к устью Северной Двины. Здесь жили язычники — ханты и манси. Они поклонялись таинственной богине. Ее называли Юмала, или Йомала. Одна девушка полюбила Туре и показала ему дорогу к святыне. Перед изумленным викингом предстала статуя из золота необычайной красоты. Обнаженная прекрасная женщина с кроткой улыбкой держала в руках большую серебряную чашу. На шее богини сверкало драгоценное ожерелье. Жадность охватила викинга. Ночью он сорвал с шеи золотой богини ожерелье. Хотел похитить и тяжелую статую. Но язычники отстали свою святыню. Они укрыли ее в северных лесах». Ниже я приведу подробное описание похода с участием Горира Хунда.

О том, где стояло золотое божество, старинные книги дают разноречивые сведения. В них имеются смутные намеки на то, что около тысячи лет назад в северных лесах, где-то на Северной Двине или Вычегде, а может быть, в верховьях Камы, стоял идол Золотая баба, которой поклонялись далекие предки современных манси. В течение многих столетий ее пытались найти и скандинавские мореходы, и новгородцы, и предприимчивые иностранные посланцы в молодом Московском государстве, и ученые-этнографы — русские и зарубежные. Легенду о Золотой бабе рассказывают как быль, где переплетаются миф и документальная действительность.

Дореволюционный исследователь пермской старины Ф.П. Доброхотов пишет: «В мифических и героических сказаниях (сагах) скандинавов часто упоминаются имена “Пермской земли”, или “Биармаландии”. Северные люди, норманны, стремятся в Биармаландию искать богатства».

Другой исследователь истории Урала А.А. Берс, констатирует: «В нескольких скандинавских сагах сохранились указания, что с IX по XIII столетие норвежцы вели торговлю и войны с могущественным царством Биармией, в которое они попадали через Белое море и Северную Двину. Саги приводят совершенно сказочные сведения о богатствах этой страны, суровости жителей, Золотом идоле и т.д.».

Биармия, Биармаландия, которую мы вправе называть Лукоморьем, эта легендарная страна, по мнению исследователей, находилась на юго-восточном побережье Белого моря, по руслу реки Северной Двины и в глухи лесов Северного Приуралья. Позднее эта территория стала называться Пермью Великой.

Упоминания о Биармии и Золотом идоле биармов встречаются и в исландских сагах. В них отражены походы викингов в 820–830 годах и к более позднему времени. Целью походов было захватить и разграбить храм, капище золотого истукана. В исландской «Саге об Эгиле» говорится:

«Однажды весной Эйрик Кровавая Секира собрался в поход в Бьярмаланд и тщательно отобрал войско. Во время похода произошло много событий. В Бьярмаланде была большая битва у реки Двины. Эйрик одержал здесь победу, как об этом рассказывается в песнях, сложенных в его честь». Этот поход состоялся в 918 году.

О храме Юмалы — золотого божества биармов — в древнерусской литературе есть три подробных рассказа: «Орвар-Отсаге», «Босасаре» и в саге «Снорри».

Ф.П. Дорохотов, опираясь на скандинавские саги, дал описание капища Юмалы: «Даже наружность храма была обложена золотом и алмазами, которые лучами своими освещали всю окрестность. На истукане, внутри храма, было ожерелье в несколько фунтов золота, венец на голове осыпан был драгоценными каменьями, а на коленях стояла золотая чаша такой величины, что четверо богатырей могли утолить из нее жажду. Наконец, одежда на истукане была такая, что цена ее превышала богатейший груз трех кораблей, плавающих по морю Греческому».

Историк Н. Полевой сделал весьма любопытное описание одного из походов викингов, во главе которого был Торир Хунд (Торир Собака).

«Наибольшую известность получил поход Карли в Биармию. Карли был человек богатый и знатный, один из придворных короля Олафа. В походе этом принимал участие брат Карли, Гунштейн. К братьям-удальцам присоединился и знаменитый своими богатырскими подвигами Торир Хунд, снарядивший с этой целью большой корабль, на котором поплыли с ним 80 человек его дружины.

Счастливо приплыли викинги в устье Двины, к торговому городу Биармии. Тотчас же открыли торг. И все, у кого было золото или товар для мены, получили хороший барыш. По окончании торга с полным грузом дорогого пушного товара викинги спустились по Двине и, выйдя в открытое море, стали держать совет.

Храм высшего божества биармов, как достоверно знали викинги, находился в дремучем лесу, неподалеку от устья реки Вии (Двины). Туда-то и задумали они пробраться и, если посчастливится, овладеть собранными там сокровищами.

Поздно вечером они снова причалили к берегу. Часть их осталась стеречь корабли, а другая направилась к лесу. Впереди всех шел Торир

Хунд, лучше всех знакомый с местностью. За ним — Гунштейн и Карли. Пробираясь по лесу, они обозначали свой путь, сдирали с деревьев кору на известных расстояниях. После полуночи вышли они на большую прогалину. На той прогалине и находился храм Юмалы, обнесенный высоким тыном, с крепко прикрытыми воротами.

Шесть сторожей охраняли ночью тот храм. Сменялись по двое в каждую треть ночи. Викинги ухитрились напасть на храм именно в то время, когда одна партия часовых только что ушла, а другая еще не успела прийти на смену.

Торир Хунд всадил топор свой в воротище, с его помощью перелез через ворота. Это же сделал Карли, и они впустили товарищей внутрь обнесенного забором пространства. Подойдя к кургану, они набрали сколько можно денег, сложили их в свое платье.

Добыча, выпавшая на долю викингов, была так велика, что каждый захватил с собой серебра, сколько мог унести. Но им все казалось мало. Добрались они и до самого изображения Юмалы, которое возвышалось среди священной ограды. На коленях биармийского бога стояла серебряная чаша, полная серебряных монет, а на шее его висела драгоценная золотая цепь.

Торир Хунд захватил серебряную чашу с деньгами. Карли прельстился цепью и, пытаясь сорвать ее, так сильно рубанул топором по шее Юмалы, что голова истукана с ужасающим треском покатилась с плеч долой.

Треск и возню викингов в храме услыхали подошедшие между тем сторожа новой смены, затрубили в рога. Поднялась в лесу тревога. И викингам пришлось мечом очищать себе дорогу к морскому берегу. Опасность, грозившая им, была настолько велика, что когда они, счастливо избегнув преследований, достигли берега и сели на свои суда, весь эпизод, пережитый ими, облекся для них в форму чего-то чудесного, сверхъестественного. И спасение свое они приписали влиянию Торира Хунда, будто бы научившегося волшебству у финнов».

В Европе впервые узнали о золотом идоле в 1517 году из «Трактата о двух Сарматиях» ректора Краковского университета Матвея Меховского. В нем Меховский поведал миру, что «за областью, называемой Вятка, по дороге в Скифию, стоит большой идол, Золотая баба, Золотая старуха. Соседние племена весьма чтут его и поклоняются ему, и никто, проходя поблизости и гоняя и преследуя зверя на охоте, не минует идола с пустыми руками, без приношения. Если нет приличного дара, то бросают перед идолом звериную шкуру или хоть волос, вынутый из одежды. И, склонившись с почтением, идут дальше».

Независимо от всех источников сведения о «Золотой бабе» изложил Семен Ремизов в Сибирской летописи. Согласно «сказам», казаки впервые услышали о золотом идоле от чуваша, перебежавшего в их стан при осаде городища на реке Демьянке. Чуваш, попавший в Сибирь в качестве пленника татар, немного говорил по-русски. Ермаковцы узнали от него, что в осажденном ими урочище ханты молятся идолу — «богу литому золотому, в чаше сидит», а идол-де «поставлен на стол и кругом — горит жир и курится сера, аки в ковше». Второй раз казаки услышали о «Золотой бабе», когда они попали в Белогорье на Оби, где располагалось самое почитаемое ханты капище: «жрение и съезд великий». При приближении казаков они спрятали «болвана», но потом рассказали о нем и казаки с их слов составили описание идола: «На Белогорье у них мольбище большее богини древней — нага с сыном на стуле сидящая».

Сорни-най — называют манси также огонь, величая его золотой богиней. Так кому же поклонялись язычники? «Золотой бабе» или золотому огню?.. Конечно, огонь не только согревает и разгоняет тьму, его ласковые языки не только лижут черные щеки котлов, но он завораживает, от него трудно оторвать взгляд — он божественное чудо природы. Как же ему не поклоняться?

Нет никаких сомнений в том, что Золотая баба — не выдумка. Почему ее прячут? Это и так ясно без каких-либо объяснений. Где прячут? Не столь важно знать. Да и не следует. Важнее найти объяснение — каким образом, откуда появилось в северных глухих лесах это изумительное золотое божество.

В поиске ответа я предлагаю наиболее реальную версию.

Заглянем в прошлое, за тысячу лет до появления Софийской первой летописи, о которой было сказано в начале этого повествования.

Обратимся к поздней Римской империи, в судьбе которой большую роль сыграли ее северные соседи — германские племена. К концу II века у германцев сложились сильные военно-племенные союзы. Такими союзами являлись алеманы на верхнем Рейне, франки на среднем и нижнем Рейне, саксы на нижней Эльбе, вандалы на среднем Дунае, готы в Северном Причерноморье.

В борьбе против Римской империи варвары все более сочетали набеги за добычей с упорными попытками осесть на ее территории. Под их давлением Рим в 258—259 гг. потерял область между верховьями рек Рейна и Дуная, занятую алеманами. В 270 г. римляне вынуждены были оставить богатую провинцию Дакию (территория современной Румынии), захваченную вестготами. В 355 г. император Констанций назначил

цезарем Юлиана, будущего императора, и поручил ему восстановить границу на Рейне, что и было осуществлено. Однако в 70-х годах в Южную Европу произошло вторжение гуннов, которые сдвинули с места племена, образовав поток Великого переселения народов на Балканский полуостров и на земли Западной Римской империи.

Гунны представляли собой пеструю по этническому составу орду, включавшую в себя прототюркские, протомонгольские, угрские и другие племена кочевников-скотоводов, живущих в кибитках и участвующих в племенных собраниях, не слезая с коней. Покоряя народы, они включали их в свою орду. Видимо, поэтому в их составе и были угры. Известно, что большая их часть осела на Алтае, прежде чем двинуться на север и поселиться на землях Пермских и Обь-Иртышского бассейна. А некоторая часть угров, вместе с ордою, дошла до Европы.

Разбив остготов, гунны напали на их северных соседей — вестготов, которые отступили и, получив разрешение римского императора Валента, поселились в качестве федератов во Фракии. В империю перешло более 40 тысяч вестготов, в том числе 8 тыс. воинов. По договоренности переселенцы должны были получить от римлян продовольствие на первое время и земли в пограничной области. Со своей стороны вестготы обязывались служить в римских войсках. Но римские чиновники медлили с поставкой продуктов. Среди вестготов, окруженных охраной, начался голод. Римские работоторговцы скупали у них за бесценок сначала рабов, а затем их собственных детей. Все это вызвало возмущение вестготов, и они восстали. На их сторону перешли рабы — их соплеменники, рудокопы золотых приисков Фракии. К восставшим присоединились бежавшие от гуннов остготы, аланы, а также угры.

Римское войско было разбито, в бою погиб император Валент.

Новым императором стал известный полководец Феодосий, которому удалось объединить в последний раз всю Римскую империю. Для борьбы против претендента на престол Евгения он использовал вестготский отряд Алариха. Не могу не предположить, что уже тогда в составе его отряда были и угры, так как иначе невозможно объяснить самые важные последующие события.

Умирая, Феодосий разделил империю между своими сыновьями. Восточную половину (будущую Византию) получил старший сын Аркадий, а западную — младший сын Гонорий. Этот раздел явился окончательным для Римской империи: образовались два государства — латиноязычная Западная и грекоязычная Восточная Римская империя. Эти государства стали враждебными друг другу.

После смерти Феодосия вестготские федераты во главе с Аларихом подняли восстание. Они захватывали и грабили города на Балканском полуострове. Алариху удалось объединить под своей властью большинство вестготов, и в 401 году, поощряемый Византией, он увел их вместе с семьями на Италию.

Когда Аларих вторгся в Италию, западноримское правительство Гно-рия, фактически возглавляемое вандалом Стилихоном, организовало отпор вестготам, но для полного разгрома у него не хватило сил, и оно вынуждено было согласиться на их поселение в Иллирии. «Прогерман-ская» партия Стилихона рассчитывала использовать вестготов в борьбе против Византии.

Однако «антигерманская» группировка внезапно обвинила Стилихона в пособничестве германцам, вследствие чего он погиб.

Узнав об этом, Аларих вновь выступил против Западноримской империи. С 408 по 410 год происходили походы в Италию, в ходе которых были длительные осады Рима. Горожане откупались от Алариха, а рабы-варвары перебегали к нему. При третьем нападении, в 410 году, Аларих захватил Рим. В разграблении «вечного города» участвовали и угры. После этого Аларих вновь занялся поисками земли для поселения. А угры? Они решили вернуться на свою первоначальную родину, в Лукоморье. Нагруженные награбленными сокровищами и античными статуями, они тронулись в дальний путь.

Видимо, таким образом в начале пятого столетия появилась в густых лесах северного побережья Золотая баба. Не кто иной, как воинственные угры могли образовать сильное и богатое племенное сообщество легендарной страны Биармии. Потомков никакого иного народа не могли называть юграми, сохранившими воинские традиции и успешно дающими отпор новгородцам.

Полякову так и не удалось что-либо выведать о троицком шайтане. Остяки уклонялись от разговора на эту тему, и потому, чтобы не испортить с ними отношения в дальнейшем путешествии, он отложил свои вопросы до поры до времени. Изучая остяков, он пришел к выводу, что летописное описание их облика соответствует действительности: «...сии же люди не велики возрастом, плосковидны, носы малы». Он делится своими впечатлениями от встречи: «При малом росте, они коренасты, но, сравнительно с русскими, не отличаются большой физической силой. О ловкости и грации, как у мужчин, так и у женщин, не стоит и говорить, хотя танцы у них в большом ходу. Даже белый день не помешал им устроить вечер с танцами; часа в два дня около моей лодки

собралась большая часть имеющихся налицо молодых осяков и осячек из Троицких юрт. Осяк Никита, еще молодой парень и сборщик податей для местного, Троицкого шайтана, был с лебедем в руках. Лебедь — это музыкальный инструмент, дека и шейка которого соответствуют по форме тулowiщу и шее лебедя; между шейкой и деком идут наискосок медные струны, из которых самая внешняя длиннее внутренних; всех струн семь; инструмент в общем имеет форму треугольника и похож на арфу. Танец был похож на нашу «русскую». Звуки лебедя относительно приятны, но напев песни монотонный; различие выражается не столько в тонах, сколько в ускорении или замедлении темпа. Само содержание песни, в противоположность господствующему у осяков обычаю воспевать первый встречный предмет, довольно пикантно. Песня касается современных осяцких нравов; она — плод вдохновения одной, еще до сих пор живой, осячки, жительницы Ендырских юрт. «Софья Фокеевна говорила своему любовнику Афонасью, с которым она неразлучно ходила в лесу и промышляла много горностаев, что она бы этого не делала, если бы не пылала страстью к Афонасью. Это был тот самый Афонасий, который купил корову за 5 рублей, убил ее деревянным чернеем топора, оставил на санях и которую затем съели собаки. Ай люли, бестолковый, негоденный помощник старшины, Иван Михайлович (Софья Фокеевна была его неверная жена)».

Далее по Оби, в местах размывов высокого правого берега, иногда встречались останки древних городищ в виде мусора, кусков железа и болотной железной руды, из которой древние обитатели, видимо, вырабатывали разные железные изделия. Осяки говорили, что тут проживали их предки — «Чудь».

Высшим божеством, творцом мира, для осяка является Туром, то есть свет. Осяк считает, что своим происхождением он обязан Турому, который предначертал ему занятия, труд и бедность, но дал в помощники собаку. Собака — это верный друг и неизменный товарищ осяка, который видит в ней существо разумное, чувствующее и играющее своюственную ей роль по определению свыше.

Большую роль в судьбе осяка играет также медведь, который в его представлении был сначала сыном Турома и жил с ним вместе на небе. Осяк твердо верит, что медведь ниспослан свыше, что он представитель на земле истины и справедливости.

Однако пора собственное воображаемое путешествие переместить к северному побережью, покинув Обь, пора и баснословие о Лукоморье перевести на реальную почву.

Не стоит удивляться тому, что места, называемые русскими людьми Лукоморьем, к их удивлению, стали перемещаться на юг. Считая обских остыков и самоедь лукоморцами, Поляков не ошибался. Теперь назовем эти народы нынешними именами — ханты и ненцы — и вспомним об их происхождении, о чем не могли знать русские первооткрыватели Западной Сибири.

Угры, или они же югры, т.е. остыки, — они же ханты, самоедь, или угро-самоеды — они же ненцы, пришли в Западную Сибирь с Алтая, и значительное количество, как уже было сказано, из Западной Европы. Ханты расселились по Оби вплоть до северного морского побережья, а ненцы по побережью Ледовитого океана, то есть эти народы не были аборигенами сих мест. Финские корни в языке угров наводят на мысль, что в древности какие-то финские племена переместились на восток, в Азию, а затем под натиском кочевников стали перебираться в сторону своей первоначальной родины и осели в Западной Сибири.

Рассказ упомянутого отрока о людях, язык которых нем, говорит о том, что был народ, говорящий на языке, отличном от югров и ненцев. Действительно, такой народ, живущий или в пещерах Уральских гор, или в глубоких землянках, или в жилищах, остав которых сделан из костей и ребер кита, покрытых дерном, был. Ненцы их называли «сиртЯ». Несомненно, что это были аборигены северного побережья, т.е. исконные лукоморцы.

СиртЯ отличались от ненцев и югров и по внешности, и по занятиям, и по культуре. Они были маленького роста, коренасты и крепки, занимались охотой на дикого северного оленя, рыбной ловлей и морским зверобойным промыслом. Одежду они носили не из оленевых шкур, как ненцы, а из шкур выдры, белого медведя, тюленьих кож, птичьих шкурок.

Еще в IX веке арабы говорили о людях побережья Северного моря, плавающих и охотящихся на морских животных, а в «Повести временных лет» XI века сообщалось о том, что Югра занималась обменом с жителями, которые жили в пещерах. Их языка Югра не понимала, и потому обмен был «немой». В преданиях о сиртЯ рассказывается, что они «ушли под землю, когда людей много стало».

Исчезновение сиртЯ, видимо, связано с появлением ненцев — «людей много стало». Хотя были совместные браки, но что-то, видимо, мешало их морскому промыслу. А быть может, вся причина в том, что стали появляться алчные новгородцы? Конечно, они не «ушли под землю», а, наверно, перебрались в другие труднодоступные места для при-

шельцев. Не дает ли на это ответ иностранная экспедиция XVI века, сообщившая о диковинных людях, живших в прибрежных районах Большеземельской тундры, на Новой Земле, непохожих на ненцев, известных тогда как «самоядь».

Родственниками ненцев по происхождению и языку были энцы, расселившиеся в низовьях Енисея. А также их соседи селькупы, живущие в Томской и Тюменской областях, на территории бывшего уезда Сургута.

В заключение можно сказать, что все племена: сирты, самоеды, югры, лопари и другие, проживающие в районах северного побережья, называемые лукоморцами, не могли не вызывать особого интереса, рождая легенды и баснословия. Их вид, занятия, обычай и верования являлись предметом удивления и фантазий. Да и могло ли все наблюдаемое и слышимое вразумить людей более высокой цивилизации, что древнейшие, давно вымершие обитатели Западной Европы и России, вместе с природой, оленями и ягелем, были такими же, как и лукоморцы — по виду, занятиям и вере. Помнят ли теперь, скажем, высокоразвитые французы, что их далекие вымершие предки были троглодитами? Там, где цивилизация набирала силу, она ступала на безнравственный путь покорения отсталых народов, вовлекая их в круговорот своей жизни.

Прошло не так много времени, всего-навсего около половины тысячелетия, и России стали принадлежать огромные пространства от западных границ до Тихого океана.

Князь Бардак и его княжество

В царском наказе от 19 февраля 1584 года воеводе князю Федору Борятинскому и голове Владимиру Оничкову предписывалось: «А пришед князю Федору и Володимиру в Сургут, в котором месте пригоже, высмотря место крепкое под город, и поставить город всеми людьми, и тutoшными, и под город очистить и город поставить».

Эти строки наказа говорят о том, что московскому правительству уже была известна и местность, где следовало основать город, и то, что там есть в достаточном количестве «тutoшнее» население, которое следует привлечь к строительству.

Основное любопытство историков обращено было на выяснение того, как воспринял князь Бардак появление на его земле русских людей, замысливших поставить город. Описывая останки укрепленного Бардакова городища, Миллер высказался, будто князь был настолько уверен в собственных силах, что сдался лишь тогда, когда русские выставили против него пушку. Однако вскоре эта версия сменилась на версию мирную, по вполне объяснимым причинам.

Ни в одном документе, в отписках воевод не говорится о том, что князь Бардак оказал сопротивление. Причины его лояльного отношения к русским понятны. Он не мог не знать, что за время их семилетнего властования приведены к шерсти и платят ясак многие сибирские княжества и ему тоже не

избежать этого. Все дело только во времени. Лучший путь к установлению взаимоотношений с новой властью — это сотрудничество. Налицо был наглядный пример Кодского княжества. В походе на Пегую Орду князь Игичей шел мимо Сургута и мог рассказать о выгодах своего положения, о царских пожалований. Кроме того, основным врагом князя Бардака был князь селькупов Воня. В данном случае его интересы с русскими совпадали. Позволив на своей земле построить город, он обеспечивал свою безопасность от внезапных нападений.

Прибывшие на место воеводы, пообщавшись с князем Игичеем, также поняли — насколько важна для них поддержка Бардака. Поэтому, предоставив ему льготы по выплате ясака, они ничего не сообщили об этом в Москву. Только через два года узнали в Посольском приказе о князе Бардаке по отписке воеводы Осипа Плещеева, сменившего Борятинского.

Приплыв к местности, называемой Сургутом, то есть рыбным местом, воеводы увидели на берегу берестяные юрты, где, видимо, и состоялась первая встреча с князем Бардаком. Несомненно, что в летнее время князь со своими людьми не мог находиться в зимнем укрепленном городке, отстоящем на 30 верст вверх по Оби, который описал Миллер. В это время остыки занимались ловлей рыбы у песчаных отмелей, что являлось основой их пропитания в зимний период.

Князь Бардак указал воеводам лучшее место для закладки города. Оно находилось при устье реки Салмы (ныне Сайма), в полутора верстах от берестяных чумов, стоявших на реке Бардаковке.

Казаки, среди которых было немало искусных плотников, умеющих не только изготавливать струги, стали сооружать рубленый город с двумя воротами, четырьмя глухими и одной проходной башнями, строить воеводский двор, государевы амбары и житницы, пороховой погреб, тюрьму и, конечно, церковь. А рубку леса и подвозку его к строящейся крепости осуществляли остыки князей Игичея и Бардака. Это было не последнее их совместное деяние.

Княжество Бардака занимало значительную территорию. В ее южной оконечности была река Аган, а рядом, на реке Тром-еган, стоял тот самый городок, который посетил Миллер. От него вниз по течению во владении князя было все правобережье Оби до Сургута — 30 верст, протоки — Малый и Большой Юган, реки — Малый Салым, Большой Салым, Малый Балык и Большой Балык. Там обитали местные князья, которые, находясь в вассальной зависимости у князя Бардака, платили ему ясак и были обязаны участвовать в военных опе-

рациях или общих делах, как, например, в строительстве города Сургута. В целом по княжеству набиралось около 400 дееспособных мужчин, способных держать в руках оружие, тогда как на первых порах по 10 волостям Сургутского уезда ясачников насчитывалось всего 600 человек.

В свое время на большей части территории княжества проживали селькупы, которые были вытеснены остяками князя Бардака.

Согласно преданиям, род князя Бардака проживал в юртах Люксипууль на Юганской Оби, недалеко от современного Нефтеюганска. Такие юрты были действительно зафиксированы переписью 1926 года, имеющие еще название юрты Тангины. «Люкси» — название не хантыйского происхождения. Оно связано со староселькупским понятием «ляк», которым когда-то обозначались особо искусные воины, составлявшие опору селькупских князей. Таким образом, Люкси-пууль — это городок воинов, называемых богатырями, облаченных в сверкающие латы, кольчуги и шлемы, и имеющих превосходное оружие, приобретенное у восточных стран в обмен на пушнину. Это свидетельствует в пользу мнения, существующего в научной литературе, о самодийском происхождении рода Бардака. Кроме того, его родовую тамгу в виде олена трудно соотнести с южной частью Западной Сибири.

Возникает вопрос — почему свою резиденцию князь Бардак основал в устье Тром-егана? Видимо, этому послужили два соображения. Во-первых, укрепленный городок с искусствами воинами выполнял функции сторожевого, ограждая путь от набегов с верховьев Оби, где обитали селькупы. Во-вторых, по названной реке он мог совершать военные экспедиции в бассейны рек Таз и Пур для сбора ясака с самодов, промышляющих немалое количество бобров.

Для чего же вообще князю Бардаку требовалось так много пушнины, что он облагал данью не только подвластных ему князьков, но и северные племена?

Вполне вероятно, что во времена власти Кучума он платил ему ясак, оставляя в своем распоряжении столько мехов, чтобы вести выгодную торговлю с купцами восточных стран, выменивая соболей, лисиц и бобров на дорогое оружие, серебряные и золотые изделия, а также на женские украшения. Ведь в те времена даже в юртах простых людей можно было обнаружить чашу или кубок из чистого серебра. Не мог не рассчитывать Бардак на то, что смена власти в Сибири не повлияет на пронырливых торговцев, что все равно появятся купцы, если не бухарские, то русские. Князь Бардак понимал, что не безрезультатная война

с русскими, а сотрудничество с ними принесет пользу. Конечно, правительство Москвы не могло полностью надеяться на подобные соображения остыцкого князя, и потому в царских наказах воеводам предписывалось соблюдать большую осторожность во взаимоотношениях с ним. Утвердиться такому мнению в Москве, прежде всего, способствовали своими отписками сами воеводы, создавая себе на всякий случай оправдательные мотивы.

Так, в наказе 1597 г. воеводам С.М. Лобанову-Ростовскому и И.Н. Ржевскому предписывалось: «А велети Бордаку посыпать в поход в войну братью и людей своих, а самому Бордаку в поход ходити не велети, потому что еще Бордак и сам не добре укрепился; велети ему у себя в городе да с ним сыну ево лучшему да брату Бордакову в те поры бытии в городе ж для тово, чтобы над государевыми людьми Бордак подводу не зделал».

Знал ли о недоверии к нему, таил ли обиду князь — об этом можно только догадываться. Во всяком случае именно он и его сын предупредили сургутских воевод Плещеева и Колемина о нависшей опасности.

«...да приехал де к вам в город в Сургут маия в 14 день Бордоков сын Тонем, а в розпросе вам сказал: слышал де он от ваховского остыка от Тадыбина сына от Нона, а ходил де он в Лунпукол вверх и слышал он от лунпукольских остыков, что Воня князь нашего ясаку дати не хочет, а хочет де, собрався с своими людьми и з дальными волостями, приходить к городу Сургуту. Да вы ж писали к нам, что сказывал вам Бордак, что Кучум царь подкочевал к Пегой Орде и с Вонею князем ссылаетца и учинили меж собою договор, что им по весне, собрався со всеми своими людьми, к городу Сургуту и на нашу казну и на запасы приходить».

В этом же наказе о походе на Пегую Орду прописано: «А только будет з Березова ратных людей казаков и тотар з детьми боярскими и со князем Игичеем или с его братьею не пришлют и ты бы, Осип, взял и послал с Иваном в поход сургутских остыков и Бардаковых людей всего послал 150 человек и сказал им наше жалованное слово: как они сходят в поход и нам послужат, и мы их пожалуем своим великим жалованьем и в ясаке им велим польготити. И запасу им в поход из наших житниц дал, сколько будет пригоже».

Как видно, царь выполнил свое обещание после удачного завершения похода на Пегую Орду. По льготам князь Бардак был приравнен к Кодскому князю. Если Игичею была отдана во владение Ваховская волость, то Бардак получил право собирать себе ясак с волости, назван-

ной его именем, т.е. Бардаковой волости, в которой насчитывалось около 90 человек. Однако сбор ясака осуществлялся им со всего княжества — и оклад, установленный для царской казны, и прибавка к нему для себя. Именно это в будущем и погубило княжество. Кроме того, он продолжал собирать дань с самоедов северных областей. Правительство считало такие действия незаконными и отразило это в указе 1597 г., от 31 января: «В Сургутском уезде вверх Путу реки живут кунная и асицкая самоедь человек с триста и больше, а государева ясаку не платят и в город в Сургут не приходят, а емлет де с них ясак Бордак себе. И воеводе князю Семену Бордаку говорити: то люди государевы вольные, а он с них емлет ясак себе напрасно, полно Бордаку и тово, что ему своими людьми владети».

Из-за нерасторопности воевод поход на реки Пур и Таз состоялся только через четыре года, когда чрезвычайное обстоятельство подтолкнуло деятельного сургутского воеводу Якова Борягинского на такое решение. Дело в том, что, в связи с коронацией на царский престол Бориса Годунова, он сроком на один год отменил уплату ясака с государевых инородцев. Однако Борягинский, считая северных самоедов вольными людьми, рассудил, что они не попали под указ, а значит, с них ясак можно взять. В результате на север была направлена экспедиция во главе с атаманом Богданом Зубакиным и Бардаковым сыном Кинемой.

Этот поход не дал никакого результата. К тому времени был построен острог Мангазея, и самоедские князья Акуба, Комга и Салым уже отдали туда ясак по 5 соболей с человека.

Когда в России наступило Смутное время, по Сибири прокатилась волна инородческих восстаний. В какой мере это коснулось сургутских остяков — сведений нет. Только события 1616–1619 гг. вновь напоминают о княжеском роде Бардака. Некоторые историки называют этот период как восстание остяков Сургутского уезда, но это не отвечает действительности.

На самом деле все происходило следующим образом. Остяки Бардаковой волости стали бить челом, чтобы их освободили от непосильного оброка княжеской верхушке, что они хотят по примеру прочих волостей платить ясак напрямую в государеву казну. Подчинение непосредственно русской власти остяки посчитали предпочтительнее, нежели быть «вотчинными» людьми своего князя, насильственно отбирающего у них часть добычи пушного зверя и заставляющего ловить для него рыбу. Ведь существующий статус князя означал только уплату помин-

ков (подарков) в государственную казну. С потерей такого привилегированного положения не мог примириться Бардаков сын Кинема, ставший после смерти отца вотчинным владельцем.

Осенью 1616 г. сургутский воевода Зубатой отправил в Кетский острог отписку с сообщением, что 17 августа «Бардаковы волости Кинема с товарищи 30 человек государю изменили и приходили на обских остяков тое ж Бардаковы волости на аганских и на аслыпских и на юганских ясашных остяков, хотели их воевати» (Миллер, 2000, с 273).

Сразу заметим, что в этом сообщении есть и ответ на «мучивший» историков вопрос о границах Бардакова княжества.

Е.В. Вершинин пишет: «На кого напал Кинема со своими сторонниками? На остяков Бардаковской волости, которая включала аганских, аслыпских и юганских остяков? Или первоначально стоял союз «и», который исключает перечисленных остяков из ее состава? В принципе допустимо и то, и другое».

Нет — не допустимо! Какой смысл был для Кинемы идти на неподвластных ему остяков?!

Не сумев переломить своих соплеменников, Кинема весь свой гнев обратил на русских, считая их виновными в его беде.

17 августа 1516 года в Сургут примчался на обласке остяк и сообщил: «Князь Кинема с тридцатью своими богатырями ходил на балыкских, юганских и обских людей и хотел их повоевать». В пути он напал на дощаник ясачников и убил казака Ивана Кайдалова. Его тело казаки везут в Сургут.

Для выяснения настоящего имени так называемого Кинемы сделаем отступление, прежде чем продолжить рассказ о его злодеяниях.

В царской грамоте от 31 августа 1596 года впервые упоминается Бардаков сын Тонем. В последующих документах он уже называется Кинемой. В то же время среди ханты средней Оби в исторических преданиях говорится о герое-богатыре в разных вариациях — Тонья, Танья, Танга. Впервые, в записанной легенде со слов юганских ханты, князь Танга сначала проживал по Большому Балыку, затем переселился на Большой Юган. Кроме этого имеются три варианта сказаний о Тонье. Мое мнение — не стоит гадать, а следует обратить внимание на имя его сына и некоторых других потомков.

Если сын князя назвал себя Сана Тынгириев, то, как говорят, и к гадалкеходить не нужно. Конечно, сопоставлять все данные, слова и буковки нужно, но при этом не следует забывать и о здравом смысле. У меня нет сомнений, что у бунтаря было имя Тынга,озвучное с Танга по преданию юганских ханты.

Теперь продолжим описание разбойных деяний шайки Тынги, в которой ближайшим его помощником был брат Суeta. Известны еще три имени — сын Тынги Сана, остыки Капалчейка Олчиков и Ослопейка Чичеев.

Побывав в устье Тром-егана, он напал на дощаник Третьяка Огородника и убил 9 человек. Можно предположить, что десятник Огородник не случайно оказался в районе старого укрепленного городка княжества. Видимо, он был послан на поиски Тынги, чтобы провести переговоры, и попал в засаду. Есть основание считать, что одному человеку удалось спастись, который и принес в Сургут трагическую весть.

Тынга понимал, что его теперь начнут разыскивать для возмездия, и потому счел опасным искать убежища в своей волости. Чтобы скрыться от преследования и переждать зиму, он укрылся на реке Вах, надеясь, что Игичеева жена, бунтарка Анна, его не выдаст.

Когда наступила весна, на Вах пришли 6 каюков промышленных людей. Они подверглись нападению Тынги. Было убито 17 человек. Помимо

этого, погибли 2 казака сургутского гарнизона и 2 холопа воеводы Ивана Зубатого. Все имущество разбойники забрали себе и скрылись «безвестно».

Между тем остыки оповестили воеводу Сургута, что мятежник намерен «украдом на Оби и в лесу русских людей» побивать, а в ясачные волости «с смутою посылати».

Воевода Зубатов решил послать против разбойников отряд казаков и верных русской власти остыков, всего 50 человек. Возглавлял отряд Богдан Сидоровия Зубакин, который когда-то с сыном Бардаковым ходил в мангазейскую страну, на Пур и Таз. Зубакин прошел до Балыка, но, убедившись из расспросов, что князь Тынга в этих краях не появлялся, повернул обратно. Однако по пути в Сургут он узнал, что в юртах по Оби проживает несколько семей бунтовщиков, которые он взял с собой в качестве заложников.

Более года скиталась шайка в верховьях Оби, что, хотя и косвенно, подтверждается челобитной казаков Томска в Москву, в которой они просят прислать положенное им жалованье и жалуются на нищету и дефицит в одежде. Они писали: «Торговые люди не заезжают, место дальнее, а от Сургута, государь, и до Нарыма обские остыки торговых людей не пропускают в Томской город, грабят и побивают» (Миллер, 1999. С. 439).

При этом следует сказать, что слухи о нападении на воеводу Томска Федора Боборыкина не нашли подтверждения. Достоверно известен только факт нападения на томских служилых людей, которые везли деньги для гарнизона своего города. Летом 1618 года Тынга напал на казаков, убил их и захватил 400 рублей, несколько мешков с копейками. Это переполнило чашу терпения воеводы Ивана Зубатого.

Как ни странно, но после этого разбоя и ограбления Тынга вдруг ушел «домой», то есть на Большой Юган в юрты, расположенные недалеко от современного Угута. Боялся ли он, что против него направят из Томска карательную экспедицию? А быть может, он решил, что в родных краях уже забыли о его грехах? Наверное, и то, и другое.

Возможно, воеводе донесли о возвращении Тынги, и он решил положить конец бесчинству бунтовщика.

15 июня 1619 года из Сургута вышел отряд во главе с подьячим Иваном Афанасьевым и толмачом Иваном Парабельским. Выбор был необычным, но, видимо, имел веские основания. Афанасьев был не обычным канцелярским чиновником, понаторевшим в бумажных делах. По скромным сведениям можно предположить, что он был и отличным наездником, и метким стрелком из лука, и хорошо ориентировался в

лесных чащах, где добывал черных лисиц. Иван Парабельский принял крещение и служил в составе сургутского гарнизона. Его фамилия говорит о том, что он выходец с реки Парабели, на которой в свое время была резиденция селькупского князя Вони. Возможно, он был одним из селькупских князьяков. Во всяком случае знание лесных урманов, умение читать следы ему не были чужды, а саадак с луком и стрелами был привычным оружием. С такими качествами, коими обладал этот альянс, вряд ли можно было найти хоть одного казачьего атамана. А ведь выслеживание бунтаря было не чем иным, как охота на затаившегося опасного зверя.

Финал этой экспедиции был таков: возле юрт, где обосновался Тынга, произошло сражение, в результате почти все богатыри были перебиты, и в их числе Суэта Бардаков. Казаки «тех наших изменников Суэту с товарищи побили и Кинемина сына большово и жену в полон взяли». Были найдены и мешки с деньгами, все 400 рублей, которые потом возвратили в царскую казну. Ну а князю удалось скрыться. Фольклорное предание говорит о том, что он был убит осяками своей волости.

Потребовалось почти 5 лет, чтобы награда «нашла» своих героев. Грамотой 1624 года Афанасьев и Парабельский за свои заслуги были пожалованы великим жалованием. Действительно оно было великим: подъячему установили жалование в 17 рублей, в то время как атаман Богдан Зубакин получал 7 рублей, а прославленный атаман Тугарин Федоров 15 рублей. Это был единственный прецедент в истории Сургута.

Сана Тынгиреев, «большой сын» Тынги, взятый в плен, просидел в Сургутской тюрьме более 5 лет и был освобожден в 1625 году. С этого года он фигурирует в документах как князец вплоть до 1656 года. Кроме Саны известны Елта и Ларых Тынгиреевы. Около 1646 года Ларых был убит самоедами. В 1656 году на челобитной осяков Сургутского уезда тамгу Бардаковой волости в виде олена поставил Бардачка Елтин.

В заключение можно сказать, что основа преданий о Тонье, или Танге, доносит до нас исторически достоверные события.

Свою трактовку этих событий я отразил в художественном произведении, в повести «Бунт Тынги», опубликованной в моей книге «Сибирские истории», изданной в Тюмени в 2007 г.

В «Материалах и исследованиях по истории Северо-Западной Сибири» Уральского университета за 2002 год содержится две легенды о Танье, записанные Е.П. Мартыновой из Тулы.

В.С. Мултанов

(юрты Рыскины)

Танья родился в селении Люкси пуутль на Юганской Оби. Он был беспупый. Танья — богатырь, он самый сильный начальник. Про него такой рассказ есть.

Жила девочка со стариком. Старик обижал ее. Однажды пошла девушка по ягоды. Вдруг видит — сверху на белом коне всадник спустился. Человек на коне ей со своей шубы бросил кусок соболиного саха и сказал: «У тебя будет сын. Назови его Танья».

Девушка вернулась к дедушке. Через некоторое время у нее родился сын. Она назвала его Танья. Он начал очень быстро расти. Однажды старик добыл большую щуку, весом около 10 кг. Танья говорит: «Хорошая щука. Можно одному съесть». Тогда старики разделал щуку и сказал: «Ешь. Если все не съешь, я тебе голову отрублю».

Танья ест щуку, не может всю осилить. А его мать, закрывшись платком, говорит: «Вместо воды ешь сырой щучий хребет». Танья так и сделал. Съел всю щуку. Сказал старику: «Я тебе могу голову отрубить». Но не стал этого делать. Ушел он с матерью от старика. Старик тем временем сообщил в Сургут, что Танья вырос и убежал. Казаки из Сургута поехали его искать.

А Танья с матерью поехал к юртам Еутским, где жила родня его матери. Там есть высокая гора Еутунвонт, прямо у реки Юган. Танья сказал родственникам матери: «Дайте мне лук». Родня не дала. Тогда Танья попросил их из лука выстрелить. Родня разрешила. Выстрелил Танья и пробил насеквоздь мерзлое дерево.

После этого пошел Танья выше по р. Юган. Между юртами Когончиными и Угутом есть Мукут-урий. Танья там с матерью обосновался.

Построил там избушку. Тем временем казаки его ищут. Сообщил им кто-то, что Танья в своем городке Мукутурий. Казаки туда и поехали. Родные начали помогать Танье луками и стрелами, делали их для него. Человек сто казаков подъехали к городку. Танья начал по ним из лука стрелять, а казаки в него из ружей. У казаков из ружья три человека стреляют: один заряжает, другой целится, а третий поджигает. А Танья из лука бьет — за один раз троих убивает. Стрелял он из окна в доме. Поубивал всех. После этого он начал головы врагам рубить и укладывать их через урий. Не хватило одной головы. Тогда Танья отрубил собачью голову и поставил.

Танья свою избушку водой облил. Замерзли стены, льдом покрылись. Тем временем другие казаки подошли. Начал Танья отбиваться.

Стрелы у него кончились, нечем стрелять. А казаки начали вверх по стенам забираться. Тогда Танья сверху на них бревна скатил. Кончились бревна. Казаки проникли вовнутрь. Танья в яму сел, а шубы кусок наружу выглядывает. Увидели его казаки и поймали. Повезли его в Сургут. По дороге остановились ночевать. Загородили Танью лошадиными телегами и колокольчики повесили, чтобы слышно было, если бежать надумает. А Танья под снегом ход прорыл и убежал.

Пришел Танья к юртам Рыскиным, что по Большому Югану. Там жила сестра Таньи с мужем. Танья говорит зятю: «Дай мне два добрых оленя-быка». Зять сначала отказал. Тогда сестра сказала мужу: «Если не дашь, он тебе голову отрубит». Дал зять ему двух оленей. Поехал Танья вверх по Югану. Остановился за юртами Ярсомовыми, чтобы олени отдохнули. Там кедр рос посреди болота. Танья с него сучки срезал и метку сделал. Сказал: «Когда дерево без сучков упадет, то век переменится». Сейчас этот кедр еще стоит.

Танья дальше поехал. Остановился он в вершине Большого Югана. Хотели его там поймать. Казаки объявили: «Кто Танью поймет, тому благодарность будет». Где-то на Демьянке Танью мухоморами накормили. Он начал дурачиться. Песни поет, пляшет. Начали люди копьями его тыкать. Кишки выползли, а он все пляшет. Потом умер Танья.

Сообщили люди казакам, что Танья умер. Приехали казаки на Демьянку. Смотрят, лежит Танья как живой. Приехал начальник казаков и говорит: «Зачем Танью убили. Он должен век жить. Вместо боженьки быть». Бог наказал Танью потому, что он собачью голову срубил. Это грех. Если бы Танья собачью голову не срубил, то был бы начальником у всех ханты.

В.Г. Каюков
(юрты Каюковы)

Танья родился в юртах Люкси пуутль на Юганской Оби. Его мать овдовела. От мужа у нее были дочь и сын. Однажды женщины позвали вдову собирать черемуху. Она отошла ото всех, вдруг слышит, что кто-то с ней разговаривает. Это человек сверху в белых одеждах на белом коне ей говорит: «У тебя родится сын». Человек дал ей от своего белого саха рукав и кусочек сукна, предупредив: «Чтобы ни один край земли не коснулся». Но сброшенная одежда коснулась земли. Тогда человек на белом коне сказал: «Поэтому ребенок твой долго жить не будет».

Родился у женщины Танья. Начал быстро расти. Волосы ему не стригли. Он носил косы длинные. Бегал Танья очень быстро. Когда бежал, Танья привязывал хорей за концы кос, так во время бега хорей земли не касался — приподнимался над землей.

Танья женился. Жил он сначала на Малом Югане со старшим братом недалеко от устья реки. Однажды казаки спускались на плотах. Таньи с братом не было дома. Казаки зашли в дом и напугали жен, что-то им сделали. Танья вернулся домой, увидел это и сильно рассердился на казаков. Решил отомстить. Сел с братом на облас и поплыл. Догнали казаков у Пысл кыт (пос. Каменный). Сначала казаков рубил только Танья, брату он сказал: «Когда рукоятка моего меча станет красной — помоги мне». Увидел брат, что рукоятка стала красной, начал помогать. В живых осталось только несколько казаков. Танья сказал: «Если русский царь хочет со мной воевать, пусть готовит новое войско». Казаки передали это царю.

Танья начал готовиться к войне. Около Угута укрепил свой городок. Построил из бревен избушку с бойницами — как крепость. Сверху кедровым корнем бревна привязал. Облил все водой, избушка замерзла. Танья на помощь позвал и других сильных людей. Один из них жил в юртах Рыскиных, другой — в вершине Малого Югана (Немль). В вершину Малого Югана Танья отправил посыльного, через которого передал: «Если Немль не поможет, то по Малому Югану только вода будет течь. В живых никого не останется». Немль согласился и поехал на подмогу Танье. Доехал он до бора Канджа урулем, остановился, чтобы дать передохнуть оленям, думает: «Зачем еду. Вдруг Танья слабее меня». Выстрелил Немль из лука в дерево — насквозь прошиб стрелой ствол толщиной в три пальца. Отправил после этого к Танье посыльного, через которого передал: «Пусть Танья приедет сюда. Посмотрю, какой он силач. Буду ему помогать, если он окажется сильнее меня». Приехал Танья. Выстрелил из лука. Его стрела наполовину в дерево вошла. Но Танья уговорил Немля помочь ему.

Собрались все в городке Таньи. Идут русские казаки. Рыскин-то выстрелил — хотел посмотреть, как упадет русской женщиной рожденный человек. Но ему самому пуля попала в рот.

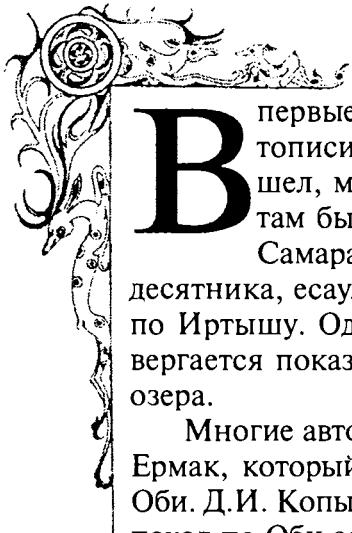
У русских из одного ружья три человека стреляли: один заряжает, другой целится, третий держит. А Танья из лука быстро стрелял. Танья побил казаков. Те побежали за помощью. Танья убитым казакам головы отрубил и перегородил ими урий. Не хватило до берега немного. Тогда он головы собачьи отрезал. Наказал его бог за это — лишил силы.

Тем временем второе казачье войско пришло. Поймали Танью в его крепости. Убили его, а голову отправили к русскому царю в Москву.

Все варианты легенд о Танье перекликаются между собой. В них и реальные события, и языческо-мифологические восприятия мира — Танья представлен как старший сын божества Кон-ики.

Князья Алачевы

Впервые о князе Алаче упоминается в Кунгурской летописи Семена Ремезова, но как бы вскользь: пришел, мол, князец Алач с ясаком к устью Иртыша и там был поставлен главным князем, вместо убитого Самара. А назначение такое якобы получил от пятидесятника, есаула Богдана Брязги, совершившего поход вниз по Иртышу. Однако то, что поход возглавлял Брязга, опровергается показанием Синодика о его гибели у Абалакского озера.

Многие авторы считают, что во главе экспедиции был сам Ермак, который продолжил поход от устья Иртыша вниз по Оби. Д.И. Копылов не поддерживает такое мнение, считая, что поход по Оби состоялся только в следующем году, и сетует на недостаток летописных сведений. Но логика — вещь упрямая, и развитие событий могло происходить по иному сценарию.

Так же, как и все последующие походы, возглавляя лично Ермак, он и в этом, первом, вряд ли мог передоверить столь важное дело второстепенному лицу. И не пятьдесят ратников участвовало в экспедиции, а значительно больше, хотя бы только потому, что в ней принимал участие атаман Никита Пан со своими казаками. Это, несомненно, выдумка — будто бы он погиб при преследовании Маметкула после трагедии на озере. Иные достоверные свидетельства говорят о том, что Ермак сам организовал поход на Абалак со значительными силами и разбил татар.

Начало похода вниз по Иртышу состоялось 5 марта 1582 года. Часть казаков шла на лыжах, а часть на лошадях, которых Кучум при бегстве оставил в Искере. После оказанного казакам в иных местах сопротивления, ими были взяты один за другим городки: Аремзянский, Туртайский, Демьянский, Рачевский, Нарымский и Колпуховский. Причем в три последних городка казаки приплывали уже на стругах, построенных на реке Демьянке, в связи с началом половодья. Отсюда же Ермак отправил с небольшой охраной в Искер лошадей и собранный ясак. Затем казаки подошли к городку при устье Иртыша, в котором засел кодский князь Самар с восьмью князьями, чтобы преградить Ермаку выход на Обь в пределы его княжества.

Проплыв ранним утром по протоке к спящему городку, казаки перебили караул, а князя Самара, схватившегося за саблю, застрелили. Остальные князья разбежались. Однако, пока Ермак оставался в этом городке, туда стали приходить некоторые князья с подарками. При этом особенно отличился князец Алач. Не долго раздумывая, Ермак назначил Алача главным князем Коды, с властью над 13-ю городками. Кода (ныне село Октябрьское) остался главным городом Кодского княжества.

Быть может, оттого и нет подробных летописных сведений о походе по Оби, потому что все решилось мирным путем, кроме сражения за город Казым (ныне Березов), где немало погибло казаков и в их числе отважный и лихой атаман Никита Пан.

У меня есть предположение, что предусмотрительный Ермак взял у Алача в аманаты сына, так как в недалеком будущем Игичей уже не плохо владел русской речью.

Когда после гибели Ермака татары делили между собой его одежду и «сбрую», то из уважения к осяцкому князю, ставленнику атамана, Алачу выделили один из панцирей, который он поместил в Белогорское святилище.

После смерти Алача право наследования власти получил Игичей. В отличие от отца он был воинственным человеком, унаследовав в то же время от него способность проводить тонкую политику во взаимоотношениях с русскими властями. Он верой и правдой стал служить России, совершая необходимые военные походы и выполняя задания. Так, в 1592 г. он с двумя сотнями своих ратников ходил войною на Пегую Орду, не пожелавшую стать вассалом России и платить ей ясак. Погромив селькупского князя Воню, он взял в плен его сына Урунка и доставил в Тобольск, где тот 2 года пробыл в аманатах.

О том, что правительство Москвы целиком полагалось на Игичея, говорят предписания наказа царя Федора Ивановича воеводе Ф.П. Борятинскому и голове В. Оничкову о строительстве города Сургута, от 19 февраля 1594 года. Игичей был придан воеводам для участия в строительстве. В наказе было прописано: «А вскинуть город делати на всю рать, на литву и на казаков, на тобольских, и на березовских, и на новоприборных, и на татар на княж Игичеевых, и на ближние волости на остяков, которые близко того нового города будут». Кроме того, наказывалось: «А будет Воня ясаку не пришлет к ним в город, а отпустить князю Федору с Володимиром, перебрав, с ним лучших людей князя Игичея с лудьми и тutoшних остяков в Пегую Орду воевать, чтоб ево извоевать и ясак с него и со всей Пегой Орды прошлой и нынешней собрати и привести их под государеву руку».

В грамоте от 31 августа 1596 г. сургутскому воеводе О.Т. Плещееву об организации похода на Пегую Орду под предводительством головы И.И. Колемина вновь упоминается Игичей: «А о всяких тамошних делах в походе ты, Иван,роспрашивал князя Игичея Алачева, только будет в походе князь Игичей, да атамана Черкаса Александрова, потому что им тамошние сибирские всякие дела и походы за обычай».

В конце концов в 1597 г. поход на Пегую Орду состоялся. В нем участвовало и войско Игичея. В итоге кодскому князю были отданы во владение городки по реке Вах, в которых насчитывалось более 100 человек. В государеву казну платили ясак только 6 человек, а остальные князю Игичею и его сыновьям.

Приведены были под царскую руку волости: Васюганская, «а в ней князец Юрлымко и ясачных людей 81»; Аслымская с четырьмя ясачными людьми; Карабанская, в которой было 20 ясачных людей; Сымская с 15-ю ясачниками; Тымская, «а в ней князец Мар и ясачных людей 59».

Теперь вернемся к 1594 г. До прихода в Сургут, по словам П.Н. Буцинского, «кодский князь Игичей вместе с Березовским боярским сыном Змеевым сделал большой набег на князя Большой Конды Агая и страшно опустошил его княжество: сам Агай, его сын, дочь и брат были пленены, имущество их ограблено, много кондинских ясачных людей было перебито и много захвачено в плен». Автор ссылается на постоянную вражду между князьями, необоснованно называя этот поход «набегом».

В защиту князя Игичея хочу напомнить, что правительство Москвы, будучи обеспокоенным бесчинствами пельмцев и кондинцев, еще в 1582 году направило князей Петра Горчакова и Никифора Троханио-

това для строительства городов Пелымса и Березова, дабы усмирить эти племена путем военных экспедиций и казни их правителей. В царском наказе предписывалось: «А укрепясь, промышлять, чтобы приманить пелымского князя Аблегирима, да сына его большого Тагая, да племянников его, да внучат и лучших людей его пять, шесть, которые самые пущие, от которых смута была, казнить».

Построив город Березов, Троханиотов, после безуспешной попытки привести к шерти Кондинское княжество и собрать ясак, осуществил военную экспедицию, а не «набег», на Большую Конду, отправив затем в Москву Агая с его родственниками и взятыми трофеями в виде ценностей, а не «награбленное имущество».

По этому случаю кондинцы в 1600 г. жаловались царю Борису: «в прошлом 1594 г. Иван Змеев и князь Игичей напали на их землю, юрты разорили, имущество разграбили, а жен, детей, род и племя их взял к себе князь Игичей; да у мурзы Курманака Игичей убил отца и мать его, а жену и детей свез к себе в юрты, и ныне жены их и дети, сестры, братья и племя служат у князя Игичея и его людей в холопах». Видимо, эта жалоба и послужила причиной выводов Буцинского.

Однако в 1594 г. царь оценил заслуги князя Коды великим пожалованием: «Се язъ Царь и Великий Князь Федор Иванович всея Руси Самодержец пожаловал есьмя отчины своей Сибирские земли Остяцкого Игичея Князя Алачева, да брата его Онжу Юрьева за их службу в Сибирской земле волостью Васпалукук, да волостью Колпклукук со всеми угодьями и ясаком Игичею Князю с братьею теми волостями угодьями и людьми владети, и ясак с них забирать себе. А Нашим Сибирским Воеводам и приказным людям их ни в чем не судити, а владеть и судить Князь Игичей да брат его Онжа. Данна сия Наша Царская жалованная грамота в Нашем царствующем граде Москве лета 7102 (1594 г.) году февраля 18 дня».

В это же время произошел любопытный инцидент. Пленницу, красавицу княжну, дочь кондинского князя, Игичей оставил себе. Но по неизвестной причине воевода Троханиотов отобрал ее у Игичея и отдал остяцкому князю Шатрову Лугуеву. Возмущенный Игичей тут же направил жалобу царю, который велел Троханиотову немедленно вернуть «девку», что было выполнено, но вызвало восстание остяков нижней Оби, которое затем было подавлено.

Будучи язычником, Игичей по политическим соображениям решил принять православную веру, не заботясь о том, что будет пребывать в двоеверии, не нарушая и обычаев своего народа. То, что было дозволено

ему, не мог осуществить простой остык, так как после крещения сородичи отторгали его, и он вынужден был поселяться рядом с русскими и поступать к ним на службу. Поэтому такие случаи были очень редки.

В 1599 г. Игичей отправил в Москву одного из сыновей, который принял христианскую веру и был наречен Петром. В этом же году его жена, княгиня Анна, крестилась в церкви города Березова, после чего была челом государю, чтобы в ее вотчине Коде построить церковь. Государь пожаловал и велел березовскому воеводе приговорить попа в Березове. Кодская церковь Живоначальной Троицы просуществовала недолго: в 1607 году княгиня Анна приняла участие в остыцком бунте и угодила в тюрьму. Тогда игумен Евстратий, служивший в этой церкви, просил государя вернуть его в Березов, потому что ему в Коде делать нечего и приходу нет никакого, а в Березове у него есть дети духовные. (П. Буцинский. Тюмень, 2003. С. 136.)

В 1602 году Игичей построил в Коде церковь во имя святых Зосимы и Савватия, а в 1603 году, после крещения, его сын Михаил построил вторую церковь во имя Живоначальной Троицы и пожертвовал туда разные священные сосуды и книги. На серебряном портире была надпись, что серебряные сосуды даны в церковь Живоначальной Троицы кн. Михаилом Алачевым 1629 г. 1 сентября. Сам Михаил постоянно жил в Тобольске и здесь также построил церковь во имя Живоначальной Троицы. Будучи в Москве, он был произведен в стольники и женился на русской девице из знатного рода, но вернулся в Тобольск. Тут он и умер. А в Коде его жена остычка родила ему сына Дмитрия, который вырос и стал княжить в Сибири. Ему принадлежала вся Ваховская волость Сургутского уезда. Отправившись однажды в Коду, он ограбил церковь, построенную его отцом, которая долгое время оставалась без пения из-за отсутствия священника, и начал распродавать в Тобольске священные сосуды и книги. Об этом сообщил царю в своей отписке архиепископ Герасим.

Петр Буцинский знакомит с этой отпиской в своих сочинениях.

«В нынешнем 1644 г. ведомо мне учинилось, что князь Димитрий пограбя в церквах Божиих отца своего церковные серебряные сосуды и служебные книги, начал продавать их в Тобольске. Я велел ему принести то церковное строение к себе посмотреть будто для купли и он принес — потир, три блюда, звезду, копие и лжицу, да книг печатных — 12 миней, два октая, а триоди — постную и цветную продал самаровским ямщикам. И те сосуды, книги я взял и положил в софийскую казну до твоего государева указа, а отдать ему не смел, чтоб он кн. Димитрий не осквернил, не продал бы их иноверцам; русским же лю-

дям тех сереб. сосудов выменить некому, потому что в Сибири люди все бедные и места церковныя все скудныя».

На отписку Герасима последовал царский указ: «Велено из Сибири кн. Дмитрия Мих. Алачева с матерью, женой и детьми отпустить в Москву, отчину его Коду отписать на государя, а пограбленные церковные сосуды и книги отослать в Коду, в церковь Живоначальной Троицы».

В Москве Дмитрий был произведен в стольники. Впоследствии ему была дана волость Лена, на реке Вычегде, Вологодской губернии. Там он и скончался.

Однако, несмотря на царские льготы, не все князья сохранили верность Руси. В свое время они приняли православие с христианскими именами, но, воспользовавшись неурядицами на Руси, призвали свой народ к бунту, чтобы полностью освободиться от ясака, обрести свободу. Подняли восстание князья Василий Обдорский, Шатров Лугуев, Онжа Юрьев, брат Игичея и вдова Игичея Анна Алачева. После их двухмесячной попытки взять Березов осада была сорвана подоспевшими на помощь казаками во главе с бывшим соратником Ермаком Черкасом Александровым. Повесили 30 бунтовщиков, в том числе зачинщиков — Василия Обдорского и Шатрова Лугуева. А княгиню Анну посадили в тюрьму. Когда ее выпустили, она вновь взялась за подстрекательство к бунту — ездила к сургутским остякам и на Иртыш к татарам, чтобы договориться вместе идти войной на Тобольск. Она умерла в 1649 году. Как известно из воеводских грамот, с ее смертью «роду и племени Алачевых никого не осталось», «Кодский городок стал впусте, и церковь божия стоит без пения».

Княжество Барса

Найденные за последние годы в Москве документы составили к настоящему времени Сургутский архив, из которого почерпнуты многие исторические факты, освещдающие целый ряд событий со дня основания города Сургута в 1594 году. Этот архив предоставил нам возможность получить немало сведений о княжестве Бардака, но о княжестве Барса есть только «намеки», если можно так выразиться. Мы узнаем, что на прилегающей к Сургуту территории с низовой стороны проживали ясачные люди. Во владении какого князя они были? Об этом косвенно подсказывает нам нынешнее название предполагаемого центра — Барсова гора, в 22-х километрах от Сургута. Распространялось ли данное владение далее вниз по Оби — вообще не известно. О том, что это правобережное княжество являлось частью княжества Бардака, ни в одном документе не упоминается. К княжеству Бардака относилось только левобережье, ограниченное Юганской Обью.

Те сведения, которые можно извлечь из документов, говорят о том, что все городки, расположенные вниз по Оби от г. Сургута, уже платили ясак в Тобольск. Как видно, в этом отношении не возникало проблем, и потому ни в отписках воевод, ни в царских указах они не фигурируют и имена князьков не называются.

О мирном к ним отношении можно судить, исходя из царского наказа воеводе Ф.П. Борятинскому и голове В.Оничкову

от 19 февраля 1594 года о строительстве города Сургута, в котором говорится: «А волости все и городки, которые пошли от Обского городка от усть Иртыша к новому городу Сургут, и Сомаровская волость ведати судом и управою и ясаком в тот новый город князю Федору и Володимиру, и ясак им платить по прежнему, как они платили в Тобольский город».

Видимо, княжество Барса не отличалось территориально-родовым объединением от других княжеств. Оно также должно было иметь свою дружину воинов-богатырей, состоящую в основном из родственников князя: братьев, мужей его сестер, взрослых сыновей своих и членов семьи. Такая дружина, численность которой доходила до 30 человек, проживала в отдельном укрепленном городке, а слуги и черные люди жили в открытом поселении. В то же время охотники, добытчики пушного зверя, жили обособленно, рядом со своими угодьями в лесных чащах вдали от берега реки, в городках из одного-двух домов на одну семью, имеющих укрепления для защиты от набежчиков.

Археологические раскопки на Барской горе позволяют нам узнать и о княжеском городке, и о селище, и об образе быта и занятий населения. Многочисленные серебряные и бронзовые изделия, женские украшения, дорогое оружие и прочие предметы, извлеченные из земли, повествуют нам почти о 5-тысячелетней истории этого уникального местечка на Оби, и дают также возможность представить и недавнее прошлое княжества, относящееся к концу XVI столетия.

Ниже я знакомлю читателя с отрывком из моего художественного произведения «Повесть о Сургуте», о княжестве Барса, как о плоде моего воображения.

«Вершина горы, на которую въехал отряд, представляла собою плато, приютившее селище из полутора десятков домов, хаотически разбросанных среди островков леса, и городка, расположенного на вырубке, с укреплением нешироким мелким рвом и валом высотою всего в четверть сажени.

Однако взоры сургутян приковала к себе отдельная площадка, на которой шло соревнование по владению оружием между воинами племени.

— Наверное, это те самые богатыри, о которых говорил старик, — сказал Оничков. — Давай, Яков Петрович, посмотрим на них со стороны, чтобы не спугнуть.

Схоронившись, за густым подлеском и кустами, казаки с интересом наблюдали за происходящим. Одна группа остыцких воинов, облаченная в кольчуги, панцири и железные шлемы, состязалась на мечах и боевых топорах, а другая — метала дротики.

С западной стороны площадки, где солнце не являлось помехой для наблюдения, расположились зрители. Те, что сидели на тесовых скамьях и выделялись яркими одеждами, судя по всему, составляли княжескую знать, а те, которые серой массой толпились за их спинами, были, видимо, черный люд, слуги.

— Пожалуй, пора нам объявиться, — сказал Борятинский и выехал из укрытия.

Внезапное появление вооруженных людей вызвало переполох среди зрителей, но не испугало воинов, которые мгновенно выстроились в боевой ряд. Но человек, выступивший вперед, вложил в чехол саблю и поднял руку, призывая народ к спокойствию. Легко было догадаться, что это был не кто иной, как сам князь Барс. В спокойном, неторопливом продвижении колонны казаков он не усмотрел угрозы и поэтому невозмутимо дождался приближения нежданых гостей.

На расстоянии трех-четырех десятков шагов Борятинский остановил скакуна, спешился, сказав, чтобы Оничков, Зубакин, Ерошка и толмач приняли участие в переговорах, и подошел к князю.

Это был немолодой человек среднего роста и крепкого телосложения. Всем своим обликом он значительно отличался от других воинов, обремененных тяжелыми латами и панцирями. На нем была лишь легкая кольчуга с бронзовыми накладками на плечах да широкий пояс, расшитый серебряной нитью. Кроме того, его осанка, гордо приподнятый подбородок, небрежно опущенная рука на рукоять сабли — нарочито указывали на отсутствие склонности к заискиванию перед русскими начальниками. Он опередил слово Борятинского, выставив вперед ладонь, и изрек:

— Я знаю, что сегодня ты главный посланник белого царя в Сургуте. Надолго ли? Уже много сменилось воевод, но ни один не побывал на нашей горе. Ты первый — и это у меня вызывает тревогу. Чего ждать — добра или зла?

Речь вождя освободила Борятинского от фальшивого приветствия, и он с охотою ответил:

— Разве, князь, русские причинили тебе зло? Насколько мне известно — ты обложен ясаком вдвое меньшим, чем была плата Кучуму-царю. Племена Сибири стонали под его гнетом. Он призывал воевать против Ермака, и ты покорно посыпал людей в его войско. Но разве русские наказали тебя за это? Разве ты дал клятву верности Руси и ее Государю из страха мести? Нет! Ты не желал возврата жестокого хана! Ведь так?

— Так! — подтвердил князь Барс. — Но когда пришли вы с огненным оружием, когда построили Сургут и небесный дом-церковь, а ша-

маном у вас стал поп с крестом, то священный лебедь взмахнул крыльями и улетел в небо — в приют наших богов и духов. И пустынно теперь круглоицее озеро.

— Почему ты думаешь, что лебедь улетел из-за нас? — удивленно спросил Борятинский. — Улетел один — прилетит другой.

— Может быть, и прилетит, если твои казаки перестанут обижать моих людей, — суровым голосом сказал Барс. — Казаки, как волки, а мои охотники беззащитны перед ними, как олени.

— Какие же обиды они чинят?

— Они наезжают в городки, где живут одинокие семьи, и обманом или силою отбирают у них соболей.

Борятинский опешил, бросив гневный взгляд в сторону Зубакина, но Оничков пришел к нему на выручку:

— Думаю, что это не казаки Богдана, а новоприборные, — сказал он.

— Обещаю, князь, что я накажу виновных, — пообещал Борятинский. — Однако и твои люди уличены мною в воровстве. Одного из них пришлось высечь плетью. Он нарушил запрет принимать у себя купцов и вести с ними тайную мену.

Настала очередь прогневаться и князю Барсу. Борятинский тут же воспользовался этим и предложил совместное посещение городков.

— Хорошо, — сказал Барс, — завтра, как только растает туман под взглядом солнца, мы отправимся в путь, А переночевать твои люди могут в наших домах.

Оничков шепнул Борятинскому:

— Не следует разъединять казаков. Нужно для ночлега устроить свой стан. Кто знает, что на уме у этих богатырей?

Борятинский в знак согласия сжал Оничкову руку и сказал Барсу:

— Для начала я готов посмотреть на твои дома в городке и селище, пока еще не зашло солнце. Веди нас и показывай.

Когда князья и их свита из казаков и остыakov переходила через мостик, переброшенный через ров, Борятинский высказал Барсу мнение о непригодности защитных сооружений на случай осады их неприятелем, на что получил ответ:

— Да, ты прав, воевода. Наши предки, вооруженные только дубинами, кроме луков и копий, рыли глубокие рвы и ставили высокие стены. В то время многие племена были очень малы, слабы и беззащитны из-за недостатка мужчин-воинов. Кто был сильнее, тот нападал на слабых, убивал, грабил святынища, уводил женщин. Поэтому приходилось строить надежные укрытия. Теперь же племена объединены в кня-

жества, и каждое имеет войско богатырей, способное защитить свой народ в открытом бою.

— А ты не боишься нападения тех, кто сильнее тебя?

— Кроме чумыль-купов с реки Васюган, мне некого больше опасаться. Однако я и их не боюсь. У них нет таких опытных воинов, как мои, и нет такого хорошего оружия. Кроме того, у меня договор о союзе с князем Бардаком.

Вначале осмотр городка произвел на приезжих удручающее впечатление. Беспорядочно разбросанные, почерневшие от времени бревенчатые, приземистые дома были похожи на распластавшихся чудищ, взирающих глазницами, подернутыми мутными пеленами. Возле каждого жилища стояли на четырех высоких столбах лабазы, обтянутые оленьими шкурами, и зияли углубления кострищ, с висящими над ними продымленными котлами. Единственное, что скрашивало убогую серость, это раскидистые ветви с сине-зеленой хвоей над крышами да молитвенный шепот листвьев одиноких осин.

По-иному выглядела южная часть горы, относящаяся к городку. Там, перед крутым склоном, расступался кедровый урман, открывая взору речные и долинные просторы Оби, а в зеленой тени кедров затаилось святое место, огражденное высоким острокольем с железными воротами.

Во внутрь этой территории князь Барс согласился пустить только Борятинского, Оничкова и толмача, а с собою взял доверенного слугу. Казакам и богатырям было велено ждать за воротами.

На подсыпанной песком и тщательно выровненной площадке располагалось два сооружения — большой прямоугольный дом, охраняемый двумя стражниками в доспехах, и маленькая избушка на высоких ногах, над которой трепетала белесой листвой престарелая лиственница, украшенная цветными кусочками материи. Перед избушкой стоял врытый в землю, высотою в сажень, деревянный идол в собольей шапке. Казалось, что его грозный взгляд из-под нахмуренных бровей и ироничная улыбка тонких губ, обмазанных кровью, выражают превосходство воплощенного в нем духа над всеми людьми. Рядом с идолом лежал огромный жертвенный камень, также со следами крови на плоской поверхности.

— Ну и камешек! — удивленно воскликнул Борятинский. — Тут окрест и маленького не найдешь, чтобы бросить в собаку. Где же его взяли? Однако более любопытно — что находится в избе под стражей?

Князю Барсу очень не хотелось допускать туда русского воеводу. Он вспотел, лицо его побагровело, пальцы сжали рукоять сабли, когда

Борятинский направился к заветной двери. Оничков сжал Барсу руку и сказал:

— Не гневись, князь. Мы не причиним зла и никому не поведаем о твоих тайнах.

В конце концов Барс уступил настойчивой просьбе гостей и послал слугу разжечь в чувале огонь, чтобы осветить помещение.

Это было восхитительное зрелище. Пол и стены покрывали ковры изумительной красоты. Персидские, бухарские и иных южных стран — они пестрели яркими цветами мозаики и изображениями диковинных зверей, а на них висело дорогое оружие — сабли и кинжалы. По двум дальним углам, прислоненные к стенам, стояли боевые топоры и тяжелые мечи. Часть комнаты, ближе к входу, была заставлена поставками, обвешанными связками соболей и серебристых лисиц. Отдельно, на возвышении, устроенном из отполированных кедровых пластин, стояли серебряные и позолоченные кубки, чаши, блюда и вазы, а между ними ларцы из красного и черного дерева, в которых, словно звезды, сверкали драгоценные каменья. Увиденные сокровища захватывали дух.

— Откуда все это? — спросил Борятинский у Барса.

— Раньше к нашим отцам с таким товаром приходили бухарские купцы и делали мену на соболей.

Борятинский сказал Оничкову:

— Завладеть таким богатством найдется немало охотников. Вот почему не городище, а кумирня и сокровищница ограждены крепостными стенами, за которыми могут укрыться все богатыри князя. Иметь бы нам в Москве это добро, Володимир. Вот зажили бы! А?

— Выбрось из головы, Яков Петрович, дурные мысли, — испуганно сказал Оничков. — Стоит русскому человеку посягнуть на святыни и сокровищницы любого княжества остяков, как по всей Сибири разразится бунт.

— Я понимаю, что это так. А жаль...

Покинув пределы городка, все направились к селищу, где хаотично разбросанные по урману дома занимали значительную площадь. Там, несмотря на терпкий аромат хвои, воздух был осквернен запахами гниющих отбросов и уже знакомыми рыбными испарениями из котлов.

Во время объезда, Борятинский морщился, был раздражен, придирчив, и часто повторял подьячему:

— Ты пиши, братец, пиши. Всех перепиши.

Ерошка с тетрадью в руке и чернильницей на груди, подвешенной с помощью бечевы, говорил:

— Пишу, Яков Петрович, пишу.
 — Я с этих бестий сполна возьму ясак.
 — Они и так исправно каждый год платили.
 — Мало платили! Теперь по одиннадцать соболей с каждого дыма отгадут!

— По наказу государя — по десять, — уточнил Ерошка, бросив взгляд на князя Барса.

— А я говорю — по одиннадцать!

Вдруг Борятинский вспомнил о купце.

— А где наш преступник? — спросил он Зубакина.

— Помогает оборудовать стан для ночлега.

— Приведи его сюда.

Когда появился купец, воевода ласковым голосом заговорил с хозяином дома о его жене, о детях, о здоровье и, как бы между прочим, указав на купца, спросил — знает ли он этого доброго человека?

Не заподозрив подвоха, остык осклабился радостной улыбкой, закивал головой и сказал:

— Его все у нас знают. Он добрый, ой, добрый человек! Хорошие товары привозит.

— А не обижаете вы его?

— Нет, никто не обижает! Лучших соболей ему отдаём!

Смахнув пот с жирного лица, купец с ненавистью посмотрел на остыка, а Борятинский, криво усмехнувшись, сказал:

— Слыwał, Микита? Свой ты тут человек, желанный. А теперь иди обратно, в помощь к казакам.

Откровенность остыка повергла в растерянность князя Барса, исказив его лицо многообещающим, гневным взглядом, что разогнало мрачность Борятинского.

— Теперь вождь у нас, как окунь на крючке, — сказал он Оничкову.

— Придется ему задабривать меня знатными поминками.

На этом объезд завершился. Борятинский пришпорил коня и поскакал к стану. Сопровождающие, последовали за ним.

Место для ночлега Зубакин выбрал такое, чтобы стража могла обозревать все подходы. В его центре установили шатер воеводы, а вокруг него сделали лежанки из лапника елей и сосен и разожгли костры, от которых сразу повеяло манящим духом жареного мяса. Это князь Барс в знак гостеприимства велел зарезать несколько овечек из своего стада.

Отговорившись от ужина в доме вождя, Борятинский пригласил Барса к своему костру, пообещав угостить русскими медами.

Вечер выдался тихим, безветренным, раздольным для гнуса, но колющие искры костра и несколько курильниц, заботливо расставленных Зубакиным, создали надежную защиту места трапезы. Кроме Оничкова, воевода позвал на ужин атамана, толмача и подьячего, сказав ему:

— Ты, братец, продолжай делать записи в тетрадь и держи под рукой поминочную книгу.

Борятинский усадил на походные складные стульцы избранную компанию, вдохнул аромат поджаренного мяса, и сказал казакам, приванным в услужение:

— Поспешайте, други, а то помру от голода!

Двое казаков тут же сняли с огня и положили на плаху заднюю часть барана, порубили ее палашом на куски и наполнили чаши брагой. А Ерошка прочитал молитву, вызвав косые взгляды князя Барса.

— Это твой шаман? — спросил Барс у воеводы.

— Что-то вроде того, — неопределенно ответил Борятинский и предложил выпить за князя и его народ.

Некоторое время все были заняты утолением голода. Ели молча. Было только слышно, как недалеко колдует кукушка.

— А где твой шаман? — вдруг спросил Борятинский у Барса. — Почему ты не познакомил с ним?

— У меня нет шамана. Я сам с духами разговариваю.

— Сам? Как же так?! И в бубен сам бъешь?

— Я все делаю сам!

— Да-а. Велика твоя власть. Ни с кем не хочешь делить?

— Не хочу!

— Тогда скажи мне — почему у твоего деревянного предка губы в крови?

— Когда на жертвенном камне я убиваю овцу или оленя, на запах мяса слетаются духи, чтобы насладиться кровью. Мы пьем из одной чаши — я и дух предка. Поэтому у него и губы в крови.

Подмигивая Оничкову, подпаивая остыцкого князя, Борятинский стал восхвалять его за мудрость в создании боевой дружины богатырей, за верность русскому царю, за исправную сдачу соболей, за достоинства, коих нет у князя Бардака. Последнее вызвало особое удовольствие у захмелевшего Барса. Он стал бахвалиться своею проницательностью и сказал, что не очень доверяет Бардаку, который в любые, выгодные для него обстоятельства, может войти вговор с солькупами и нарушить договор о мире. А недавно у Бардака и тут побывали люди нарымского князя Кичея, которые склоняли к бунту против Сургута. Но он, Барс, их прогнал.

Это сведение очень насторожило Борятинского. Он попытался разузнать о каких-либо подробностях в намерении солькупов, но Барсу они не были известны. Устав от долгой беседы, посчитав, что больше ничего полезного не выведает, Борятинский зевнул, бросил взгляд на светлое небо в розовых кудряшках туч, и сказал:

— А夜里 тут белые.

— Белые, — сказал князь Барс. — Это оттого, что белые лебеди прилетают.

Утром к шатру воеводы выстроилась вереница людей с поминками. От каждого дыма несли то, что имели в запасе — соболей, лисиц, белок, куниц, бобров и горностаев. Несли понемногу, а набралась целая гора мехов.

Одновременно казаки сворачивали лагерь и седлали коней.

Не заставил себя ждать и князь Барс. С пятью всадниками он подскакал к Борятинскому и сказал, что готов отправиться в путь.

На объезд городков ушел весь день, и только к заходу солнца экспедиция вернулась в Сургут. В знак благодарности за богатые поминки, которые умножились на обратном пути, Борятинский наделил остыцкого князя зерном и солью из государственных житниц.

— Пусть нам помогает не только кнут, но и ласка, — сказал он Оничкову».

Селькупские князья

Селькупы издавна живут по средней Оби с притока ми Кеть, Тым, Парабель, Васюган с Нюролькой и Чижапкой. В XVII веке, в связи с приходом русских, какая-то их часть переселилась на север, на реки Таз и Турухтан. Селькупы имели свои княжества. Самое крупное и влиятельное у них было Пегая Орда. По структуре и социальному составу селькупские княжества были сходны с угорскими. В рамках княжеств селькупы объединялись для противодействия наступающим с северо-запада хантам, с востока — эвенкам и кетам, с юга — татарам.

Русские называли их, как ханты, осятками.

Теперь несколько слов об этих племенах, которые говорят на языке самодийской группы народов. По происхождению они близки к ненцам, а по культуре схожи с хантами. Один финский ученый назвал их «осяко-самоедами». Считается, что большое сходство нарымских селькупов с хантами является одной из загадок их происхождения. Выдвигается предположение, что селькупы произошли от смешения прежде жившего на этой территории угорского населения и пришлых самодийских племен. Однако лингвисты находят у селькупов кетские топонимы — народа, который живет в бассейне Енисея, а этнографы утверждают, что в культуре селькупов не обнаруживается явных древних связей. Осмелюсь сказать, что это не является веским доводом, так как прародина селькупов — та же, что и у угров и енисейских кетов. Следует учитывать, что «селькуп» — это самоназвание от «соль-куп», оз-

начающего «таежный человек», которое приняло самодийское племя, пришедшее в тайгу с Енисея. Самоназвание самодийцев на иной территории принимало и другие формы. Например, «чумыль-куп», т. е. «земляной человек» — житель землянки. В связи с этим я не отважился бы поддерживать мнение, что схожесть с ханты является результатом их происхождения от смешения. В силу этнических особенностей этот народ, скорее всего, был вполне самостоятельным до прихода в Сибирь, как и любое из енисейских племен угро-самоедов.

Во времена прихода русских людей в Западную Сибирь были два крупных селькупских княжества, расположенных в местности, называемой Нарымом, т.е. болотистой. Эти княжества получили название Пегой Орды, но не из-за того, как считают некоторые историки, что они имели вид пегих из-за пестрой одежды, а названы были так осятками, что означало на их языке — чужие люди, чужая сторона. Во главе княжеств стояли князья Воня и Кичей.

Они имели объединенное воинство в 400 человек, что по тем временам считалось значительной силой.

Столица князя Вони располагалась на Оби близ устья реки Пара贝尔 и, помимо этой реки, его власть распространялась на реки Вах, Тым и верховья Васюгана. А князь Кичей владел обским левобережьем, включая низовые реки Васюган, и Кетью.

Воня и Кичей с оружием в руках отстаивали свою независимость. Попытки тобольских воевод привести к шерти селькупов были безрезультатны. В 1592 году они послали в поход на нарымцев кодского князя Игичея Алачева, у которого было 200 осятков-воинов. Игичей также не добился больших успехов, но ему удалось взять в плен сына Вони Урнука.

Два года Урнук пробыл в Тобольске в качестве аманата, прежде чем был отдан воеводам, направленным в 1594 г. ставить город Сургут. В царском наказе им предписывалось: «А Вонина сына Урнука взятии князю Федору Борятинскому и Володимиру с собою в новый город у князя Федора, и к отцу к его приказати, чтоб он был в новый город Сургут, и ясак с себя и со всей Пегой Орды собрав, привез к вам. А государь его пожаловал, велел ему сына ево отдать, и велел его держати под своею царскою рукою. А будет только Воня сам в новый город не будет, а пришлет ясак с племянником или с лучими людми, и им ясак взять, а сына Вонина отпустить к отцу. А будет Воня ясаку не пришлет к ним в город, а отпустить князю Федору с Володимиром, перебрав, с ним лучших людей князя Игичея с лудьми и тutoшних осятков в Пегую Орду воевать, чтоб ево извоевать и ясак с него и со всей Пегой Орды

прошлой и нынешней собрати и привести их под государеву руку, чтоб они приходили в новый город и ясак с себя давали сполна».

В обмен на Урнука воеводам удалось получить ясак с князя Вони, но на этом дело и кончилось. Посланных за ясаком казаков и стрельцов весною 1596 г. Воня к себе не пустил и заявил, что вообще платить ясак не намерен. Тогда летом, под командой атамана Тугарина Федорова, была направлена экспедиция в Нарым. На правом берегу Оби, в 16 верстах от нижнего устья реки Кеть, казаки поставили острог, в котором было оставлено 20 человек годовальщиков с необходимыми запасами на зиму.

О неудаче сбора ясака с людей непокорного селькупского князя сургутский воевода Осип Тимофеевич Плещеев и голова Иван Иванович Колемин сообщили в Москву. Кроме того, они известили, что со слов князя Бардака и его сына Тонема, которые приехали 14 мая в Сургут, «Кучум царь подкочевал к Пегой Орде и с Вонею князем ссылаетца и учинили меж собою договор, что им по весне, собрався со всеми своими людьми, к городу Сургуту и на нашу казну и на запасы приходитъ. И нам бы вам о том о всем велети указ свой учинити».

В результате в конце года к ним поступила царская грамота, подписанная 31 августа 1596 г., об организации похода на Пегую Орду под предводительством головы И.И. Колемина.

Из-за недостатка людей в сургутском гарнизоне, в наказе предписывалось: «А ратных людей в поход велели к сургутским людям в прибавку ис Тобольского да з Березова». Из Тобольска велено было послать двух атаманов с 50-ю казаками и юртовских татар 100 человек с атаманом Черкасом Александровым. А из Березова — также 50 казаков с двумя атаманами, и остыков 100 человек с князем Игичеем. Еще из Березова велено было прислать в Сургут наряд для похода из 5 пищалей полковых новой конструкции — со станиной на колесах, а к ним по 100 ядер железных и по 4 пуда пороха.

Относительно количества людей для похода из самого Сургута правительство не могло четко определиться, так как обещанное Москвою пополнение туда еще не прибыло. Вначале рекомендовалось послать 80 человек, оставив в остроге 70, а затем была названа цифра 100, а оставить в гарнизоне 55 человек, но при этом послать и местных остыков: «которые остыки нам служат и прямят и от которых не чаете измены, и Бардаковых людей всего послать 150 человек».

Состоялся ли поход в 1597 г. или он произошел в 1598 г., как предполагают историки, документальных подтверждений нет. В то время все внимание тобольской администрации было сосредоточено на подготов-

ке большого похода против Кучума, в связи с поступившими сведениями о том, что хан прикочевал к Оби, ниже Тары, и там разбил свой стан. Весной 1598 г. тарский воевода Воейков выступил с многочисленной ратью против Кучума и разгромил его войско.

Однако многие факты говорят о том, что в 1597 году все же состоялся поход на Пегую Орду. К этому времени пришло пополнение в 112 человек, обещанное Москвой, и прибыла помощь из Березова. По моему предположению, в этой военной экспедиции основную роль сыграл не Колемин, а Оничков, который не был отозван из Сургута при смене воевод и оставлен, как опытный человек в ратных дела, для дальних посылок, о чем было велено в наказе Плещееву. Плещеев не мог отчитаться о результате похода, так как не знал о нем. Он летом был сменен новым воеводой С.М. Лобановым-Ростовским и отбыл из Сургута, когда Колемин еще туда не вернулся. Быть может, в этом и кроется причина недостатка сведений о походе.

Собранный в Сургуте рать, более 500 человек, оснащенная пушками, разбила объединенное воинство селькупских князей в 400 человек. Князь Воня погиб в сражении, а князь Кичей бежал в верховья реки Кети. Туда же бежал и Урнук, сын Вони. Другие же его сыновья, Тайбохта и Сегей, приняли русское подданство и стали вотчинными князьями. Аналогично поступил и Ванга, Кичеев сын. Временный Нарымский острог был ликвидирован атаманом Тугариным и построен новый между нижним и средним устьями Кети.

Возможно, что в 1598 году состоялась военная экспедиция в Нарым, но уже по другой причине — отрезать пути отхода хану Кучуму, в случае его бегства после поражения от войска Воейкова.

Появление острога в верховьях Кети, где первоначально значилась Урнуковская волость, исследователи относят к 1602 году, когда Басарга, брат Кичея спустился вниз к Оби со своими людьми и пытался поднять восстание селькупов на ранее подвластной территории.

По этому поводу известно, что один из простых селькупов быстро, на обласке, добрался до Сургута и известил воеводу Якова Борятинского о подготовке бунта. Борятинский немедля отреагировал на сообщение и послал в Нарым экспедицию во главе с атаманом Тугариным Федоровым, который предотвратил восстание, повесив Басаргу и десять зачинщиков. А селькуп принял крещение, был поверстан в казаки и отправлен на службу в отстроенный Кетский острог.

Любопытные сведения донес до нас Миллер, публикуя в «Истории Сибирской» отписки воевод и царские наказы. Ниже я ознакомлю чита-

телей с их текстами, касающимися настоящего повествования. Предварительно хочу сказать, что, видимо, князь Кичей, узнав о лояльном отношении к родственникам Кучума, наделенным даже отдельными вотчинами, решил испытать свою судьбу, поскольку бежать ему уже было некуда, разве что от тунгусов на Енисей к кельтам. И так:

«Господину Федору Константиновичу, Федор Шереметьев челом бъет. Отпущены, господине, из Тобольска к Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всеа Русии к Москве, Сургутского уезда Пегие Орды Нарымского острогу Князыцы Кичей с товарищи двенадцать человек, а с ними Сургуцкие пятидесятник Тренька Деев с товарищи. И как он в Туринский острог приедут; и ты бы им велел подводы дати по подорожной, да и корм бы еси Тотаром велел дати до Верхотурия как им мочно сытым бытии. 110 (1602) году, Апреля в 1 день».

Чем закончилась его поездка в Москву, неизвестно.

И далее:

«От царя и Великого Князя Василия Ивановича всея Русии в Сибирь в Сургуцкой город, Воеводам Нашим Федору Васильевичу Волынскому, Ивану Володимеровичю Благова: бил Нам челом Сургуцкаго уезду Пегие Орды Князыки Тайбохта Вонин, да Вангай Кичеев а сказали: емлют де с них Нашего ясаку по одиннадцати соболей с человека, и поминков, и им де от того Нашего ясаку нужа великая, и вперед по тому окладу платить ясаку не возможно. Да у них же де поимали в ясак старинных их холопей у него у Тайбохты взяли двух человек Ерзова с сыном, и емлют с них Нашего ясаку по тому ж окладу. Да у них же де в волостях много ясашных людей старых и увечных, слепых, хромых и безруких, а Наш ясак емлют с них по тому ж окладу. И Мы Пегие Орды Нарымских волостей ясачных людей пожаловали велели с них ясаку збавити по два соболя с человека, а в нашу казну велели имати с них по девяти соболей с человека. Писан на Москве лета 7118 (1610) году, Мая в 15 день».

И еще:

«...был нам членом Пегие Орды Князь Тайбохта Вонин, а сказал: послан де он был с Нашими служилыми людьми на Наших изменников на Мавлея, да на Чулымских и на Кетских Князьков не в одну пору, и он де тех изменников Князьков под Нашу Царскую Руку привел; и будучи де он на Наших службах голод и всякую нужу терпел, и Нам служил. Жа он же де во 116 (1608) году, отпущен по Нашей грамоте из Пегие Орды к Нам к Москве бити о свои нуждах. И как приехали в Вологду.. проехать к Москве было не мочно, и с Вологды де послали их в Великий Новгород, и в Новгороде жил год. Да у негожь де у Тайбохти,

да у тестя его Вангая поимали в ясак Воеводы Князь Иван Жировой-Засекин да Григорей Тушин старинных их людей тритцать человек. И Нам бы де пожаловать за ево службы и за терпение велеть ему служить Нашу службу, и велетиб ему давать Наше хлебное и денежное жалование, и Нашего ясаку с него имать не велити, а людей его старинных велети ему отдать. И мы Пегие Орды Князя Тайбохту Вонина пожаловали ясаку с него имать не велели, а велели ему Нашу службу служить, и житии велели в Нарымском остроге, а Нашего годового жалованья велели ему давати по три рубля денег, да хлеба по четыре чети муки, по чети круп, по чети толокна, по пуду соли на год, а про старинных его людей велели сыскать... а про людей их тритцати человек сыскалиб есте всякими сыски накрепко, ясашным и всякими людьми, как, и при которых Воеводах у Тайбохты и Вагая люди их старинные взяты, и старинные их люди, или наперед того были Наши ясачные, и ныне ясак в Нашу казну дают ли, и кто имянем старинных их людей, и в которой волости, и на старых ли своих юртах живут... по разным юртам... прислали к Нам к Москве, и велели отписку и сыск отдать в приказ Казанского дворца, и Мы по тому велим указ учинити. Писан на Москве лета 7118 (1610) году Мая в день».

В 1625 г. Нарым стал городом и в нем появилось оседлое население: ружники, оброчники и служилые люди. Все население Нарыма, кроме жен и детей, состояло из 42 человек, в их числе значились три крещеных осяка и язычник князь Тайбохта, сын Вони. Также, благодаря ясачной книге Нарымского уезда за 1629 год, известно, что в нижней при Оби волости есть лучший человек князец Ванга Кичеев и ясачных людей 40 человек, а в верхней волости — лучший человек князец Тайбохта Вонин и ясачных людей 50 человек. В Кетском уезде до 1610 года числилась Пумпокольская волость с князем Урнуком, затем она была приписана к Енисейскому острогу.

Эхо времен

Эссе

Уважаемый читатель! Как только в моем повествовании дружина Ермака стала обустраиваться в верховьях Сылвы, вблизи Уральских гор, называемых в прошлом Каменным Поясом, или просто Камнем, у меня возникло множество вопросов относительно племен и народов, заселявших Сибирь в те времена. Я подумал, что без ответа на них не обойтись, что это небезынтересно не только для меня, но и для любознательного человека, заинтересованного прошагать вместе со мной дорогами прошлого. Мне кажется, что такой экскурс в историю поможет понять, как горстка казаков сумела прибрать к рукам столь обширное Сибирское ханство.

Облик, культура, языковые различия и сходство обычая, языческие верования, легенды, создающие ореол восхищения, неудержимо влекут меня к познанию истоков народов Сибири. Кто такие вогулы и остяки, теперешние манси и ханты, кто такие сибирские татары и татары-чингизиды? Эти вопросы не дают мне покоя, и я считаю, что, не ответив на них, невозможно объяснить то, что произошло, когда Ермак со своею дружиною перевалил через Уральский хребет.

Огромное разнообразие населения Сибири в XVI веке заставляет предполагать, что Сибирь была местом продолжительной деятельности народов, имеющих некогда самостоятельную культуру, но с течением времени утративших познания.

Западно-Сибирская равнина стала осваиваться человеком в конце древнего каменного века, примерно 15–20 тысяч лет назад на исходе ледникового периода. К шестому-четвертому тысячелетию до н. э. относятся открытые памятники эпохи неолита — нового каменного века. На протяжении всего неолита в лесостепи и южной тайге Притоболья взаимодействовали два крупных сообщества населения. В то же время в Притоболье и на Ишиме появились представители иной культуры, истоки которой уходят к районам Прикаспия.

С этого времени аборигены, как можно предположить, подвергались влиянию пришельцев. Исторические источники весьма ясно проливают свет на то, как многие народы, один за другим вытесняемые с юга на север вторгнувшимися племенами, уходили в необитаемые тундры севера или оседали в районах среднего Иртыша и Оби. Эти племена стояли на очень низкой ступени развития, вели жалкую кочевую жизнь, занимались охотой и рыбной ловлей.

Есть основание считать, что самыми древними жителями Сибири из пришельцев были енисейцы, или так называемые енисейские остыки, которые в IV веке до н. э. покинули восточно-азиатское плоскогорье, двигаясь с востока на запад по южному склону Алтайского хребта, и обосновались на первом этапе в верховьях Енисея, а затем переместились на север Сибири. Это племя совершенно отличалось своим языком от всех урало-алтайских племен, что указывало на его полную изоляцию от тюрко-монголов. Это племя в непривычных для него условиях сурового климата было обречено на вымирание. В XI веке, когда русские пришли в Сибирь, енисейских остыков насчитывалось едва около тысячи человек.

Вслед за енисейцами, в результате первой народной волны, под напором народа хунну в III веке до н. э. последовали народы-племена уgro-самоедов, которые перешли Алтайский хребет, а жили до этого, наверняка, близко от тюрко-монголов, так как их язык относился к семейству урало-алтайских народов.

Каково же было географическое распределение народов, вытесняемых с юга? Подробное описание о таком распределении нахожу у П.П. Семёнова в издании 1884 г. «Живописная Россия». Он сообщает, что по верховьям Иртыша жили западные монголы (калмыки). Параллельно с рядом монгольских народов тянулся ряд тюркских племен от Иртыша до устья Лены. По среднему течению Иртыша жили аялы, туралы и курдаки. Дальше на восток, в Барабинской степи, до Оби — барабинцы; между Обью и Томью, к северу от Алтая, — телеуты; на Алтае — уранхайцы и

телесы (уйгуры). По верховьям Енисея жили сагайцы, киргизы (хагасы) и саянцы. Между Томью и Енисеем, к северу от тюркских племен — енисейские остыки — на левом берегу среднего течения Енисея, а на правом — котты и ассаны. Крайний север Западной Сибири занимали самоедские племена.

Во время русских завоеваний самоеды, енисейцы и тунгузы стояли на такой ступени развития, что от них не получено никаких преданий о доисторическом времени. Только угро-самоеды оставили все найденные в Сибири древности, относящиеся к бронзовой эпохе. Но послед-

дующего развития цивилизации мы уже не наблюдаем. Что могло препятствовать этому? Ответ на этот вопрос также дает П.П. Семенов.

От горной цепи, простирающейся от верховьев Иртыша на восток, идет к северу несколько отрогов, покрытых лесами и болотами, которые были удобны для плотного заселения. Наибольший интерес для переселяющихся народов представляли два района, относящихся к этому повествованию. Это северо-западный край Алтая до Томи и долины со степями верховьев Енисея, Абакана и Чулыма. Названные районы имели в изобилии все необходимое для жизни культурного народа. Большие долины, окруженные горными цепями, смягчающими суровый климат, были большей частью плодородны, удобны для земледелия и скотоводства. Протекающие по ним реки изобильно снабжали рыбой, а окружающие горы — металлом, золотом и серебром. В лесах водилось много всякого рода пушного зверя и дичи. Одного лишь недоставало жителям этих местностей — удобных способов сообщения с другими образованными народами. Горы и пустыни отделяли эту часть Сибири от юга, бесконечные степи простирались между ней и Европой, а река Обь вела через неплодородные тундры в малодоступный для судоходства Ледовитый океан. Этим, видимо, и объясняется ранняя гибель начавшегося самостоятельного развития ее жителей.

Движение воинствующих орд привело к исчезновению многих народов и их цивилизаций. Об этом нам сообщают древние китайские историки. Первым из них было нашествие могущественных орд народа хунну в III веке до н. э. За ним следует в IV веке н. э. народ жунжань, затем тукю, хайхой и, наконец, хагас (киргизов, получивших это название от китайцев). Все они будто бы тюркского происхождения. Эти народы, по свидетельству китайских источников, частью направились в Сибирь, что до некоторой степени разъясняет прежнее положение ее жителей.

В Северной истории (Бей-Шы) говорится, что в 492 году уйгурский царь Афуджило покинул со ста тысячами своего народа Селенгу, направился на запад и основал в верховьях Иртыша новое самостоятельное государство. Далее та же история сообщает, что Или-Хан-Тумын, царь восточных тукю, напал с севера (с Алтая) на передвигавшихся по Иртышу телесов (уйголов) и подчинил себе Аймак, состоявший из 50000 кибиток. Под влиянием этого успеха он послал к Анауху, главе народа жунжань, предложение брачного союза с его домом. Анаух, разгневанный такой дерзостью, отвечал: «Как осмеливаешься ты, мой плавильщик (т.е. занимающийся обработкой металлов), делать мне такое дерзкое предложение?» Тумын велел убить посла, передавшего такой ответ. Впоследствии Тумын породнился с китайской династией Вэй, а в 552 году послал войско против жунжань и одержал полную победу.

В истории династии Тхань говорится о продолжительных войнах народа хагас (киргизов) с уйгурями (телесами). Из этой истории известно, что государство Хагас было чрезвычайно могущественно и имело 80 000 строевого войска, что оно простиравось от верховьев Иртыша до верховьев Енисея и занимало собственно Алтай. Хагасы занимались земледелием и скотоводством, сеяли просо, ячмень и пшеницу. Муку они мололи ручными мельницами. Вино квасили из каши. Их лошади были полны и рослы, а дикие лошади очень ценились. Они держали также верблюдов, коров и овец. Богатые люди владели стадами в несколько тысяч голов. Главную пищу хагасов составляло мясо и кобылье молоко. Из музыкальных инструментов они имели флейту, бубен и еще два неизвестных инструмента. Они очень любили смотреть представления с обученными львами и верблюдами, а также волтижирование на лошадях и балансирование на веревке. Хагасы были рослы, с рыжими волосами, румяным лицом и голубыми глазами. Мужчин было меньше, нежели женщин. Мужчины носили в ушах кольца, были горды и стойки, татуировали себе руки. Женщины же, выходя замуж, татуировали шею. Оба пола жили нераздельно, почему у них было большое распутство.

Многие их слова дают возможность предположить, что они принадлежали к тюркскому племени. Но так ли это?

Еще в XVII веке русские встретили много киргизов в долине Енисея и телесов на восточном крае Алтая. Историки полагают, что все племена южной Сибири, говорящие на тюркском языке, частью потомки этих тюрков, переселившихся в первые века нашего летосчисления на Алтай, частью иноземцы, «отатарившиеся» под влиянием тюркских народов.

Тюркские племена в Сибири не сохранились в первоначальной чистоте своих племенных признаков (рыжие волосы, голубые глаза), а это значит, что тюрки наружностью резко отличались от соседей монгольского происхождения. Казак-киргизы и алтайские тюрки стали иметь вполне монгольский вид. Барабинцы и иртышские тюрки походили на самоедов и остыков, тогда как между татарами восточной России встречалось много блондинов. Однако есть сомнение, что светлые волосы и голубые глаза — признак племенной чистоты тюрков. Но об этом скажу ниже.

Читая «Живописную Россию», я искал и не находил упоминания о кипчаках. А ведь появление этнической общности — сибирских татар — связывают с этим народом, пришедшим около тысячи лет назад на юг угорских земель (т.е. в период первой волны движения народов), в связи с чем местное население отошло в более северные районы, а часть его ассимилировалась пришельцами. Так говорят современные историки.

Кто же такие кипчаки?

Сведения о них когда-то промелькнули передо мной во время давнишнего чтения. Начинаю перебирать стопку потрепанных, залежалых на моих книжных полках журналов и нахожу: «Роман-газета». Владимир Чивилихин, «Память». Перелистав, читаю: «Русские, впервые увидев кипчаков в одиннадцатом веке, назвали их половцами из-за светлого, соломенно-желтого, «полового» цвета волос, а среди маньчжуров даже в восемнадцатом веке нередко встречались субъекты со светло-голубыми глазами, прямым или даже орлиным носом, темно-каштановыми волосами и густой бородой». И далее: «Самоназвание енисейских кетов — «ди», что на их необыкновенном языке означает «люди». В XIV веке арабский историк Эломари написал: «В землях Сибирских и Чулыманских сильная стужа; снег не покидает их в течение шести месяцев. Несмотря, однако, на их стесненную жизнь, нет между разными родами... людей красивее их телом и белее цветом своей кожи. Фигуры их — совершенство создания по красоте, белизне и удивительной прелести. Глаза у них голубые».

Ранее я выступал в роли «любознательного читателя», к которому обращался В.Чивилихин, но теперь, в состоянии целеустремленности, делаю для себя потрясающие открытия. Ответ на один вопрос порождает другие. Народ «ди», или динлины, на которых по родовому признаку похожи не только киргизы и енисейские кеты, но и маньчжуры и кипчаки, — кто они? Откуда они взялись?

Грум-Гржимайло пишет, что динлины составляют ядро того народа, который в 1122 году до Рождества Христова овладел всем Китаем, дав ему династию Чжоу. Ученый числлит динлинов в долине Хуанхэ еще в третьем тысячелетии до н. э. Они отличались высоким ростом, голубыми глазами, белокурыми (рыжими) волосами. Динлины строили дома — деревянные срубы, крытые древесной корой, были знакомы с земледелием, которое вели близ своих поселений, но легко снимались с места в поисках рыболовных и охотничьих угодий. Мужчины носили сергу в ухе, не терпели подчинения и сами не были тиранами. Они знали рудное, литейное и кузнечное дело, сами изготавливали себе оружие, были храбрыми воинами, «имели сердце тигров и волков», но, будучи свободолюбивым, подвижным народом, жили разрозненными мелкими родами, собираясь вместе для борьбы с общим врагом.

Китайские источники указывают, что с VII века до н. э. динлины вели наступательные и оборонительные войны, разгромив в 661 г. царство Син, а на следующий год государство Вэй. Затем в V веке до н. э. они создали самостоятельное государство, следы которого прослеживаются до 318 г. н. э.

Вопрос — кто они? — стал назойливым в моем повествовании. Некоторые ученые считали динлинов родственными древним иранцам, другие — тюркоязычным народом, а один исследователь предположил, что они предки славян, но веских доказательств не нашел.

Однако такое предположение, на мой взгляд, имеет право на существование и изучение. В подтверждение этой версии мне захотелось найти зацепки в известных и малоизвестных сведениях о белой расе.

Белая раса, зародившаяся вблизи Северного полюса, не могла бытьaborигенной на Востоке — материке возникновения желтой расы, появившейся задолго до людей с белым цветом кожи, но позже черной расы.

Развившись в числе и силе, белые первоначально переселились на Юг, преодолевая леса Конской Земли (нынешняя Россия), и добрались до земель Польши, а оттуда до возвышенностей Центральной Европы, где в то время проживала черная раса, имеющая несравненно высокий уровень цивилизации. Черные покорили белых и использовали их в ка-

честве рабов в рудниках и на постройке крепостей, что закалило невольников, а приобретенный опыт позволил самостоятельно изготавливать оружие.

Вскоре, скрываясь в непроходимых дремучих лесах, белые стали одерживать многочисленные победы над черными, и по истечении некоторого времени полностью их уничтожили.

С самого начала инициативу в этой борьбе проявила женщина по имени Валюспа, обладающая пророческим даром. В благодарность пророчице стали возводиться жреческие храмы, и женщины-друидессы обрели верховную власть, основанную на страхе и человеческом жертвоприношении.

Столь жестокое всемогущество женщин вызвало противодействие мужчин. В результате часть кельтов, примерно 10000 лет до Рождества Христова, покинула отчество и добралась до Аравии.

От смеси, которая происходила на основе северной и южных рас, произошли арабы. Эти арабы, или кельты-бодоны, длительное время — не менее двух тысячелетий — были властителями Аравии, пока не пришла на их земли новая волна кельтов из Центральной Европы. Это привело к тому, что часть арабов осталась на месте, часть перешла в Эфиопию, а часть предпочла бродить по пустыне, почему и получила название евреев, то есть скитальцев.

Теперь вернемся к кельтам, оставшимся в Европе под тиранией друидесс, до того как они составили вторую волну, последовавшую на Восток.

Белая раса едва не погибла от проказы в результате сношения с черными. Спасителем явился замечательный гений друидов по имени Рам. Он изобрел лекарство из дубовой омелы и избавил народ от страшной болезни. Друиды долго хранили секрет приготовления лекарства, а в память этого дня был установлен ежегодный праздник, совпадавший со временем обновления сил земли и собирания дубовой омелы, — Рождество и Святки.

Друидессы, опасаясь большой популярности молодого человека, Рама, придумали средство избавления от него. Они предложили «передать послание предкам» путем принесения в жертву самого Рама. Но он не согласился на это и, во избежание междоусобной войны, покинул родину, а за ним последовало несколько тысяч человек. Это случилось за 6700 лет до Рождества Христова.

Рам направился на юго-восток вдоль Каспийского моря, провел несколько лет у подошвы Уральских гор, сформировал войско, вклю-

чив в него местных белых, и двинулся в поход на Индию. Для этого он перешел Уральский хребет и расположил свой первый лагерь между Каспийским и Аральским морями.

Оттуда Рам отогнал черных до острова Ланки (Цейлона), где разбил армию фараона, а его самого убил. Индусская поэма «Рамаяна» передает часть этих фактов. Владычество Рама имело значительное влияние на все предания белой расы.

Сделавшись властителем Индии, Рам образовал теократическое и религиозное государство. Он установил на Тибете первосвященство, переменив свое боевое имя Рам (Овен) на имя священника Лам (Ягненок), основав ламаизм, культ таинственного агнца, характерный для арийской расы.

Обычно с этого времени историки, не зная или забывая, что белые пришли в Индию с Запада, описывают события, утверждая, что раса белая, или арийская, вышла из Индии.

Рам настолько воспринимался как избранник Провидения, что все белые племена и даже некоторые другие описывают этого героя в своих летописях под разными наименованиями.

Все эти сведения, уважаемый читатель, почерпнуты мною из трудов французского медика Жерара Энкоса, известного под псевдонимом Папюс, впервые опубликованных в государстве Российском в Петербурге в 1912 году. Папюс в доступной форме излагает основные представления оккультизма, раскрывает секреты сокровенной мудрости древних, тайны алхимии и астрологии, спиритизма и истории мистических учений, вводит в мир эзотерической философии, магии, каббалы.

Под какими же именами выступает герой белого рода человеческого?
У индусов — Рам,
на Тибете — Лама,
в Китае — Фо,
в Японии — Па,
на севере Азии — Па-па, Па-ди-шах,
в Персии и Иране — Жиам-Шид,
у арийцев — Дионисий.

Следует напомнить, что в древней религии символ Овна соответствует Солнцу, а в мифологии фигурирует бог Солнца Ра.

Приведенные наименования Рама могут подвести к общему знаменателю разнообразные мистические истории.

Именно Раму принадлежит создание списка Зодиака, чем он показал всю силу своего гения. Первым знаком Зодиака был поставлен Овен,

настоящее его имя. Надо полагать, что в то далекое время знак Овна должен был совпадать с началом года, то есть с временем зимнего солнцестояния — Матери ночи. В начале же XX века эта ночь попадала на знак Стрельца, что как бы составляет возвратное движение на 120 градусов. Исходя из того, что точка равноденствия отстает на 50,16 секунды в год, астрономы подсчитали, что давность Зодиака соответствует 8640 годам, точно совпадая с календарем или хронологией Арриана.

Столь высокие астрономические познания того времени у Рама явно перекликаются с достижениями динлинов, создавших изумительный календарь, о котором я упоминаю в настоящем повествовании.

Правоверное посвящение белой расы всегда изображалось белым цветом — символом силы мужского пола, сумевшего преодолеть тиранию друидесс. При случае,уважаемый читатель, обрати внимание на изображение Овна. Он спасается, повернув голову назад, со взором, обращенным на покидаемую им страну.

Царство Рама существовало около 35 столетий, после чего началось перемещение полюса цивилизации из Индии, куда перенес его Рам, к земле кельтов, где оно должно было быть изначально.

Распад государства Рама начался по причине внутренних противоречий и мятежей. Мятежники в знак протesta приняли красный цвет, считая пурпур цветом могущества. Они были воинственно настроены и стремились к завоеванию новых территорий для своих сообществ. Их называли племенами скотоводов, финикиянами и др. Выйдя из Индии за 3200 лет до Р. Х., они, в конечном итоге, разбрелись по всему белому свету. Примечательно, что по времени это совпадает с нашествием с Востока орд хунну, состоявших из скотоводческих племен. Грум-Гржимайлочислит динлинов в долине Хуанхэ примерно в этот же период, называя третье тысячелетие до нашей эры. Он относит енисейских кетов к «ди» (т. е. люди), принявшим это самоназвание. Кроме того, нельзя не учитывать его утверждение о принадлежности динлинов к европеоидной расе.

Невольно склоняешься думать, что динлины являются одной из частей народа после раскола государства Рама, так же как в первую волну произошло возникновение арабов и евреев. Ведь известно, что выходцы из Индии — кельты — повлияли на многие народы и их правящие династии, на образование новых государств. В 2700 годах до н. э. они пришли в Египет, внеся коррективы в династии фа-ра-вонов, узнав предания об Атлантиде. Другие части кельтского народа, покорив Аравию и почти всю Малую Азию, положили основание могущественным государствам: Финикии и Ассирии.

Если не кельты, принявшие самоназвание «ди», то кто еще из белой расы мог в 1122 г. до н. э. овладеть всем Китаем? Других людей белой расы, кроме пришедших с Севера, в Азии не было. Даже угры, пришедшие сначала из Азии на Алтай, а затем переместившиеся на северо-запад, говорили на языке, относящемся к северной финно-угорской группе, что указывает на Север как их первичную родину. Наверное, не только Рам покинул свое отчество, но были и другие народы белой расы, ушедшие с Севера искать обетованные земли.

Люди белой расы, распространившись по Азии, проникнув далеко на Восток, не могли полностью сохранить свой первозданный облик и язык. Смешиваясь с черными, желтыми и остатками красных, они претерпевали те или иные изменения, принимали отличные от первоначальных черты и составляли новые народы в рамках образования новых государств.

Уважаемый читатель, мое мнение таково, что современным историкам есть над чем поработать, глубже исследуя движения белой расы.

Грум-Гржимайло не сомневается в принадлежности динлинов к европеоидной расе, что подтверждается данными антропологии. На обширной территории Китая, где когда-то жили динлины, расположено множество предметов искусства и быта, выполненных в знаменитом скифском «зверином стиле», в том числе наборы оружия, конские сбруи, украшения I тысячелетия до н. э., не имеющие ничего общего с типично китайскими предметами того времени.

В 1954 году президент китайской Академии наук Го Можо писал о влиянии скифского искусства на древнекитайские бронзовые изделия эпохи Чуньцю (VIII–V века до н. э.), а далее: «Население царства Чжуншань было ответвлением «белых ди» (!)

В китайском «Каталоге гор и морей» также имеется фрагмент: «Есть царство Динлин». Комментатор этого памятника III века н. э. Н. Я. Бичурин, известный востоковед прошлого века, пояснял, что динлины — племена, обитавшие на землях от Енисея до Байкала, а Грум-Гржимайло, ссылаясь на множество исследований, утверждал, что динлины растворились почти во всех соседних племенах и народах. Некоторая их часть еще до нашей эры была ассимилирована народом хунну, другая, смешавшись с тюрками, образовала средневековых уйгур и киргизов — оба эти народа, в отличие от древних китайцев и тюрок, носили в ушах, как динлины, серьги; уйгуры в старину звали себя «дин-ли», а среди киргизов в начале IX века высокий рост, белый цвет кожи, румяное лицо, рыжий цвет волос и зеленые (голубые) глаза настолько преобла-

дали, что черные волосы считались нехорошим признаком, в людях же с карими глазами единоплеменники усматривали потомков китайцев.

Уважаемый читатель, ты, наверное, потрясен не менее, чем я. Поверь — тут нет никакой выдумки или розыгрыша, а все как нельзя кстати служит прояснению вопросов, связанных с темой. Поэтому задержу еще твоё внимание в экскурсе по страницам «Памяти».

Динлины — самая восточная ветвь скифских народов — можно считать, за тысячу лет до Чингизхана исчезли с исторической арены. Ушел в небытие их язык древнеиранских корней, хозяйственный и семейный уклад и своеобразная культура. Кочевники времен Чингизхана не строили изб, не обрабатывали землю, не умели выплавлять руду и ковать оружие, не носили в ушах серег, были многоженцами. В историю входил совсем другой народ, точнее сказать, еще не народ, а разрозненные скотоводческие племена, впервые объединенные Чингизом.

Видно, на самом деле динлины были многочисленным, подвижным, терпимым и уживчивым народом, если их расовые признаки в разные времена фиксировались у многих народностей Западной Сибири, вплоть до курильских айнов. Несомненно, что и кипчаки были одной из ветвей восточных скифов, динлинов, не имеющих никакой этнической принадлежности к монголам или татарам.

Вывод напрашивается один — сибирские татары есть название нарицательное.

Кроме того, видимо, не следует упрощать вопрос заселения Сибири только волною кипчаков. Несомненно, что какая-то часть других народов также мигрировала в северные районы и ассимилировалась с местным населением. Напоминаю, что угро-самоеды не были кочевым народом и, кроме земледелия и охоты, занимались горным делом и металлоплавкой, изготавливая бронзу. Это они научили хагасов и уйгуров литью металлов. Недаром хан народа жунъжань называет Тумына «плавильщиком», а появление в Сибири в V веке железа могло вполне принадлежать племенам тукю. Однако нет сомнения, что влияние кипчаков в Сибири было превалирующим. По расовым признакам это был более самостоятельный народ, с более высоким уровнем социально-экономического развития, чем у угров. По прошествии многих веков, вплоть до XVI в., жители Сибири говорили на языке кипчаков.

Но все же кипчаки пришли в Сибирь позже других тюркских племен? Судя по всему — позже, и их приход состоял из двух волн.

Формирование сибирских татар началось еще в VI—VIII веках, т.е. за четыре-пять веков до появления кипчаков. Как установлено археолога-

ми и лингвистами, с Алтая и из центральных районов Казахстана в лесостепи Западной Сибири первыми стали переселяться древние тюркские племена. Те, что расселились в Среднем Прииртышье, образовали барабинских татар, в Притомье и Среднем Приобье сложились группы томских татар. Вслед за этим, в IX–X веках, в Притомье и Среднее Приобье проникли племена киргизов, уйгуров и затем кипчаков, основная часть которых осталась в Великой Степи.

Пришельцы-кипчаки представляли собою наиболее многочисленную группу по сравнению с другими тюрками, чем и можно прояснить их влияние на язык местных племен.

На территориях, захваченных тюркскими племенами, жили угры и самодийцы — предки современных ханты, манси и селькупов. Основная часть этого населения мигрировала на север, а оставшаяся смешалась с пришельцами. В результате в состав барабинских татар вошли предки ханты (остяков), в состав туринских — ханты и манси (остяки и вогулы), в состав томских — селькупы.

О таком порядке заселения Сибири свидетельствуют китайские источники. Они упоминают, что там процветало владычество тюркских племен от начала IV до VIII столетия, которое постепенно ослабевало вследствие внутренней борьбы.

Вторая волна массового переселения кипчаков в Сибирь произошла через 250–300 лет, но не ранее 1223 г., когда Чингизова орда, под предводительством полководца Субудая, уничтожила половецкие становища, овладела Крымом и Причерноморьем и разгромила соединенное воинство русских и половцев.

На этот раз кипчаки продвинулись к северу, в таежную зону, в Приоболье и Прииртышье, частично вытеснив коренное угорское население, которое ушло к северу и востоку. Часть населения осталась и слилась с пришельцами.

Так называемые сибирские татары вели полукочевой образ жизни. Основным их занятием было скотоводство, разведение лошадей и овец. Существовали также небольшие очаги земледелия. В постоянных поселках развивалось гончарное производство, ткачество, плавка и обработка металлов. Хозяева улусов — мурзы и беки — владели пастбищами, скотом и рабами, а «черные люди» несли военную службу в отрядах улуса.

Сибирские ханы силой подчинили себе все местные племена на Урале, в низовьях Иртыша и на Оби. С покоренных племен они взимали дань.

Уважаемый читатель, думаю, что будет небезынтересно узнать о формировании местных племен с древнейших времен вплоть до XVI в. Если

не принимать во внимание памятники мезолитической эпохи, уходящей от наших дней на 8–10 тысяч лет, а сразу перейти к памятникам палеолитических времен, то можно условно считать, что где-то в VI–V тысячелетиях до н. э. появился первый человек в Западной Сибири. Предположительно, как уже говорилось, это были енисейские остыки. Об их появлении свидетельствуют, например, наконечники копий с кремневыми и костяными вкладышами. Более поздние памятники культуры предков ханты и других народов эпохи неолита и бронзы в III–II тысячелетиях до н. э., видимо, связаны с приходом в Сибирь угро-самоедских племен. Этот период интересен находками оружия: бронзовых кинжалов, мечей, боевых топоров, наконечников стрел и копий, секир, костяных панцирей и шлемов. Предметы, найденные в городище Усть-Полуй (под Салехардом), дают нам представление о предках ханты, об их противостоянии захватчикам, продвигающимся с юга. Об этом можно судить по обилию оружия, по укреплениям поселений с помощью земляных валов и рвов. Жители городища занимались рыболовством, морским зверобойным промыслом, охотой, собирательством ягод, кедровых орехов, съедобных корней. Женщины шили одежду и обувь из звериных шкур, умели делать нитки из крапивы. Жили они в полуzemлянках, ездили на собаках, запряженных в нарты.

У каждого из древних сибирских племен были свои тотемы: медведь, лось, олень, ястреб, зайчиха, гусыня, лягушка. Видимо, они соответствовали той территории, на которой проживало племя: тайга, тундра, болото и т.д. Особенно интересны сюжеты на литых медных и бронзовых бляхах: борьба медведя и орла, хищная птица на спине медведя, борьба лося и орла и тому подобное. Из этого можно заключить, что не только от внешнего врага защищались племена, но и между их факториями велись постоянные войны. На определенном этапе их воинское искусство было на довольно высоком уровне, о чем говорят имеющиеся сведения о столкновениях северных племен с русичами.

Первое знакомство русских с Сибирью принадлежит Великому Новгороду. В начале XI в. новгородцы предприняли первый поход в Югру, но потерпели неудачу. Югры побили их, и назад вернулись немногие. Но это не охладило пыл стяжательства предприимчивых новгородцев. Имея издавна сведения о богатстве Югорской земли разными пушными зверями, серебром, украшениями из хрустала и бисера, моржовыми клыками, они желали распространить свою власть в этих местах и собирать дань с местных народов. Поэтому походы периодически возобновлялись. В конечном итоге во второй половине XIII в. Югория уже числилась как

Новгородская волость. Однако племена не хотели быть даньщиками и оказывали яростное сопротивление.

Угорско-самодийские племена, теснимые с юга и заселившие обширные территории севера Приуралья, Припечорья, Зауралья, с появлением воинственных русичей стали перемещаться: одни на восток, другие на запад. Первобытно-общественное устройство этих племен и их раздробленность не позволили им противостоять внешнему врагу.

По-иному проистекало развитие племен в западно-сибирских лесостепях, в лесостепном Тоболо-Ишимье. Те племена, которые выдержали удары мощных миграционных потоков с юга и остались на месте, стали основой для формирования народов исторического периода. Наибольшее воздействие на них оказало возникновение саргатской культуры приблизительно в IV веке до н. э., в начале железного века, в междуречье Оби и Иртыша. Есть основание полагать, что изначально саргатцы говорили на одном из восточно-иранских языков с большим количеством угорских и самодийских заимствований. Впоследствии, распространяясь на запад и включая в свой состав иные этнические компоненты, саргатское население вполне могло превратиться в конгломерат разноязычных групп, объединенных в рамках одного военно-политического союза. Не исключено, что в Тоболо-Иртышье возникновение саргатской культуры связано с приходом туда уйгуров или тукю, которые когда-то тесно были связаны с енисейскими уграми.

Формирование ханты (остяков), так же как манси (вогулов) и венгров, завершилось, по-видимому, лишь к концу I тысячелетия н.э. Но предки манси и венгров жили западнее предков ханты. Несколько древневенгерских угорских племен в первые века нашей эры ушли на Дунай, где образовали свое государство.

Несмотря на сходство языка, относящегося к угорской группе финно-угорской семьи, на котором говорили далекие предки, современные ханты и манси не понимают друг друга. Это по сути два разных народа, хотя и близких по культуре и по происхождению. Распад обско-угорской общности выделил из нее предков манси. Проникновение тюрок в бассейн Туры в XIII–XV веках привело к быстрому окультуриванию проживающих в ее среднем и нижнем течении мансиjsких групп, а на Верхней Туре и Тавде они обитали еще и во времена начавшегося освоения Сибири русскими.

К XVI в. манси занимали весьма обширные территории: на севере их граница проходила по рекам Мезень и Печора, а на юге — по реке Уфа и далее через места, где теперь Екатеринбург и Тюмень, на западе ман-

сийские земли доходили до Казани, на востоке — до среднего течения Иртыша.

Территория расселения ханты включала бассейны Конды, Демьянки и районы современного Тобольска. Очевидно, под давлением манси и предков сибирских татар ханты постепенно перемещались на восток, оттесняя, в свою очередь, селькупов, территории которых доходила до Сургута. Таким образом, в XVI в. ханты продвинулись в бассейн рек Вах и Васюган.

Обь — исконно хантыйская территория. Манси появились здесь значительно позднее, они пришли с Северной Сосьвы. В русских документах конца XIX века манси, жившие по Северной Сосьве и Ляпину, назывались остыками, а не vogulами, как их было принято называть в прошлые времена. Так же остыками — а не vogulами — в конце XVIII в. называли жителей кондинского притока — Юконды. Объясняется это смешением местного хантыйского и пришлого мансиjsкого населения. Считается, что группа современных манси, живущих по Конде и Северной Сосьве, сформировалась в период XV—XVII веков, т. е. именно с ними столкнулся Ермак.

У ханты и манси к XVI в. сформировались так называемые «княжества», которые в своей основе имели территориально-родовые объединения. Сначала они были небольшими, слабо организованными, но затем появились объединения, включавшие несколько мелких княжеств. Во главе их стояли «князцы», власть которых передавалась по наследству. Князцы имели постоянные военные дружины. Однако князцы по образу жизни мало отличались от остальных людей — ходили на охоту, рыбную ловлю, выполняли повседневную работу, хотя все большее значение для них приобретало воинское занятие.

Уважаемый читатель, немало сведений о вышесказанном мною почерпнуто из книги «Очерки истории Тюменской области», изданной в 1994 году. Ниже я вам приведу дословный текст, так как лучше не перескажу.

«Наиболее крупное княжество манси — Пельмское — занимало бассейн рек Пельма, Конды и Тавды. Центр княжества — Пельмский городок — находился у места слияния рек Пельма и Тавды. С XV века Пельмское княжество начинает испытывать татарское влияние и становится частью Сибирского ханства. Сильное мансиjsкое объединение — Ляпинское княжество — включало бассейн реки Ляпин, среднюю часть низовья Северной Сосьвы, а также низовья рек Сыни и Куновата. Центром княжества был городок Кунаут-наш. Здесь находилась столица князца Гугуя.

Наиболее крупное у ханты во главе с династией Алачевых княжество Кодское занимало территорию современных Октябрьского и северо-западную часть Самаровского районов. Центр княжества находился в Кодском городке, а всего оно объединяло 13 городков. Известны также Обдорское и Казымское княжества. Сильное хантыйское княжество находилось на реке Демьянке. Его возглавлял князец Немнюян (Демьян — в русской транскрипции), который мог выставить отряд в 400 воинов, что было тогда значительной воинской силой. Не менее сильным являлось княжество Бардака, влияние которого распространялось на Сургутское Приобье, реки Тромъеган, Юган и даже Пур. В княжество Бардака, возможно, входили не только ханты, но и часть селькупов. Селькупы имели свои княжества, самое крупное и влиятельное у них было Пегая Орда. Во главе ее стоял Воня: он окказал сильное сопротивление русским, вступив в союз с изгнанным Кучумом: По структуре и социальному составу селькупские княжества были сходны с угорскими. В рамках княжеств селькупы объединялись для противодействия наступающим с северо-запада ханты, с востока — эвенкам и кетам, с юга — татарам».

Теперь несколько слов об этих племенах, которые говорят на языке самодийской группы народов. По происхождению они близки к ненцам, а по культуре схожи с ханты. Один финский ученый назвал их «остяко-самоедами». Считается, что большое сходство нарымских селькупов с ханты является одной из загадок их происхождения, и строится предположение, что селькупы произошли от смешения прежде жившего на этой территории угорского населения и пришлых самодийских племен. Однако лингвисты находят у селькупов кетские топонимы — народа, который живет в бассейне Енисея, а этнографы утверждают, что в культуре селькупов не обнаруживается явных древних связей. Осмелюсь сказать, что это не является веским доводом, так как прародина селькупов — бывших самодийцев — та же, что и у угрев и енисейских кетов. Следует учитывать, что «селькуп» — это самоназвание от «соль-куп», означающее «таежный человек», которое приняло самодийское племя, пришедшее в тайгу с Енисея. Самоназвание самодийцев на иной территории принимало и другие формы. Например, «чумыль-куп», т. е. «земляной человек» — житель землянки. В связи с этим я не отважился бы поддерживать мнение, что схожесть с ханты является результатом их происхождения от смешения. В силу этнических особенностей этот народ, скорее всего, был вполне самостоятельным до прихода в Сибирь, как и любое из енисейских племен угро-самоедов.

Обосновываясь на новых территориях, те же ханты и манси присваивали себе соответствующие самоназвания.

Большое влияние на жизнь местных народов оказал XIII в., когда кочевники под предводительством Чингисхана вторглись в Западную Сибирь, в результате чего лесостепи по Тоболу и Иртышу вошли в состав Золотой Орды.

Эти районы стали улусом Джучи, старшего сына Чингисхана, рожденного от кунгиратки. Джучи имел около 40 сыновей от жен и наложниц разных племен. После его смерти (есть предположение, что он был убит отцом, чтобы передать власть более сильному наследнику) названный улус отошел сыну Батыю. Став ханом Золотой Орды, Батый часть земель Сибири выделил своим братьям: старшему, Орды-Игену, отошли районы к северу от Балхаша, включая Западный Алтай, Барабинская и Кулундинская степи, а брату Шейбану — территории к востоку от реки Яик по Иргизу, Ори, Илеку до низовьев Сырдарьи, в том числе земли угорских и кипчаковских племен Западной Сибири. В тот период эти владения стали фактически независимы от Золотой Орды, но считались в ее составе до XV века. За это время (между XIV и XV веками) с центром Кызыл-Тура возникло Ишимское ханство. Его основателем и правителем был Саргачик, который оставил Саргатские юрты на Иртыше, выбрав для нового ханства Ишим. С его потомком Елыгаем впоследствии столкнулся Ермак.

В период упадка Золотой Орды возникает городище Тюмень. Об этом стало известно, когда недруг Руси хан Тохтамыш потерпел поражение от азиатского завоевателя Тимура и искал спасения у себя в Тюмени. Его татарские мурзы воспользовались неудачами своего тюменского хана и убили его.

Судьбы Ишимского и Тюменского ханств складывались в зависимости от непрекращающейся междуусобной борьбы родовой знати сибирских татар и борьбы последних с шейбанидами, потомками Чингисхана.

О событиях, проистекавших на пороге XIV–XV веков, коротко повествует Карамзин: «Князь Ивак, или Он, племени ногайского, жил на р. Ишиме, повелевал многими татарами, остыками и vogуличами. Что какой-то мятежник Чингисхана свергнул Ивака, но из любви к его сыну, Тайбуке, дал ему рать для завоевания берегов Иртыша и Великой Оби».

Однако есть сомнение, что столь значительный жест со стороны Чингисхана мог быть только проявлением любви к сыну свергнутого врага. Серьезным поводом наделения Тайбуги ратью могло послужить только стремление обезопасить себя от сильного соседа — Тюменского ханства, которым правили шейбаниды.

Тайбуке удалось захватить городище Тюмень, который он в честь своего покровителя переименовал в Чингий на Туре. С этого времени,

вплоть до третьего поколения, тайбугины правили Тюменским ханством. Тайбугу сменил его сын Ходжа, а затем внуk Мар. У Мара было двое сыновей — Адер и Яболак. Последний был женат на казанской царевне, сестре Ибака из рода Шейбанидов, который вынашивал замысел возврата своему роду Тюменского ханства. Ибак, потомок брата хана Батыя — Шейбани-хана, представитель Бухарской (узбекской) династии, связанный с Ногайской Ордой, которая сложилась в XIV в. между Уралом и Волгой, в 1456 г. убил правителя Мара, отца Яболака.

Ибак не удовлетворился, завладев Тюменским ханством, и принял-
ся расширять его пределы по Туре, Тавде, Тоболу, среднему Иртышу и
Ишиму.

Во времена его правления Москва неоднократно посыпала свои рати
в югорские земли, подвластные Великому Новгороду.

В 1456 г. воевода Василий Скряб прошел с отрядом за Урал и со-
брал дань с Югры в казну московского великого князя, а воевода Фе-
дор Пестрый в 1472 г. подчинил Пермь Великую и выстроил на ее тер-
ритории порубежный городок — крепость Чердынь.

С падением независимости Великого Новгорода в 1478 году все его
северные владения, включая Печорский край, вошли в состав Россий-
ского государства.

В 1483 г. Федор Курбский и Иван Салтыков-Травин осуществили
поход в Сибирскую землю, разбив войско пельмского князя Юшмана.
Воеводы обошли стороной Тюменское ханство, так как Иван III и Ибак
вели совместную борьбу с Большой Ордой. С Тобола ратники двинулись
по Иртышу, не встречая там татар, но где уже существовала крепость
Сибирь, в которой властвовал остыцкий князь Лятик. Вслед за тем на
Оби воеводы пленили остыцкого князя Молдана и «повоевали» Югру.

Через некоторое время после этой экспедиции в Москву прибыл
остыцкий князек Пыткий и от имени земли Кодской и Югорской по-
просил Ивана III освободить взятых в плен князей, что было решено
положительно.

В следующем году кодские и vogульские князья из Зауралья вступи-
ли в более тесные отношения с Россией, заключив мирные договоры и
получив охранные письма на проезд в Москву.

Век XV,уважаемый читатель, преподносит яркие примеры агонии
умирающей Большой Орды. Она распадается на части в результате стрем-
ления знатных отпрысков утвердиться в своей самостоятельности. С вре-
мен Василия Васильевича Темного (1425–1462 годы) сделалась извест-
ною Крымская Орда, составленная Эдигеем из улусов черноморских и

принесшая в следующем веке неизгладимые беды для Руси. А когда русичи в 1399 году превратили в развалины некогда процветающее царство Булгар, они не подозревали, что заложили основу к возникновению Казанского ханства.

Сыновья-наследники Эдигея все погибли в междоусобии. Тогда монголы черноморские избрали в ханы 18-летнего юношу из потомков Чингизхана именем Ази, спасенного от смерти и воспитанного землемельцем Гиреем. Из благодарности Ази назвался Ази-Гиреем, утвердив тем самым династию гиреев. Есть версия, что Ази — сын или внук Тохтамыша, родился в Литве и потому наказал волжских татар, разбив Седи-Ахмета за его нападение на Литву.

В это же время, а точнее в 1437 г., был свергнут хан Большой Орды кипчак Махмет своим братом Кичимом. В поисках новых владений Махмет пришел в Булгарию, где был древний Саинов Юрт (или Казань). Близ старой крепости он построил новую, деревянную, и передал ее булгарам, черемисам и монголам, которые жили там в ужасе от набегов русских. В несколько месяцев Казань наполнилась людьми из Золотой Орды, Астрахани, Азова и Тавриды. Махмет стал первым ханом Казани. У него были сыновья Ягуб, Касим и Мамутек. Правление Махмета было недолгим. Мамутек, злодейски умертвив отца и одного из братьев, завладел властью. С этого времени, т.е. с 1446 г., Казань стала опасной для Москвы.

Одновременно, возвратив роду Шейбанидов Тюменское ханство, Ибак не оставил своих честолюбивых замыслов. Он стремился возродить былое могущество Золотой Орды. Став властителем Тюмени, Ибак стремился объединить под своей властью древнюю столицу Золотой Орды Сарай, Астрахань и Казань, используя то, что Большая Орда была ослаблена и распадалась, ведя одновременную борьбу с владыками Крыма, Тюмени и Ногайской Орды.

В 1480 г. властитель Большой Орды хан Ахмет напал на Русь, но был разбит на реке Угре. Он был вынужден отступить в степи и там неосмотрительно распустил мурз. Его оплошностью немедленно воспользовался Ибак. Он напал на его кочевья 6 января 1481 г. и, ворвавшись в ставку хана, убил его: «Начаша Ахметову Орду грабити меж Доном и Волгою, на Донцу на Малом близ Азова. И стоял Ибак-царь пять дней на Ахметове Орде и поиде прочь, а ордоБазар поведе в Тюмень не грабя». Одним словом, взяв старую столицу Орды Сарай, Ибак разграбил ее, а купцов перевел к себе в Тюмень.

Затем, когда царь Иван III овладел Казанью после пятидесятилетней ее независимости и посадил там своего ставленника, Ибак при-

слал в Москву послы и предложил заключить мир, но требовал отпустить к нему пленного казанского царя. Но Иван III отказал.

С гибелью отца сыновьям Ахмет-хана пришлось взвалить на свои плечи одновременную борьбу с Крымом, Тюменью и Ногайской Ордою. Но Крым попал в зависимость Османской империи, а Казань признала власть Москвы. В таких условиях Ибак взялся завоевать Поволжье.

В 1492 г. Ибак с братом Мамуком разорил Астрахань, а затем перевел свою ставку в Заволжье, поближе к бывшей столице золотоордынских ханов. В 1493 г. Ибак известил Ивана III о своих военных достижениях. Он сообщал, что убил сына Ахмет-хана Тимур-Кутлуева: «Саинский стол взял <...> на отцов юрт, к Волзе пришед, стою».

Но стремление Ибака объединить Сарай, Астрахань и Казань не осуществилось. Долгое отсутствие его в Тюмени имело пагубное последствие. Тайбугины, ставшие его вассалами, готовили заговор и при появлении Ибака в 1495 г. восстали и убили его.

Махмет (в иных источниках его называют Магметом), сын Адера, внук Мара, убитого Ибаком, овладел Тюменским ханством, вернув его роду Тайбугинов. Но, опасаясь мести Шейбанидов, Махмет осуществил нападение на город Сибирь, где властвовал осяцкий князь Лятик, и перенес туда свою столицу, назвав ее Искером.

Поскольку Махмет, осуществив месть за убийство деда, покинул Чингий на Туре, или Тюмень, там остался править Мамук, брат Ибака. Мамук продолжил планы брата и с помощью ногайцев изгнал из Казани московского наместника, но сумел удержать Казань всего несколько месяцев, а в 1498 г. готовился к новому нападению на Казань.

Иван III, узнав о происходящем, снарядил в 1499 г. более четырех тысяч ратников в Югорскую землю — в Ляпинское княжество, заселенное северными vogулами, заставив тем самым Махмета отказаться от своих планов в отношении Казани и позаботиться об обороне северных границ. В результате этих оборонительных мер Сибирь вся попала под власть хана Махмета Тайбуги, который объединил улусы на Тоболе и Иртыше. Поход продолжался всю зиму на лыжах под предводительством воевод: Семена Курбского, Петра Ушатого и Василия Бражника-Заболотского. Ими было занято более сорока урочищ, взято в плен 58 князьков и приведено к шерти население Югры.

Великий князь Иван III присоединил себе дополнительный титул «князя Кондинского и Обдорского», владельца сибирских земель.

Несмотря на это, когда Мамука сменили сыновья Ибака — Кутлук и Муртаза, Тюменское ханство возобновило набеги на русские земли. В

1505 г. Кутлук-салтан пришел в Прикамье, разорил Соль-Камскую и истребил много русских людей. В то же время Тюменское ханство, вовлеченнное в междуусобные войны Ногайской Орды, то и дело отбивало врагов от стен Чимги-Туры. В конце концов хан Муртаза вынужден был бежать, уступив престол одному из сыновей хана Большой Орды Ахмета, убитого Ибаком. Но вскоре Тюменское ханство было поглощено государством тайбугинов.

Шейбаниды снова напомнили о себе, когда повзросели внуки Ибака: Ахмед-гирей, Кучум и Атаул...

Начиная с XV века и с приходом в Сибирь Кучума, сына Муртазы, на юг Западной Сибири проникали группы уйголов, телеутов, узбеков-бухарцев, киргизов, башкир, казанских татар и казахов, часть которых слилась с предками сибирских татар. Из этого следует вывод, что происхождение сибирских татар очень сложное. В течение длительного периода произошло смешение многих этнических групп.

Об этнической принадлежности Кучума нет точных свидетельств. Летописец Савва Есипов считает его казахом, а первый историк Сибири Г.Ф. Миллер относит Кучума к узбекам, называя его сыном хана Большой Бухары. Кем бы он ни был, но только, безусловно, не татарином и не монголом. Для коренного сибирского населения он остался чужаком и пришельцем. Неизвестно даже его имя. А «Кучум» — это всего лишь прозвище, которые было принято давать в те времена. Например, Иван Калита, Дмитрий Донской, Ярослав Мудрый, Иван Грозный и пр. А «кучу» с тюркского — кочевник, пришелец. Недаром он сам называл себя «вольный человек Кучум-царь». Однако род его был самым древним и знатным. Он был потомком самого Чингисхана в двенадцатом колене.

Великий предок Кучума, как известно из достоверных источников, был человеком высокого роста, длиннобородым, имел зелено-желтый цвет глаз. Персидский историк Рашид-ад-Дин пишет, что дети в роду Чингисхана рождались, большей частью, с серыми глазами и белокурые, а когда у Чингисхана родился черноволосый внук Хубилай, он удивился цвету его волос. Далее, по словам того же историка, в роду Чингисхана, по всем признакам, имелась значительная примесь динлинской крови или даже более того — его род был динлинским по происхождению.

Уважаемый читатель, согласитесь, что это кажется неправдоподобным. Неужели следует отнести Чингисхана и его род к европеоидам?! Но тогда испытываешь неимоверную горечь от того, как некогда интеллектуально достойный уважения народ мог породить столь омерзительное чудовище, о сути которого я расскажу ниже.

Исчезнувшая цивилизация динлинов, живших в III веке до н. э. между Енисеем и Байкалом, удивляет культурой и совершенством прикладного искусства, знаниями в математике и астрономии, далеко отодвигая шумеров и другие известные цивилизации.

При археологических раскопках в 1962 г. близ Ачинска Виталий Ларичев нашел жезл с кольцом, вырезанный из бивня мамонта, полированная поверхность которого была покрыта сеткой точечных зафасеток. По их расшифровке выяснилось, что это сложный астрономический календарь! Лунный, солнечный и даже с указанием на високосный год, периодов звездного и синодического вращения Меркурия, Венеры, Марса, Юпитера и Сатурна с минимальными погрешностями относительно современных астрономических расчетов. Календарь позволял даже рассчитывать солнечные и лунные затмения!

Достаточно знать, насколько сложна задача разработки всех упомянутых календарей и каких точных расчетов требуют они, чтобы воздать должное величию познаний математики, геометрии и астрономии тех древних людей, которые жили в Сибири 18000 лет назад!

Поразительно! Не правда ли? Если Чингисхан не был ни татарином, ни монголом, то из кого же могло состоять его войско?

Когда в 1206 г. после двадцатилетней жестокой борьбы за единоличную власть Темучин, достигший пятидесятилетнего возраста, был провозглашен Чингисханом, его стотысячное войско состояло в основном из караитов и найманов. Личную тысячу хана возглавлял тангут Чаган, а самой крупной воинской частью в 10 тысяч человек руководил Туган-ваншай из народа тунгусской ветви — чжурчженей, обладавших секретом изготовления пороха и применявшими огневые снаряды. Как видим, монголов в войске Чингисхана не было. Были тюрки-найманы, большой самостоятельный народ на Алтае, неродственный монголам и получивший свое название от реки Найма.

В организации войска Чингисхана не было предусмотрено снабжения, и каждый воин должен был сам заботиться о прокорме себя и своего коня. И у него в походе не оставалось иного выбора — либо погибай от голода вместе с конем, либо грабь.

Жестокие правила, введенные Чингисханом, стали традицией степняков. Кочевники продолжали грабить, угнать людей в рабство, бросать в огонь стариков и детей, сдирать заживо кожу, вырывать из груди трепещущие сердца. Вот почему не только русские, но и другие народы и племена пылали ненавистью к так называемым татарам, этим выродкам рода человеческого, какими они оставались и на рубеже XVI—XVII веков.

Мир тюркских кочевников от Волги до Иртыша всегда был неустойчивым и быстроизменяющимся. Политические объединения здесь появлялись внезапно и так же быстро разваливались. Таким же было Тюменское ханство, государство тайбугинов, род которых происходил из местной знати. Его представители именовались беками, салтанами, или по-русски — князьями. По понятиям Большой Орды их правление было незаконным, хотя они и были аборигенами края. Потомки Чингизхана относились к ним враждебно, поддерживая шейбанидов. Особую поддержку они получили, когда в 1557 г. к власти в Бухаре пришел воинственный Абдулла из рода Шейбани-хана.

Испытывая вечный страх, ожидая мести за убийство Ибака, тайбугины, внуки Махмета, Едигер и Бекбулат, в 1555 г. отправили в Москву большое посольство.

Послы поздравили русского царя со взятием Казани и Астрахани, «были челом государю от князя Едигера и от всей земли, чтобы государь их князя и всю землю Сибирскую взял во свое имя и от сторон от всяких заступил и дань свою на них положил, и даругу своего прислал, кому дань собирать». Таким образом, Иван IV дополнил свой титул — «всех Сибирской земли повелитель».

Царь отправил в Сибирь Непейцина, который вернулся лишь в ноябре 1556 года вместе с татарским послом Баяндой. Вместо 30700 собольих и стольких же беличьих шкурок, что соответствовало численности «черных» людей в ханстве, посол привез всего 700 собольих шкурок. В письме Едигер объяснял причину малой дани, ссылаясь на вторжение в ханство внука Ибака, шейбанида Кучума. Но царь был разгневан и посадил посла под стражу.

В сентябре 1557 г. служилые татары, посланные государем в Сибирь, чтобы все исправить, возвратились в Москву с новым послом от Едигера и привезли 1000 соболей дани. Царь освободил из тюрьмы Баянду и послал с ним в Искер своих людей для сбора дани следующего года.

В этом же году обстановка в Сибири резко изменилась. Сын Ибака Муртаза, изгнанный ранее из Тюмени, пришел кочевать в лесостепь между Тоболом и Иртышом со старшим сыном Ахмед-гиреем и с Кучумом. С собою они привели большой отряд казак-киргизов. Муртаза, женивший Ахмед-гирея на дочери государя казак-киргизов Шигай-хана, воспользовался его помощью для экспедиции в Сибирь.

Принудив к подданству улусы Сибирского юрта, Муртаза и Ахмед-гирей в 1558 г., добившись от Бухары признания Муртазы сибирским ханом, хотели добиться того же и от Москвы, чтобы утвердить свою

власть в Сибири. Одновременно с Едигером они отправили послов к русскому царю. Но царь приказал арестовать послов шейбанидов, так как никто из них не привез дани. После такой неудачи шейбаниды, сумев привлечь для этого ногайцев, с их помощью в 1563 г. овладели Искером.

Кучум безжалостно умертил соправителей Едигера и Бекбулата вместе с их детьми. Из родственников свергнутой династии уцелел лишь малолетний сын Бекбулата Сеид-Ахмат, прозванный в будущем Сейдяком.

Муртаза правил в Искере недолго, переименовав его в Кашлык. В том же 1563 г. он умер, и ханский престол занял Кучум.

Смена династии в Сибирском ханстве сопровождалась большой смутой. Семь лет Кучум вел кровавую борьбу с непокорной знатью и племенными князьями. Местное население относилось к Кучуму как к завоевателю и узурпатору и стало подчиняться ему только из страха.

Уважаемый читатель, все же хотелось бы прояснить: кого с XIII в. называли татарами, коими считали и рати Кучума.

Собирательное китайское имя «татань», или просто «тата», носили в древности многие племена и народы Центральной Азии. Они обитали на юге, занимались скотоводством, рыбной ловлей и охотой. Татары Поволжья, официально принявшие это самоназвание, не имеют с ними этнического родства. Что же касается древних центрально-азиатских татарских племен, то Чингиз, захватывавший новых и новых соседей в круговорот воинственной политики, так изложил ее в отношении татар, отравивших когда-то его отца Есукая:

Искони был татарский народ
Палачом наших дедов-отцов.
Отомстим же мы кровью за кровь.
Всех мечом до конца истребим:
Примеряя к тележной оси,
Всех, кто выше, мечу предадим,
Остальных же рабами навек
Мы по всем сторонам раздадим.

Об исполнении этого намерения говорится, уже прозой, в «Сокровенном сказании»: «Мы сокрушили ненавистных врагов Татар, поголовно истребили татарский народ, примеряя детей их к тележной оси».

Татары были истреблены в несколько приемов. В 1204 г. Чингизхан разбил последних татар, которые сумели убежать в леса и горы Алтая. Он приказал перерезать всех, включая женщин и детей.

Почему же степные орды, ринувшиеся в XIII в. во все концы света, были названы «татарами»? Может, потому, что татар ставили в первых

рядах отрядов войска, на убой, и с годами условное имя разноплеменных и разноязычных народов стало нарицательным, своего рода псевдонимом не только авангарда, но и всей орды.

Выходит, что нашествия на Русь монголов и татар не было, и наши предки сражались с разноплеменным войском.

Уважаемый читатель, эти неординарные выводы мною с изумлением почерпнуты из «Памяти» В. Чивилихина. (Как жаль, что он так рано покинул наш бренный мир!)

Культ жестокости и страха царил в империи, созданной Чингизханом. Смертная казнь была главным средством наказания. Ею карались не только убийства, кражи, скопка краденого, грабеж, сокрытие беглого раба, чародейство, превышение власти. Ломали спину или вырывали сердце у тех, кто подавится пищей, наступит на порог ханской юрты или помочится в его ставке, искупаются или постирает одежду в реке, кто умретвит скотину не по «правилу», согласно которому надлежало в разверстую грудную клетку барана или жеребенка ввести руку, нашупать сердце и сдавливать его до тех пор, пока животное не умрет. Смерть ждала даже того, кто допустит не вполне точное изложение мыслей Чингисхана в проекте письма. Все это исходило не из обычаев или морали народа, породившего Темучина, а из свода правил — ясы, авторство которого приписывается Чингисхану, хотя он сам ни читать, ни писать не умел.

Некоторые исследователи, о чем я уже говорил, предполагают, что на черной совести Чингисхана и тайное убийство старшего сына Джучи, брата Батыя, о чем он распорядился за несколько месяцев до смерти, чтобы оставить империю более сильному наследнику.

А вот какая характеристика дана в «Сокровенном сказании» полководцам — знаменитым «четырем псам» Чингисхана, выступившим в поход против найманов.

Лбы их из бронзы,
А рыла — стальные долота,
Шило — язык их,
А сердце железное.
Плетью им служат мечи.
В пищу довольно росы им,
Ездят на ветрах верхом,
Мясо людское — походный их харч,
Мясо людское в дни сечи едят.
Спросишь, как имя тем псам четырем?

Первая пара — Чжебе с Хубилаем,
Пара вторая — Чжельме с Субетаем.

Однако, уважаемый читатель, вернемся к нашему историческому периоду. Захватив власть в Сибири, Кучум не забывал обиды, нанесенной русским государем, выразившейся в аресте посольства, и уже в 1564 г. грозился идти на Пермь войною.

Отношения между Москвой и Кашлыком прервались на несколько лет, и за это время Кучум сумел объединить татарские улусы. Его владения находились между Иртышом, Тоболом и Турой, на севере они тянулись по берегам Иртыша до реки Туртас, на западе — по Туре, а за Южным Уралом они граничили с землями Строгановых, на юге земли Кучума простирались в Барабинские степи. Сибирскому хану платили ясак кодские и обдорские князья, а также все «низовые» народности.

Владельцы улусов были обязаны участвовать со своими отрядами в ханских походах, получая за это часть добычи. Но во внутреннюю жизнь улусов хан не вмешивался.

Чувствуя себя чужим в своей стране, Кучум обеспечил личное окружение выходцами из Бухары, Ургенча и Ногайской Орды, на которых полагался больше, чем на местную знать. Для укрепления власти он женил своего сына Алея на дочери князя Тинахмата из Большой Ногайской Орды, а дочь выдал замуж за хана Акмурзу из той же орды. Вторая дочь стала женой ургенчского сеида Дин-Алиходжи. Сам Кучум женился на дочери казанского мурзы Мурата и дочери сановника Делетим-бека.

Укрепив свою власть, сибирский хан обратился к русскому царю с грамотой: «Вольный человек Кучум царь» соглашается признать «белого царя» своим «братьем старейшим». И ныне похошь миру — и мы помиримся, а похошь воеватися — и мы воюемся».

Хитрый и расчетливый политик, Кучум неустанно следил за развитием событий в Восточной Европе. Когда в 1569 г. многочисленная турецкая армия и Крымская Орда напали на Астрахань и потерпели поражение, Кучум как можно скорее решил добиться мира с Россией и направил посольство в Москву с данью в 1000 соболей, обратившись со следующими словами: «Да послал Кучум о том, чтобы его царь и великий князь взял в свои руки, а дань со всее Сибирские земли имал по прежнему обычая».

Царь Иван Васильевич велел дьякам изготовить грамоту с текстом присяги и послал с нею к казак-киргизам сына боярского Третьяка Чубукова. Но когда тот в 1571 г. был еще в пути, крымцы успели сжечь Москву.

Опять сибирский хан круто изменил свои намерения, возобновив враждебные действия к Москве. Он убил царского посла Чубукова и всех сопровождающих его служилых татар, направлявшихся с миссией в орду. Он стал жаждать большой войны с белым царем.

Для усиления власти Кучум предпринял меры распространения ислама на все племена Сибири. Он попросил бухарского султана Абдуллу направить к нему мусульманских проповедников, которые в 1572 г. прибыли в Кашлык. Но результаты этой миссии были ничтожны. Тогда через два года вместе с духовными лицами прибыл и военный отряд, и распространение мусульманства значительно ускорилось.

В этом же году закончился поражением поход крымского хана, сумевшего сжечь Москву. И снова Кучум затих.

Царь Иван IV воспользовался этим, и по просьбе Строгановых разрешил им обосноваться в Зауралье на Тахче. Строгановы были уверены, что новая слобода позволит со временем продвинуться за Тобол и завладеть Сибирью. Но в 1572 г. в Поволжье взбунтовались черемисы и появились на Каме, а к ним примкнули местные остяки и башкиры. Кучум не упустил такого удобного момента и уничтожил строгановскую зауральскую слободу, подчинив себе окрестные племена. Кроме того, он нарушил границу, послав с ратью своего племянника Маметкула в Пермские земли, который совершил набег на ряд деревень и починков Строгановых, взяв там немалую добычу и пленных.

Местное население не хотело мириться с властью хана. Остяки из Тахче запrosили у Строгановых помошь, говоря, чтобы «Сибирскому дани и ясаков не давати, от Сибирского ся им боронити за одно». Но Строгановым было не под силу затевать войну с ханом, хотя московские дьяки писали в грамоте: «А на Сибирского Якову и Григорию, забирая охочих людей, и остяков, и vogулич, и югрич, и самоедь, с своими наемными казаками и с нарядом своим посылати воевати, и в полон сибирцев имати:»

Строгановы в ответ молчали и выжидали, надеясь на счастливый случай.

Летом 1574 г. Кучум в третий раз запросил у бухарского эмира прислать учителей ислама. Его покровитель шейбанид Абдулла-хан направил в Кашлык ургенчского сеида Дин-Алиходжу, мужа второй дочери Кучума, и с ним старшего брата Кучума Ахмеда-гирея как защитника на опасном пути с большим отрядом.

Когда миссия пришла в Сибирь, Ахмед-гирей овладел правлением, считая себя законным преемником власти от отца Муртазы. Своим поступ-

ком он ослушался Абдуллу-хана, не вернулся в Бухару для участия в войне совместно со своим тестем Шигай-ханом, государем киргизов, против казахского правителя Хакк-Назара, с которым вел борьбу бухарский эмир.

Его место в этой войне занял Кучум, изгнанный из Кашлыка. Он проявил себя как талантливый военачальник и заслужил благодарность Шигай-хана, занявшего казахский престол после разгрома Хакк-Назара.

В 1578 г., то есть когда Ермак, направляясь на реку Сылву, приводил к шерти племена на Каме, Шигай-хан, благодарный Кучуму, убил его брата Ахмед-гирея, и Кучум вторично завладел правлением Сибирию. Скоро он разорвал установившиеся дружеские отношения с Москвой и стал интенсивно готовиться к войне с Россией, стараясь наверстать упущенное время. Побудительной причиной к этому было не только намерение завладеть Пермскими землями, но и то, что в его отсутствие русский царь повел наступательную политику, разрешив в 1574 году Строгановым строить крепости на Тоболе, Иртыше и Оби.

Предугадывая приход русских отрядов, Кучум в короткие сроки построил оборонительные укрепления-городки вокруг Кашлыка: Бичик-Тура, Абалак, Мурзы Аттика, Тунус-городок, Кулары-городок, Сузун-Тура, Бегишево городище, Карабчи-городок и возле Уральских гор — «городок опасный» есаула Алышая, а также «заставной городок».

К этому времени у Кучума стали очень болеть глаза, он терял зрение и заказывал купцам мазь для больных своих очей. Но один из караванов был разграблен казаками, и пошло московскому государю письмо, в котором Кучум просит Ивана Васильевича разобраться с грабителями и вернуть ему мазь.

Но мог ли русский царь выполнить сию просьбу?

Недуг Кучума приводил его в ярость. Не имея возможности лично возглавить войско при переходе от оборонительных мер к наступательным, чтобы опередить русских, он возлагал большие надежды на способности сыновей: Маметкула, уже проявившего себя в набеге на Пермские земли, и на Алея. Будучи хитрым политиком, Кучум не раз усыплял бдительность русского царя, зная, что у того и так хватает забот на западных и южных границах. Осуществляя набеги на территорию русичей, он всякий раз как бы каялся по поводу проявления своей силы и делал вид, что признает вассальную зависимость от Руси. Так, в 1569 г., когда Иван IV проявил мирную инициативу, послав хану свою грамоту о восстановлении московского вассалитета в Сибири, Кучум дал ответ царю в духе своего постоянного маневрирования между войною и миром. Он совершил набег на русское поселение на реке Чусовой, схватив трех пермя-

ков, Ивашку Поздеева «с товарыши», и доставил их к себе в столицу. «И был Ивашко у царя в Сибири ден с десять, и отпустил его на подводах до Перми, а дву товарищев его оставил: и обиды не учинили некоторые». Отпуская к Москве подневольного посланца, Кучум просил на словах передать царю: «Ныне деи дань собираю, господарю вашему царю послов пошлю, а нынче деи мне война с казахским царем».

После такой, казалось бы, покорности Кучум в декабре послал в Москву грамоту. В ней он называл себя «вольным человеком Кучум-царем», написав известный вызов: «И ныне похошь миру — и мы помиримся, а похошь воеватися — и мы воюемся». Это никак не походило на предложение мира.

Упорство, с которым русское правительство добивалось признания сибирскими ханами зависимости от Москвы, объяснялось не желанием получать дань. Для царской казны вполне хватало тех соболей, которых собирали Строгановы у местных племен. Сибирская дань в глазах царя имела чисто символическое значение. Иван IV не был готов воевать с «Сибирским юртом» и рассчитывал, по соображениям государственного и личного престижа, сохранить к своему титулу слова: «всех Сибирских земли и северных стран повелитель».

Однако Кучум предполагал иное, и своими хитростями старался выиграть время, чтобы обезопасить себя от вторжения русских в ходе создания боеспособного войска, а тем более опасаясь развязывать наступательную войну. Те несколько сотен ратников в личном отряде, состоявшем из казак-киргизов, ногайцев, бухарцев и ургенов, не были способны осуществить широкие замыслы своего владыки. Местные остыки и vogулы неохотно участвовали в военных акциях чуждого им правителя и, по причине своей малой численности, не могли послать достаточно количество людей, способных держать оружие. Основными поставщиками «черных людей» были улусы сибирских татар, проживавших по Туре, Тавде, Пельму и Конде. Но и в этих улусах преобладало vogульское и остыцкое население. Было известно, что на Конде во главе татар и других ясачных людей стоял мурза Курманак, а на Пельме князь Аблыгерим, способный собрать не более 700 ратников.

Огромная территория Сибири, большая разрозненность племен, проживающих на ней, невероятно сложные, труднопроходимые пути сообщения — все это играло решающую роль в шаткости власти, в частой ее сменяемости и в неспособности противостоять организованному воинству.

Кучум понимал это. Он сознавал, что без армии, организованной и оснащенной огневым оружием, ему не только не справиться с русским

царем, но и не уберечь своих завоеваний. Поэтому он призывал наемников из Ногайской Орды и из азиатских стран, пытался приобрести у османцев или крымских татар пищали и пушки, но получил отказ.

Междоусобные интересы татар, отсутствие взаимной поддержки после распада Большой Орды обозначили пути их гибели.

Строгановы

Век XV — один из самых знаменательных для русского народа. Покончив с игом Золотой Орды, русские, на основе разрозненных княжеств, приступили к созданию обширного и могущественного государства.

В то же время непрерывные войны, чередующиеся то успехами, то поражениями, частые засухи и наводнения, неурожай, разруха и голод, эпидемии и большая смертность были тяжкими испытаниями, которые пришлось вынести многострадальному русскому народу.

Набеги воинственных кочевников, плохие погодные условия, отсутствие в те времена наезженных путей по линии Москва — Владимир — Нижний Новгород не позволяли осваивать под пашни ни земли южных окраин, ни районы Владимира, Суздаля, Ярославля, Нижнего Новгорода. Поэтому центрами освоения земель под пашни, развития ремесел и торговли становились северные районы. Даже царская казна располагалась в Вологде, среди непроходимых лесов и болот, в местах недоступных при нашествии врагов.

В таких условиях в начале века возникает в Соли Вычегодской богатейшая вотчина Строгановых.

Строгановы были знатного татарского рода, но все двести лет, со временем, как они избрали отечеством ростовские земли Руси, покинув Золотую Орду и перейдя под руку Дмитрия Ивановича Донского, их называли не иначе, как мужиками. От этой обиды ни один правитель не пожелал их защищать, хотя они считали, что заслужили титулов.

Когда их прародителю мурзе Спиридону, ордынский хан сострогал мясо с костей и замучил до смерти за приверженность к Руси, то тогда к ним и пристало прозвище Строгановых. Князь Донской мог бы возблагодарить сына Спириданова, но не сделал этого. Потом, когда Лука, внук Спиридона, и правнук откупили из казанского плена великого князя Руси Василия Темного, то и тот ничем не пожаловал своих спасителей, а его сын великий князь Иоанн Васильевич и вовсе забыл об услужении купеческой казной.

В то время Лука был в Новгороде и вел торговлю с иноземными странами, а великий князь, за непокорность новгородцев, опутал цепями городскую знать и купцов, собираясь их казнить. Тогда Лука от страха убежал со всем домом в Великий Устюг, а оттуда его сын Аникей ушел на реку Вычегду, где в 1524 г. стал варить соль. На этой соли и выросло богатство купца, когда он стал солепромышленником.

Аника Строганов — глава дома, стал основателем нового знамени-того рода в Московском государстве. Он отличался незаурядным умом, неисчерпаемой энергией, предприимчивостью, непомерно волевым и твердым характером, граничащим с жестокостью. Аника держал своих сыновей в страхе и беспрекословном повиновении. За пренебрежение установленными им правилами, непослушание он даже бросил в Вычегду собственную дочь.

Во времена великого князя Василия Ивановича и княгини Елены, матери и опекунши малолетнего Ивана Грозного, торговый дом Строгановых неимоверно разбогател. Сундуки ломились от золота и драгоценностей. Денег в казне Строгановых было больше, чем у самых именитых сановников государства. Их владения и деловые связи с зарубежьем быстро расширялись, их торговые конторы возникали в разных уголках страны: на Кольском береге, на Северной Двине, на Волге и в Печорском kraе.

Строгановы построили свой флот. Их суда плавали по многим рекам и морям. Аника не только производил соль, но и распахал залежные земли вдоль Вычегды, собирая большое количество зерна. Мало того, он закупал хлеб и для царской казны. Вначале он закупал заморские товары в Архангельске, а затем установил прочные взаимоотношения с бухарскими купцами и другими азиатскими странами. Если ранее зарубежные купцы непосредственно входили в контакт с местным населением Сибири и производили натуральный обмен своих товаров на «мягкую рухлясть», т.е. на соболя, лисицу, бобра, белку и горностая, то теперь на их пути появился Строганов. В Устье реки Чусовой в 30-х годах XVI в. выросла торговая контора, окруженная крепостными стенами и

охраняемая многочисленною стражею. Отсюда на Нижнее Поволжье ходили струги Строгановых с товарами.

Появление конторы-крепости на реке Чусовой не было известно правительству в Москве. Когда Аника понял, какую выгоду может дать мягкая рухлядь, он начал присматривать место на Каме и не стал испрашивать царского позволения об основании там торгового центра, а тайно вступил в переговоры с Казанским ханством, которое имело большой интерес к купцам.

Аника проявил и интерес к ничейным прикамским местам, богатым вековыми лесами, землями, пригодными для распашки, а главное — «рассолом». Ведь основной доход приносила соль, добываемая в Соли Вычегодской. Строганов знал, что Соль Камская — не единственное место на Каме, богатое солью. После взятия в 1552 г. Казани, он многие годы вынашивал мечту, выжидая подходящего момента. Он не скучился на расходы, одаривал нужных ему сановников, оказывал значительные услуги государю за счет своей казны, принимал от правительства заказы на поставку хлеба, мехов и других товаров. Он всячески старался заслужить благодарность царя, добывая даже гагачий пух для постелей его и жен, а также подносил всякие заморские диковинки и собирал ясак с местных племен в его казну.

Наконец в 1558 г. Аника посыпает в Москву своего сына Григория, который был челом царю Грозному и сказывал: «в осьмидесяти осьми верстах ниже Великой Перми, по реке Каме, по обе ее стороны до реки Чусовой лежат места пустые, леса черные, речки и озера дикие, острова и наволоки (пойменные луга) пустые, всего пустого места здесь 146 верст; до сих пор на этом месте пашни не пахиваны, дворы не стаиваны и в царскую казну пошлина никакая не бывана, и теперь эти земли не отданы, в писцовых книгах, в купчих и правежных не писаны ни у кого». Григорий просил позволения поставить на этом месте городок с пушками и пищальями, иметь пушкарей, пищальников и воротников для бережения от ногайских и других орд, а по речкам и озерам лес рубить, пашни пахать, дворы ставить, людей призывать нетяглых, рассолу искать и соль варить.

Подкупленные Строгановым царские казначеи и пермский посланник с данью от пермяков подтвердили, что камские места, о которых бьет челом Григорий, «исстариечно лежат впусте и у пермич деи и в тех местах не ухожаев некоторых».

Грамотою от 4 апреля царь пожаловал Григория этими землями и предоставил ему льготы на 20 лет, освободив людей, которые у него поселятся, от суда пермских наместников, предоставив их во всем су-

дить Строганову, но при условии — не принимать к себе беглых, татей, разбойников. Кроме того, если где найдется руда серебряная или медная, или оловянная, то Григорий обязан об этом писать в Москву, самому же ему разработка руды запрещалась.

Почему вдруг царь раздобрился на такое великое пожалование? Да потому, что он развязал на западе Ливонскую войну, погряз в ней и был не в состоянии уделять должного внимания восточным рубежам. Именно этой ситуацией и воспользовался Аника.

Какие же изменения претерпевала Сибирь до указанного 1558 года?

В 1499 г., после многих походов новгородцев, а потом из Москвы, князья Семен Федорович Ушатов и Василий Иванович Заболоцкий-Бражник прошли по Сибири ратью 4650 верст, имея 200 оленей и нарты, запряженные собаками, и окончательно покорили всю Югорскую землю.

О Сибири, названной вне Югорской земли, впервые стало известно из летописи времен Дмитрия Донского, повествующей о разорении Москвы Тохтамышем. «Тут Тохтамыш искал убежища в Азиятском севере, но в январе 1407 г. убит ханом Шадибеком в Сибирской земле» (Лемберг. С. 63).

В первой половине XV в. завоевание 1499 г. было частично утрачено. Только некоторые районы за Уральскими горами были данниками великих князей Московских. К ним относились места по обеим сторонам нижней Оби и земли по реке Конде. Поэтому великий князь Василий Иванович имел титул только князя Кондинского и Обдорского. Просто Югория уже подразумевалась лишь по бассейнам рек Сылве, Сосьве, а также около Березова. Южная Югория, включая Тюмень, стала называться Сибирью, которой правили сибирские ханы. Они вплоть до 1552 г. не платили дань Москве, так как были в вассальной зависимости от Казанского ханства.

После взятия Иваном Грозным царств Казанского и Астраханского, сибирский князь Едигер, из рода Тайбуги, был челом царю и просил взять на свое имя всю Сибирскую землю, защитить ее от врагов и брать с нее дань «соболями и бельими мехами». С этого времени Иван IV стал именоваться повелителем Сибири. Сургутским и всем югорским князьям царь предписал присыпать дань Москве. Его жалованные грамоты купцам Строгановым вменяли им в обязанность быть послами Москвы в Сибири.

Однако московское правительство не сумело сохранить достигнутые успехи на восточных рубежах. Не прошло и 10 лет, как они вновь были потеряны. Но, несмотря на то, что Пермские земли периодически под-

вергались набегам пельмских князей, остяков, татар и ногаев, Строгановы не думали отказываться от богатств Приуралья, усматривая экономическую целесообразность в строительстве оборонительных сооружений и крепостей. В свою очередь правительство было заинтересовано в укреплении восточных границ, к которым уже существовали наезженные пути. Они шли из Москвы на Вологду, затем по реке Сухоне через Тотьму и Великий Устюг до Соли Вычегодской, а далее либо по р. Вычегде до бассейна Печоры, либо сухопутьем через Чердынь и Соль Камскую до подножия Уральского хребта, перевалив через который, приводили к речной системе: Тавда, Тобол, Иртыш и Обь.

После царского пожалования Строгановы в 1559 г. построили городок Конкор в 20 верстах от устья реки Усолки, но вскоре во имя Преображения построили в нем монастырь и передали его церковникам. А в 15 верстах от него, на той же реке Усолке, в 1564 г. построили крепость Каргедан, получившую также название слободы Орел. Затем Строгановы добились разрешения царя на литейное дело и организовали в Орле литье пушек и стволов пищалей для оснащения своих городков.

Орел был похож на усадьбу-крепость. В центре городка стояла церковь с колокольней и господские хоромы с поварнями, погребами и клетями, с баней и хлевами. Усадьбу окружали прочные деревянные стены-срубы в тридцать аршин высотой (около 22 м). Срубы были покрыты глиной, а на открытых участках — камнем. По углам стояли глухие рубленые башни, ощетинившиеся стволами пушек. На башнях день и ночь несли сторожевую службу караулы.

Изготовление Строгановыми большого количества оружия не решало проблемы защиты своих владений без боеприпасов, которыми правительство не в состоянии было обеспечить. Поэтому пришлось самим организовывать добычу свинца и селитры и изготавливать порох. Выше верховьев реки Чусовой они вели горные разработки, добывая руду, откуда рудознатцы таскали на себе кули до места, где уже можно было продолжить путь на лодках по реке.

Практически во всех вопросах жизнеобеспечения Строгановы рассчитывали только на себя. Поэтому, несмотря на оговорку царя в жалованной грамоте о том, что Камский край — «наша (царская) вотчина», Строгановы вынуждены были создать свое мини-государство в государстве и действовать как в своих личных владениях. Если правом на владение укрепленными городками обладали лишь удельные князья, да двое-трое самых знатных бояр, то Строгановым и в этом было сделано редкое исключение. И на это были причины.

Большинство авторов исторических опусов мало уделяют внимания роли Строгановых в решении ключевых вопросов, как создателей на восточных рубежах России системы безопасности от беспрепятственного вторжения врагов. По существу Строгановы создали пограничную зону в южной части Предуралья, что явилось значительным дополнением к ранее одинокой крепости Чердынь. Кроме того, их вотчина постепенно превращалась в форпост для дальнейшего проникновения за Уральский хребет.

На все сферы деятельности требовались тысячи людей. Поскольку южная часть Сибири была под властью воинственных кочевников, удобнее и дешевле было набирать крестьян и служилых людей по деревням и городам, ближе расположенным к Уралу, на проторенном северном пути, идущем через Соль Вычегодскую — главную вотчину Строгановых. Отсюда они и стали направлять ремесленников и крестьян. Однако набор шел с большой осторожностью, чтобы не нанести ущерб собственным делам. Отбирали выборочно, понемногу от каждой деревни: от отца — сына, от брата — брата, от соседа — соседа. Но многие крестьяне, особенно в неурожайные годы, и прочий бедный люд в поисках лучших мест уходили с Оки и Волги на север, в бассейн Северной Двины, на Вычегду, а оттуда на свой страх и риск двигались в Сибирь без разрешения и средств.

Через Соль Вычегодскую отправлялись в сибирскую тайгу и охотники на пушного зверя, и мастера разного толка, и рудознатцы. Шли туда жители Тотьмы, Белозерья, устюжане, холмогорцы и даже жители более отдаленных мест. Собираясь в Соли Вычегодской, они небольшими ватажками отправлялись на поиски счастья в загадочную для них страну Сибирь.

За короткое время Строгановы набрали не одну тысячу человек, и всем хватало работы. Одних только солеварниц на Каме было построено в 27 местах.

Соль Вычегодская в те годы представляла собой базовый город, город-склад, поставляющий в Прикамье многие товары и продовольствие. Именно здесь, в окрестных местах, пополнял свою дружину для похода в Сибирь Ермак Тимофеевич, оставив памятные названия: «Ермакова гора», «Ермаковы колодцы», деревня Ермачиха и др.

Прочно обосновавшись в Прикамье, Строгановы упорно продолжали расширять свои владения.

В 1568 году Якову Строганову, второму сыну Аники, были пожалованы земли от устья Чусовой вниз по Каме, всего 20 верст, с теми же правами и льготами на 10 лет, какие были даны его брату Григорию.

На реке Чусовой, там, где уже давно была торговая контора, теперь на законном основании была реконструирована крепость и усадьба, ставшая центром правления всей вотчиной. Аника, глава дома, поступил мудро, наделив сыновей с помощью царских указов отдельными владениями, исключив тем самым какие-либо распри между ними в будущем. Поэтому, после смерти отца в 1570 году, сыновья совместно проводили политику дальнейшего упрочения деловых связей и приобретения новых земель.

В 1574 г. по жалованной грамоте Якову и Григорию — Аникиевым детям, «было дозволено на Тахчее и Тоболе строить крепости, иметь огненные снаряды, пушкарей, пищальников и сторожей от сибирских и ногайских людей держать, и около крепостей у железного промысла, у рыбных ловель и у пашен, по обе стороны реки Тобола и по окрестным рекам и озерам, дворы ставить, лес сечь, пашни пахать и угодьями владеть, людей нетяглых призывать, но только ни беглых, ни татей, ни разбойников».

Поселенцы на землях юго-западной Сибири освобождались от всякой службы и всяких повинностей. И не только на Тоболе, но и на Иртыше и Оби дозволено было строить крепости, а ратным людям этих крепостей разрешалось ловить рыбу и зверя беззбороочно 20 лет. На Строгановых налагалась обязанность защищать инородцев и русских поселенцев от нападения ратных людей Кучума и, кроме того, вести с ними войну наступательную, посыпать на него «охочих людей, остяков, vogуличей, югров и самоедов с наемными казаками, брать в плен сибирцев и приводить их в дань за царя».

Успехи Строгановых в расширении своих владений, несомненно, явились результатом совпадения намерений Ивана Грозного и корысти властолюбивых промышленников, которые не желали останавливаться на достигнутом, хотя это и оказывалось непомерной ношей.

Потрясающие удивительные милости царя в предоставлении Строгановым столь грандиозных полномочий и прав дают основание полагать, что царь разуверился в успехах военных завоеваний без заселения русских на землях Зауралья, чтобы они стали частью государства Российского. Руками Строгановых царь надеялся осуществить эту задачу. Первым шагом царя в этом направлении было принятие в опричнину прикамской вотчины.

Став опричными слугами, Строгановы в 1572 году наняли к себе на службу 1000 казаков, вооруженных пищальями и построили на Сылве пятый по счету укрепленный острог, чтобы обезопасить себя с юга от набегов ногайцев и воинственных остяков и vogуличей. В этом же году, в

период восстания черемисов, остыков и башкиров, которые дошли до Конкора и крепости Орел, воевода хана Кучума Маметкул осуществил набег на Пермские земли, разорил многие городки и починки Строгановых, но не решился напасть на крепость Чердынь и крепость Орел, оснащенных пушками. Однако он угнал в рабство значительное количество простых людей.

Строгановы не в состоянии были проводить наступательные акции против войск Кучума. В частности, когда остыки из Тахчеи запросили у них защиты, купцы не осмелились выступить им на выручку. Для осуществления подобной компании нужен был человек, обладающий дерзкой храбростью и расчетливой мудростью, коим и явился впоследствии Ермак Тимофеевич.

К этому времени Кучум прочно укоренился в Сибири. В 1563 году, после того как он кочевал у Арала с братом Ахмед-гиреем и отцом Муртазой, свергнутым ранее с тюменского престола, он захватил столицу Сибирского ханства Искер, убил князей Едигера и его брата Бекбулата, и назвал себя сибирским царем. Он сделал своими вассалами местные племена и запретил им посыпать дань Москве. Против него была направлена рать под предводительством князя Лыченицина, но Кучум ее разбил, а Маметкул жестоко наказал остыков, плативших царю дань, взял в плен их жен и детей, побил служилых у Москвы татар с послаником Третьяком Чубуковым, но не осмелился напасть на Чусовский городок-крепость и другие городки, защищаемые наемными казаками.

Когда в 1570 г. скончался глава семьи Аника, наследники-сыновья, Григорий, Яков и Семен, разделили земли и богатства. Разобщенность поколебала их силу и мощь, финансовое положение резко ухудшилось. Тогда они, чтобы поправить положение, ужесточили давление на местные племена, грабили их в угоду своей казны. Такие действия разжигали массовое недовольство и порождали восстания. Строгановы заботились прежде всего об охране своих городков на Прикамских землях и не могли себе позволить какие-либо военные походы. Тем не менее, с каждым годом положение ухудшалось, сбор ясака уменьшался, а нужно было отправлять соболей в царскую казну.

Неутомимые братья Строгановы стали сообща искать выход из трудного положения и решили затеять в великой тайне от государя походы в Обь с северного моря, опередив англичан, и там торговать с местными племенами. Но для того, чтобы проложить морской путь на Обь, им нужен был человек, способный это выполнить. Их мысли невольно обратились к персоне Брюнеля.

Несколько лет назад уроженец Брюсселя, голландец Брюнель, прибыл по торговым делам в Холмогоры. В то время англичане сумели уговорить государя Ивана Васильевича на выдачу им грамоты на беспрепятственное плавание по северному морю и торговлю на российских берегах. Остальным государствам на это был дан запрет. Англичане, увидев незаконного конкурента, не замедлили известить о контрабандной торговле Москву. Брюнель был арестован с обвинением в шпионаже и посажен в тюрьму в Ярославле, где просидел около пяти лет.

Строгановы, часто закупая по тюрьмам пленников для использования их в своих вотчинах в качестве рабочих, заинтересовались знатным мореходом и выкупили его для службы у себя, поручившись за него перед властями. Они долго присматривались к нему, не решаясь посвящать во все свои дела. Поскольку торговлю с сибирскими племенами, свои экспедиции за Каменный Пояс они держали втайне, Брюнель не сразу попал в круг посвященных, а только после того, как снискал доверие. Сначала Строгановы взяли его с собою на Обь, при поездке туда сухопутьем через страну самоедов, затем — морем, с плаванием по реке Печоре. Уверовав в Брюнеля, Строгановы поручили ему строительство морских кораблей на верфях в устье Двины и налаживание регулярной торговли по морю. Для строительства кораблей Брюнель нанял русских плотников, а для присмотра за ними поставил пленных шведов.

Приняв решение, Строгановы поручили Брюнелю закупить пушнину на Оби, отвезти ее в Дордрехт и там продать. Барыши ожидались великие. Вкладывая деньги, каждый из братьев требовал долю своей прибыли. По предложению самого младшего брата Семена Аникиевича, Брюнелю также поручили нанять искусных лоцманов и моряков для двух новых кораблей. А чтобы они покинули свое отчество и отправились на Русь в услужение дому Строгановых, было выделено щедрое вознаграждение всем иноземным спецам.

Относительно спокойный период от внешних набегов, начиная с 1573 г., длился 7 лет. Война Бухарского эмира и хана киргизов Шигая против казахов отвлекла внимание орд от Прикамья. В 1574 г. Ахмед-гирей изгнал из Сибири своего младшего брата Кучума, считая себя первым наследником отца Муртазы. Изгнанный, Кучум явился к Шигаю, тестю Ахмед-гирея, возглавил войска, разбил войско казахского хана Хакк-Назара, водрузив на престол Шигая. Последний в благодарность убил своего зятя, и в 1578 г. Кучум вновь стал владыкой Сибири.

Смутное время перемены власти в Сибири, значительное собственное войско нанятых казаков придало Строгановым уверенность в своем

превосходстве над силами противника, и тогда-то они испросили разрешения у правительства построить крепости на Тоболе, Иртыше и Оби. В 1574 г. царь удовлетворил их просьбу, но купцы проявили свою неспособность к решительным действиям, основав только один укрепленный городок на Тахчее.

Строгановы постоянно посыпали за Урал своих лазутчиков и имели сведения обо всем, что там происходит. Им стало известно, что хан Кучум, вернув свою власть, готовится к войне с Россией, намереваясь захватить все Прикамские земли, включая Казань. Но, прежде всего, он скажет их городок на Тахчее.

Весною 1578 г. умер Григорий Аникиевич, и все заботы по вотчине легли на плечи его апатичного 17-летнего сына Никиты. А осенью умер Яков, и его деятельный сын Максим стал принимать меры по обеспечению безопасности своих городков. Он, вопреки царскому запрету, решил призвать к себе вольных казаков. Появление дружины Ермака на реке Сылве было для него как нельзя кстати, и 6 апреля 1579 г. он направил к нему гонца с письмом, в котором приглашал его для охраны своих земель от набегов инородцев, обещая расплачиваться за это хлебом. Ермака это устраивало, так как для похода за Уральские горы ему было необходимо создать запасы и продовольствия, и пороха со свинцом, а также пополнить дружину людьми, взамен выбывших. Как долго созревал у него этот план, трудно сказать, но зимние экспедиции на лыжах в верховья Сылвы и далее за перевал показали, что перед ним лежит страна, богатая мехами и серебром, где можно хорошо поживиться. Многие историки высказали предположение, что вначале экспедиция Ермака носила характер разбойного нападения на ближайшие улусы за горами и только потом превратилась в целеустремленный поток завоевания всего Сибирского ханства. Быть может, они и были бы правы, если бы не было известно, что Строгановы внушали Ермаку мысли о походе в Сибирь, показывая царские жалованные грамоты на земли по Тоболу, Иртышу и Оби. Столкнувшись с целой армией неукротимых разбойников, Строгановы, видимо, уже сожалели, что призвали их в свою вотчину, и хотели как можно скорее избавиться от них. Но за то, что Ермак в короткий срок укротил ближайшие бунтующие племена, Строгановы вынуждены были обеспечить его для похода всем, что он потребовал.

С лета до глубокой осени сотни Ермака поэтапно перебирались к перевалу через Уральские горы, основав на притоке реки Серебрянки укрепленную зимнюю стоянку — Кокуй-городок, а весной 1580 года преодолели перевал и ушли в Сибирь. То, что происходило потом, Стро-

гановым не было известно, но в их окруже наступило временное затишье. Оно длилось до лета 1581 г.

Строгановым своевременно стало известно, что vogульские князьки готовятся к восстанию, но когда оно свершилось 22 июля, то они были не готовы дать своевременный отпор. Во главе восставших стал «безбожный мурза» Бегбелий Агтаков, собравший около 700 воинов. Они безвсестно, «украдом» пришли к неукрепленным городкам на реке Чусовой и пожгли их, забрав в плен множество крестьян, их женщин и детей. Не прерывая свой набег, они свернули на реку Сылву. И вот только тогда будто бы у Строгановых прошла растерянность, и они устроили погоню.

Но у меня другая версия о подавлении этого восстания. Скорее всего, казаки Ермака, которые обзавелись семьями и остались жить на Сылве, построив там часовню, сыграли решающую роль. Они могли объединиться с гарнизоном Сылвинского острога и разбить бесчинствующее воинство vogулов, взяв в плен главаря. Когда Бегбелия Агтакова они доставили в Чусовской городок, он скончался от ран.

Однако основные потрясения были впереди. Прошел всего месяц, и Пермские земли вновь подверглись набегу. На этот раз в нападении участвовал пельмский князь Аблегерим. Он сжег русские деревни на Косьве, переправился за Каму на Обву, оттуда прошел на Яйву, затем, обойдя крепость Орел, на Чусовую.

Появление войска из-за Урала подтолкнуло вновь к восстанию местных vogулов. Вотчина Строгановых была полностью парализована. В письме к Ивану Васильевичу купцы-промышленники писали: «А vogуличи живут близко их слободок, а место лещее, а людям их и крестьянам из острогов выходу не дадут, и пашни пахати и дров сечи не дают же. И приходят деи к им невеликие люди украдом, лошадей, коров отганивают и людей побивают, и промысел деи у них в слободах отняли и соли варити не дают».

Семен и Максим Строгановы просили в связи с этим разрешения на набор казаков. Но царская грамота пришла только 20 декабря, да и толку от нее никакого не было, так как разрешено было набирать «охочих людей» только по своим уездам. Из-за катастрофического положения на западных границах царю было недосуг разрешать проблемы купцов.

Получив ответ, который их не удовлетворил, Семен и Максим подали жалобу в Москву о том, что Чердынский воевода и Никита Строганов не оказали помоши в трудный момент и просили, чтобы было повелено из Чердыни, как главного в Перми города, прислать им на помощь войска, а Никите Григорьевичу приказать, чтобы он с ними стоял заодно и vogуличам в их вотчине не давал возможности воевать. В

ответ на эту жалобу на имя пермского наместника князя Ивана Елецкого и Никиты Строганова поступила царская грамота, помеченная 6-м ноября этого же года. (Миллер. С. 115–116.)

В своих члобитных Строгановы умолчали о том, что их спас счастливый случай. В момент осады городка на реке Чусовой появились казаки Ивана Кольцо, Саввы Болдыря и Никиты Пана. Они ударили по нападавшим, многих перебили, а оставшиеся в живых вместе с князем Аблегеримом ударились в бегство. Вотчина Строгановых была спасена.

За такую великую услугу, за пролитую кровь казаки потребовали у купцов снабдить их продовольствием, порохом и свинцом, полотнищами знамен и дать проводников, чтобы последовать по стопам Ермака. Максим всячески сопротивлялся, угрожал царской опалой, пока Кольцо не пригрозил ему расстрелом. Тогда амбары были открыты и казакам стали выдавать необходимые запасы, занося их имена в кабальную книгу. Жаль, что она не сохранилась до наших дней!

13 сентября казаки на стругах покинули городок на Чусовой и отправились в Сибирь.

Теперь о самом сложном в поиске истины о набегах.

Погодинский летописец сообщает об обстоятельствах до похода казаков за Урал. Он пишет, что Ермак прибыл с Волги на Чусовую в тот самый момент, когда на пермские места напал сибирский царевич Алей с татарами, «а за год до того времени пелымский князь Аблыгерим воевал Пермь Великую».

В то же время строгановский летописец, имея архивные документы купцов, написал: «...в лето 7090 (1581) году сентябрь 1 день». И затем рассказал о том, что Ермак ушел в поход в тот самый день, когда «князь Пелымский, собра 700 человек, подозва уланов и мурз Сибирские ж земли прииде на Чердынь под Конкор и под Кергедан городки, а оттоле поидоша под Чусовские городки». Прочитав грамоту царя от 16 ноября 1582 года, он посчитал, что она относится к одному и тому же событию, совершившемуся в 1581 году.

Так сколько же было нападений — одно или два? Споры между историками продолжаются уже 300 лет! Наш современник Р.Г. Скрыников считает, что нападений было 2, что Ермак ушел в Сибирь 1 сентября 1582 г. и за 56 дней, считая от даты начала похода, завоевал обширное царство Кучума. Потрясающе! Не правда ли?

В Ремезовской летописи о событии 1581 г. вообще не упоминается.

А Миллер относит его к 1582-му году. В то же время Карамзин подверг сомнению некоторые сведения, содержащиеся в грамоте 1582 г., а

другие исследователи, не отвергая ничего из содержания ее, предлагают считать ошибочною помету грамоты и предлагают ставить 1581 г.

Мне кажется, что во всей этой истории со спорами не проглядывается здравый смысл и не учитывается то, что врали все — и казаки, и воеводы, и купцы. Всякий старался представить дело таким образом, чтобы не попасть под царскую опалу или выпятить свою роль, или кому-то навредить. Ведь следствием доноса царю Перепелициным на Строгановых явилась опальная грамота от 16 ноября 1582 года о событиях, которые сам воевода не видел, так как в то время был в Москве, после погрома ногайского посольства Иваном Кольцо с другими атаманами, сразу ушедшими в том же 1581 году в Сибирь.

«Тогда, — говорит Миллер, — получена была в Москве первая ведомость о Ермаковом на Сибирь предприятии — тем, что бывший в то время в Чердыни воевода Василий Перепелицин, желая Строгановых привести в подозрение, писал на них, якобы они учиненным донским казакам от себя вспоможением всему несчастию виновны, и что казаки своим грабительством vogуличей возмутили, потому что, по полученным известиям того же дня, в который vogуличи к городу Чердыню приступали, казаки vogулицкие жилища огнем и мечом разорили; не меньше же он старался представить ту опасность, какая от Сибирского хана Российскому государству может воспоследовать, ежели оный хан за казацкие поступки России мстить захочет».

В опальной царской грамоте Максиму Яковлеву и Никите Григорьеву Строгановым царь выразил свое негодование, велел вороволжских атаманов и казаков во главе с Ермаком из Сибири воротить — для оберегания Пермских земель от нападений пельмцев, остыков, vogуличей и сибирских людей, причем, в случае ослушания угрожает Строгановым большою опалою, а казаков обещает перевешать: «...а атаманов и казаков, которые слушали вас и вам служили, а нашу землю выдали, велим перевешати» (Щеглов. С. 39).

(Имя Семена Аникиевича, дяди Максима и Никиты, не упоминается в грамоте, так как царь считал его непричастным к посылке казаков в Сибирь. Семен уже долгое время был в Москве и залечивал раны Борису Годунову, полученные от ударов посоха царя. Когда в результате ссоры царь смертельно ранил своего сына, досталось и Борису, заступившемуся за царевича).

Вот выписка из грамоты: «Приказываю вам немедленно выслать Ермака с товарищами в Пермь и в Усолье Камское, где им должно покрыть вины свои совершенным усмирением остыков и vogуличей; а для безо-

пасности ваших городков можете оставить у себя казаков сто, не более. Если же не исполните нашего указа, если впредь что-нибудь случится с Пермскою землею от Пелымского князя и Сибирского салтана, то возложим на вас большую опалу, а казаков-изменников велим перевешать».

Теперь следует проникнуть в суть вопроса — могло ли произойти указанное нападение в указанное время?

То, что царевич Алей напал на Чердынь в сентябре 1582 г., вызывает большое сомнение. Вряд ли хан Кучум оттягивал целый год посылку войска, если желал побудить русского царя отзывать из Сибири Ермака. Здравый смысл говорит о том, что это должно было произойти не только намного раньше, но и вместе с пелымскими князьями. Кучуму нужно было вовремя остановить Ермака, не допустить, чтобы он подошел к Искеру. Судя по всему, Алей выступил в поход сразу же после полученных известий о битвах на Туре. Кроме того, Кучум считал, что посылка Ермака в Сибирь ослабила Чердынский гарнизон, и он не хотел упустить подходящего для нападения момента. Впрочем, строгановскому летописцу лучше было известно, нежели другим, что происходило в их вотчине. То, о чем ему не было известно, он переписал из Есиповской летописи, в остальном же руководствовался своим архивом, трактуя события таким образом, чтобы возвысить роль Строгановых в покорении Сибирского ханства. В связи с этим и появились сторонники версии о том, что инициаторами похода Ермака были Строгановы. Савва Есипов прославлял Тобольскую епархию, а строгановский летописец купцов. Как говорят в народе — «Каждый кулик свое болото хвалит».

Погодинский летописец внес многие корректизы в трактовки уже существующих летописей на основании «сказок» ермаковцев, записанных в Посольском приказе. Они все достоверны, кроме основного предмета споров — о начале экспедиции Ермака. Со слов Черкаса Александрова, казаки ушли за Урал после нападения Алея и пелымских князей, а не до вторжения их в Приуралье. Такое вранье ограждало казаков от обвинения, что известное нашествие было ответной акцией Кучума на вторжение Ермака в Сибирь. Вот почему я и осмелился сказать, что врали все.

Гневный указ Ивана Грозного испугал Строгановых, но вскоре вслед за его получением пришло известие о взятии Ермаком Сибири. Строгановы возликовали и тут же направили гонца в Москву. То, за что на них ложилась опала, теперь шло на пользу. Воевода Перепелицин представил их зачинщиками похода казаков, и теперь они не собирались отрицать этого, а даже готовы были провозгласить о своих больших затратах на снаряжение экспедиции и получить царскую благодарность. Вот ис-

точник, из которого выплеснулся миф о пятитысячной армии казаков, миф, вызвавший и недоумение, и отрицание, и согласие тех или иных историков. Для Строгановых были приемлемы все способы пополнения своей казны, претерпевшей значительные потери после 1579 года, когда истек срок данных им льгот, когда к ним прибыли из Москвы писцы и обложили налогами все деревни и промыслы.

Пользуясь тем, что у них была царская грамота, дающая право основывать городки по Тоболу и другим рекам вплоть до Оби, Строгановы почувствовали себя хозяевами не только в Приуралье, но и за Уральским хребтом. Они немедля разослали своих людей приводить к шерти «инородцев». Сборщики ясака отправлялись не только в vogульские и остыцкие, но и в татарские улусы. Но недолго Строгановы пользовались благоприятным стечением обстоятельств. Вскоре погиб завоеватель Сибири Ермак Тимофеевич, умер царь Иван Грозный, и царь Федор насилино отнял у них все, хотя срок льготы в Зауралье истекал только в 1594 году. Делалось это, конечно, их бывшим покровителем Борисом Годуновым, который по существу стал править государством при недееспособном государе, и имел стремление к обогащению за счет соболиной казны. Он ничем не возблагодарил Строгановых за их былье подношения и лечение ран, нанесенных грозным царем. Да и не только в этом заключалась причина свалившихся на них несчастий.

Столичная знать уже давно негодовала из-за земельных обогащений пермских солепромышленников. Их сжигала зависть от великих царских пожалований Строгановым. Они не хотели примириться даже с тем, что это были вынужденные пожалования, дабы обеспечить укрепление восточных границ.

При жизни Ивана Грозного думные бояре ничего не могли сделать, чтобы ограничить исполнение желаний Строгановых. И вот настало время, когда все переменилось. Земский орган стал упразднять прежние указы, отнимать у бывших опричников земельные наделы и, конечно, это прежде всего коснулось Строгановых.

Английский посол в Москве Д. Флетчер по поводу бедствий Строгановых высказался следующим образом: «Зависть и негодование на богатство, несогласие с тамошней политикой, в чьих бы то ни было руках, и в особенности в руках мужика — побудили царя отбирать у них сначала по частям, иногда 20000 руб. вдруг, иногда более, пока наконец в настоящее время сыновья их остались почти без капитала, удержав только весьма малую часть отцовского имущества, между тем как все прочее перешло в царскую казну».

Только в Соли Вычегодской устоял торговый дом. Там, не жалея денег, скупались посадские дворы, соляные варницы, выгоны для скота, кузни и прочее. Семен Строганов ссужал, нуждающихся, деньгами под самый высокий процент. Своей жадностью и насилием он навлек на себя общую ненависть. В ночь на 22 октября 1586 г. посадские люди захватили острог, вооружились пушкой и двинулись к господским хоромам. Семен Аникиевич попал в руки бунтарей и был убит. Торговый дом лишился самого старейшего и самого авторитетного руководителя.

Строгановы затратили много усилий, чтобы вернуть милость государя и Годунова, не жалея для этого денег. Правительство тоже пришло к выводу, что без услуг Строгановых не обойтись. В 1591 г. Никите Строганову был возвращен город Орел со слободою и соляными варницами для прежнего владения.

Прошло 25 лет. Во времена царствования Василия Шуйского за большие финансовые заслуги Строгановым было пожаловано звание «гостей». Это звание присваивалось только самым богатым купцам России.

О «родословной» Ермака и его имени

В истории России Ермак является самой загадочной, удивительной и вызывающей восхищение личностью. Его, без всякого сомнения, можно поставить на одну ступень с выдающимися полководцами нашего отечества.

К сожалению, мы не располагаем достоверными сведениями о происхождении и биографии Ермака. Но это вполне объяснимо, так как казачьи станицы и ватаги даже не думали о том, чтобы иметь своих летописцев, тем более в условиях повальной безграмотности. На окраинах Руси, в Диком поле, было немало атаманов, о которых нам ничего неизвестно. Даже о такой незаурядной фигуре, как Ермак, мы узнали только благодаря его походу в Сибирь.

Увековечивание памяти о своих главарях не являлось в казачьей среде чем-то необходимым. Атаманы избирались, низвергались, могли быть казнены по решению «круга» за нарушения законов товарищества. В принципе, атаманы были ровней рядовым казакам. Только ореол славы Ермака привлек к нему внимание церкви и официальных органов власти.

Крупицам сведений о Ермаке, проникшим в летописи, мы обязаны его соратникам, которые устными воспоминаниями и «казачьим написанием» через много лет после его гибели донесли до церковников некоторые подробности жизнедеятельности своего предводителя, умалчивая о том, что могло бы навредить им самим, в случае подачи челобитных.

Портрет Ермака

Из письменных челобитных ветеранов к царю нам известно, что не менее 20–25 лет они служили под началом атамана казаков Ермака в Диком поле (в южно-русских степях, захваченных ордынцами еще при нашествии Батыя).

Завоевание Сибири малочисленной дружиной казаков породило легенды, песни и сказания не только в среде казачьей вольницы, но и у татар и местного населения. Атаман Ермак Тимофеевич после своей гибели стал героем сибирского этноса. Именно это и привлекло внимание церкви, чтобы прославить новую Тобольскую епархию.

Русский народ, обретя своего героя, стал вспоминать многие этапы жизненного пути Ермака и слагать об этом песни, передав будущим поколениям некие вехи знаменательных событий, не относящихся к «сибирскому взятию».

Первым делом архиепископ Киприян приказал составить синодик (запись имен умерших для их поминания), чтобы Ермаку и его товарищам запечатлеть вечную память. Хотя прошло уже 40 лет после завоевания Сибири, Киприян разыскал уцелевших соратников Ермака. Ветераны старались припомнить все о своем трудном походе, но их сведения часто были неточны и разноречивы. Из Казани Киприян привез книжников и поручил им составить местное летописание. Однако патриарх Филарет, который враждебно относился к казакам, не дал хода синодику, а составленная под его наблюдением летопись изображала Ерма-

ка и его казаков только разбойниками и ворами. Лишь после смерти Филарета, при архиепископе Тобольском Нектарии, дьяк Савва Есипов сел за написание подробной летописи. Он вновь велел собрать оставшихся в живых ермаковцев, которых было уже совсем немного.

Однако «казачье написание», которое пролежало 15 лет, очень помогло старательному дьяку. Есть предположение, что автором написания был Иван Александров по кличке Черкас, который был одним из посланников Ермака в Москву с вестью о победе. Это написание заключало в себе ценнейшие сведения первоисточника, но оно потеряно, и мы не можем проверить — все ли сведения отражены в летописи, нет ли каких-либо искажений в угоду взгляям епархии. На эту мысль наводит появление Погодинской летописи, которая, будучи скопированной с Есиповской, приобрела много удивительных дополнений.

О происхождении Ермака существует несколько версий, которые, на первый взгляд, не связаны между собой. Однако я усматриваю между ними некую логическую связь.

По одной из версий, Ермак происходит из волости Борок на Северной Двине, по другой — из Тотемских волостей Вологодского уезда, по следующей — из Юрьевца Повольского, а также из Чусовского городка купцов и промышленников Строгановых.

Черепановская летопись дает подробное описание родословной Ермака: «О себе же Ермак известие написал, откуда рождение его. Дед его, Афанасий Григорьев Аленин, был в городе Суздале посадским человеком, жил в бедности, и, чтобы облегчить свое семейное положение, переехал во Владимир. Занимаясь здесь извозом, Афанасий за приятельское знакомство с муромскими разбойниками и за перевозку награбленных ими вещей попал в тюрьму, из которой бежал в уезд Юрьевец Повольский, где жил с семьей до смерти. Сыновья Афанасия Аленина, Родион и Тимофей, гонимые нуждою, переселились на реку Чусовую к Строгановым и получили прозвище Повольских. Здесь у Тимофея родились три сына: Гавриил, Фрол и Василий. Последний обладал красивою наружностью, замечательной силой и даром слова (по Ремезовской летописи: «...весьма мужествен и разумен, и зрачен, и плоскоголов, черн брадою и власы прикудряв, возраст средний, и плоск и пле-чист»). Нанявшись работником на струги, ходившие по Волге и Каме, Василий Аленин-Повольский исполнял обязанности артельного кашевара, за что и прозван товарищами Ермаком (ермак — артельный котел)». (И.В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, 1032—1882 гг. С. 31—32).

Я категорически не признаю версию прозвища Ермак, связанную с обязанностями артельного кашевара. Смешно даже подумать, что атаман, прославивший себя как полководец, мог не воспротивиться кличке, унижающей его достоинство в зрелом возрасте. Да и кличка Ермак была ему дана значительно позже и совсем по иному поводу, судя по другим версиям. Но об этом позже. В целом же с рассказом я согласен, считая наиболее достоверным, хотя современный историк Р.Г. Скрынников называет эти биографические сведения о Ермаке «сказанием» и выдумкой.

Описание жизни деда Ермака выглядит весьма правдоподобным, оно вполне соответствует исторической ситуации конца XV и начала XVI веков в средней полосе России. В те времена свирепствовали жесточайшие эпидемии, уносящие тысячи человеческих жизней, засухи и наводнения, неурожай, голод. Многие люди покидали родные места, уходили на южные окраины и там группировались в казачьи станицы. Семейные же искали удачи, лучшей жизни окрест привычных краев. Одним из них мог быть Афанасий Аленин, не желающий покидать семью, несущий на своих плечах тяжесть кормильца. Расчеты показывают, что Афанасий умер не позднее 1525 года, когда его сыновья уже достигли совершеннолетия. Видимо, они жили с матерью и вместе с нею, «гонимые нуждою, переселились из Юрьевца Повольского на реку Чусовую к Строгановым». Но могли ли они прямиком переселиться туда? Этого произойти не могло, и вот почему:

— во-первых, в это время вотчина Строгановых находилась в Соли Вычегодской, а прикамские места были им пожалованы только в 1558 году, т. е. когда атаман Ермак уже «гулял» по Дикому полю, хотя Строгановы и основали значительно раньше, без ведома царя, торговый дом на реке Чусовой, но это случилось позже освоения Соли Камской, в 1530 году;

— во-вторых, путь на Чусовую в любом случае пролегал через Вологду, Тотьму на реке Сухона, впадающей в Северную Двину, и реку Вычегду, на которой, собственно, и находилась Соль Вычегодская; поэтому, если последнюю версию биографии Ермака принять за основу, то автоматически две первые вливаются в нее составными частями.

В поисках заработка братья Аленины могли побывать и в Борке, и в Тотьме, и в любом другом месте на Северной Двине, но так или иначе должны были попасть в Соль Вычегодскую. Именно там требовались работники и землепашцы в большом количестве, именно туда стекался бедный люд со всех волостей России. Путь родителя Ермака, если он не стремился в казаки, не мог быть другим.

Отсюда вытекает вывод, что Ермак мог родиться не на Чусовой, а в Вычегодской вотчине Строгановых, когда братья Аленины осели там и обзавелись семьями.

Основываясь на всей последующей хронологии деяний Ермаковых, можно с значительной степенью достоверности вычислить и время его рождения. Он не мог родиться ранее 1530 года, так как был третьим сыном Тимофея Аленина, и не мог родиться значительно позже, так как не смог бы участвовать в роли атамана в знаменательных исторических событиях, начиная с взятия Казани.

Сохранившийся фольклор говорит, что в 1552 году Ермак, не связанный обязанностями службы, призывал казаков в поход на Казань:

Пойдем-ка, братцы, под Казань-город:

Под ним Грозный царь стоит,

У него ли там много силушки,

Он семь лет стоит под Казанию,

Он семь лет стоит, не возьмет ее!

Скепсис, проявляемый к фольклору, часто мешает анализу реалий. Если принять во внимание челобитные ветеранов, то 20–25 лет «полевания» их с Ермаком возвратят нас к упомянутым событиям при отсчете от 1577 года, когда Ермак увел казаков на Каму.

При всем сказанном следует обратить внимание на любопытное со-впадение: Ермак и царь Иван Грозный родились примерно в одно время и умерли в один год. Когда состоялась коронация Грозного, Ермак, возможно, тоже отправился в свой первый поход в люди.

Я уже говорил о том, что до пожалования камских земель купцы Строгановы уже имели близ Перми на Чусовой торговую контору и их флот возил товары по Каме и Волге. Ермак, достигнув зрелого возраста, начинается к Строгановым ходить в плавания на стругах.

Есть версия более правдоподобная, нежели Черепановская, о кличке, приобретенной Ермаком, но которую я тоже считаю несостоятельной. Во-первых, отвергается предположение, что он ходил на стругах в качестве кашевара. Строгановым нравился смышленый, честный, обладающий недюжинной силой молодой человек, и они назначили его кормчим, доверив экспедирование грузов. Поэтому он не мог приобрести упомянутую кличку в период службы у купцов. Как трактуется некоторыми источниками, его стали называть Ермаком, когда он стал атаманом и ввел жесткое правило — чтобы никто на свою руку добра не хапал, а все шло бы на артель, в одну казну, в один котел. А по-татарски котел, или казан, будто бы называется «ермаком». Скрынников эту

версию также отвергает и считает, что прозвище Ермак происходит от сокращенного имени Ермолай, которым Ермака наделили родители. Очевидно, к такому заключению Скрынников пришел на основании измененного в 1869 г. Святым Синодом чина обряда православия, до появления которого почти триста лет возглашалось имя Ермак. Черепановская летопись приводит отрывок из этого синодика с именами завоевателей Сибири: «Помяни, Господи, пострадавших Твоего ради имене святого и кровь свою проливших по благочестии, победивших в Сибири безбожного царя Кучума, атаманов: Ермолая, Иоана, Никиту, Иакова, Матфея и дружины их...»

Можно предположить, что незнание настоящего имени Ермака Святым Синодом послужило поводом подобрать емуозвучное православное имя Ермолай. Трудно поверить, чтобы составитель Черепановской летописи, сообщавший о родословной Ермака, не обратил бы внимание на несоответствие имен и не сделал бы оговорки.

Есть веская причина не согласиться со Скрынниковым. Она заключается в следующем: никогда на Руси не давались клички на основании имени. Процветающие суеверия, боязнь сглаза заставляли людей скрывать в анналах церкви крещеное имя, давая своему ребенку имя второе — мирское, которое он носил до смертного часа, а настоящее имя становилось известным во время отпевания. Давать же кличку по имени считалось святотатством. Кроме того, не стоит забывать, что имя Ермак имеет тюркскую языковую основу. Куда разумнее было бы проследить цепочку слов нерусского происхождения: котел — таган — казан — каган. Вспомним, что великому князю Владимиру, известному также на Руси как Владимир Красное Солнышко, тюрками было присвоено звание Хагана, т. е. Верховного Повелителя. Затем слово «хаган» трансформировалось в «каган», сохранив первоначальное значение; возник Каганат (с верховной властью Кагана), состоящий из ханов, вассалов повелителя.

Красивая была бы версия, если бы предположить, что главный атаман, велеречивый и разумный, под руку которого пожелали пойти многие атаманы со своими отрядами, который стал главою товарищеского сообщества, поэтому и был прозван Ермаком. Но есть нюансы, не позволяющие остановиться на подобной версии, хотя в народе частенько говорят: «Котелок-то у него варит, калган работает».

Следует заметить, что кличка Ермак не была единственной у боевого атамана. В документах Посольского приказа (высшего ведомства России) упоминается прозвище Токмак, которым казаки наделяли Ермака. Он обладал большой физической силой, и его увесистый ку-

лак вполне мог соответствовать увесистому песту, колотушке, что и означает — «Токмак», чисто русское прозвище, в отличие от татарского — «Ермак».

Почему-то умалчивается и никак не трактуется имя Герман, которым наделяет Ермака Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского». Вряд ли это его настоящее имя. Оно — или мирское, или приобретенное в казачьей среде, согласно складу его характера и широте души. Столь редкое для нас сегодня имя пришло из глубокой древности, ему не менее восьми тысяч лет, а родилось оно у кельтов, означая коллективную душу, Великого Германа, спасшего белую расу от исчезновения. Учитывая, что на Руси древние предания и синонимы не были полностью утеряны памятью, Ермаку, являвшемуся душою товарищества, вполне могли присвоить нарицательное имя Герман.

Всех историков на протяжении трех веков приводит в недоумение существование, по меньшей мере, двух Ермаков, еще более заводящее в тупик, как при трактовке его имени, так и в хронологии исторических событий, приписываемых Ермаку Тимофееву. Ниже постараюсь прояснить такое явление, никак не связанное с сокращением какого-либо из русских имен.

Приведем некоторые факты «раздвоения» Ермака.

Когда Ермак, по одним сведениям, уже находился в Сибири, то по другим — он участвовал в осаде Могилева в конце июня 1581 года, имея тысячу человек войска. Одновременно в июле 1581 года Ургамет-мурза, приближенный ногайского хана, направил в Москву письмо, в котором жаловался, что «наперед сего Ярмак отогнал с Волги шестьдесят лошадей моих, а летом отогнали с Волги тысячу лошадей». Он требовал от Москвы выдачи ему «Ярмака».

В этой связи небезинтересны воеводские отписки того времени, сообщающие о расколе среди казаков: на «воровских» и тех, которые дали согласие на государеву службу. Среди последних назывались имена Матюши Мещеряка и Ермака Петрова. Не этого ли Ермака идентифицировали с Ермаком Тимофеевым? Признание такой возможности сразу ставит на место хронологию сибирских событий в летописаниях и разрешает безрезульятные вековые споры.

Теперь, прежде чем высказать свое мнение о приобретенной кличке Ермаком Тимофеевым и другими Ермаками, вернемся к рассуждениям о вероятной биографии Ермака.

Служба у Строгановых вполне могла удовлетворить молодого человека, которому оказывалось высокое доверие по перевозке на стругах

ценного товара. Что же могло побудить его оставить это занятие и организовать «шайку»? Существует предположение, основанное на сказаниях и отрывочных сведениях, что причиной всему явилось некое драматическое событие, связанное с его первой влюбленностью. Будто бы часть его невесты была поругана, он убил обидчика и вынужден был скрыться. По этому случаю родственники Ермака попали в опалу у Строгановых и подверглись репрессиям. Версия о том, что сам Ермак просидел в тюремной яме чуть ли не десять лет, а затем побывал в рабстве на галерах, — полнейшая выдумка, преподнесенная в недавно вышедшем на экраны художественном фильме о Ермаке. Если бы это было в действительности, то казаки не «полевали» бы с Ермаком 25 лет, о чём писали в члобитных.

На самом деле, вызволив с соляных разработок своих братьев, сбрав друзей и других молодых людей, пожелавших к нему присоединиться, Ермак укрылся на реке Белой, откуда делал набеги на Каму, где грабил купеческие суда.

В конце концов, Строгановы были вынуждены послать против него карательный отряд, в связи с чем Ермак ушел в низовья Волги и затерялся в южно-русских степях. Став атаманом в молодом возрасте, он продолжал им быть до последнего часа своей жизни, не признавая государеву службу, мечтая о землях для казачьей вольницы.

Ни в одной члобитной ермаковцев не упоминается о государевой службе, об участии во взятии Казани или Астрахани, а тем более противостоянии Баторию при осаде Могилева. Не может быть, чтобы казаки из станицы Ермака не подчеркнули бы в своих прошениях о столь важных событиях. Например, те казаки, которые участвовали во взятии Казани, находясь на службе, писали: «В которые время царь Иван стоял под Казанью, и по его государеву указу атаманы казаки выходили с Дону и с Волги и с Яика и с Терека: атаман Сусар Федоров и многие атаманы казаки ему, государю, под Казанью служили...»

Каждое событие времен Ивана Грозного отмечено именами казачьих атаманов, донесенными до нас историческими документами. По взятию Астрахани: Федец Павлов, Ляпун Филимонов, Архипко. По разгрому Крымской Орды, защите Москвы и Полоцка, по штурму Азова: Миша Черкашин, на Днепре — черкасский атаман Михайла Еськович и т. д. Имя Ермака нигде не упоминается. Поэтому утверждения некоторых историков о том, что Ермак не был вольным атаманом, а состоял на государевой службе, не имеет веских оснований, а фольклор — свидетель тому.

По установленвшимся казачьим законам запрещалось атаманам целовать крест царю и поступать к нему на службу. Было только одно правило присяги или клятвы — целование окровавленной сабли в знак верности общему делу казачьего братства. Нарушение этого неписаного закона каралось смертью. Герой «астраханского взятия» атаман Ляпун Филимонов, нарушивший такой закон, был по решению казачьего круга станичников казнен.

Казаки допускали только оплачиваемый наем для выполнения конкретной задачи. Да и то такой, которая соответствовала бы их интересам и морали. Участвуя вместе с царскими войсками в битвах, вольные казаки сражались в основном со своими исконными врагами — ногайцами и татарами, которые постоянно разоряли их станицы. К таким вольным казакам и относился, скорее всего, атаман Ермак. Поэтому его имя и не значилось в Посольских приказах.

Практически казаки вели свою непрерывную войну с кочевниками. Когда это соответствовало интересам царя, они получали похвалу. Но в другие периоды за те же самые действия казаков называли «воровскими» и посылали против них ратных людей для уничтожения.

Казаки не имели возможности вести нормальную оседлую жизнь, заниматься земледелием и скотоводством. Постоянное разорение их станиц кочевниками вынуждало казаков сооружать засеки, выбирать места, труднодоступные для врагов, а вместо конных отрядов создавать мобильные плавучие отряды на стругах. При таких условиях единственным источником существования могла быть только военная добыча или добыча от грабежа купцов. Каждая казачья дружина делала то же самое, что и царское войско, только в меньшем объеме.

Поскольку казаки всю жизнь проводили в битвах, не было на Руси более искусных и мужественных воинов. Сила и удаль высоко ценились в казачьей среде. Воин-богатырь, невероятно сильный и ловкий, Ермак мог заслужить кличку, соответствующую его воинскому мастерству и силе, получив от татар прозвище Ермак, взамен русского — Токмак. Прорыв в бою через ряды врага, сокрушительный напор с искрометной саблей в руке, в результате чего образуется прорва, то есть «прорва, а не человек», то есть Ермак. Так окрестили его басурманы, так называли они и других доблестных атаманов. Вот почему были и другие Ермаки.

В подтверждение этой версии приведу веское доказательство. На притоке Енисея — Нижней Тунгуске («Угрюм-реке») существуют между деревнями Подволочной и Ербогачено малонаселенные деревушки:

Непа, Преображенское, Большой Ермак и Оськино. Большой Ермак отстоит от зоны действий атамана Ермака почти на четыре тысячи километров.

Как известно, в верховьях Енисея и Лены обитали тюркско-монгольские народы, которые речки и поселения называли своими именами. Большую промоину между речками они и могли назвать Большим Ермаком — отсюда и название деревушки.

Русский атаман казаков, изгнавший из Сибири татарского хана Кучума, был назван татарами Ермаком.

Ермак и «сибирское взятие»

Присоединение Западной Сибири к России положило начало движению русских людей на восток, до самого тихого океана. Это начало следует отнести к 22 декабря 1582 года, когда в Москву прибыл вестник о победе с грамотой Ермака, в которой говорилось:

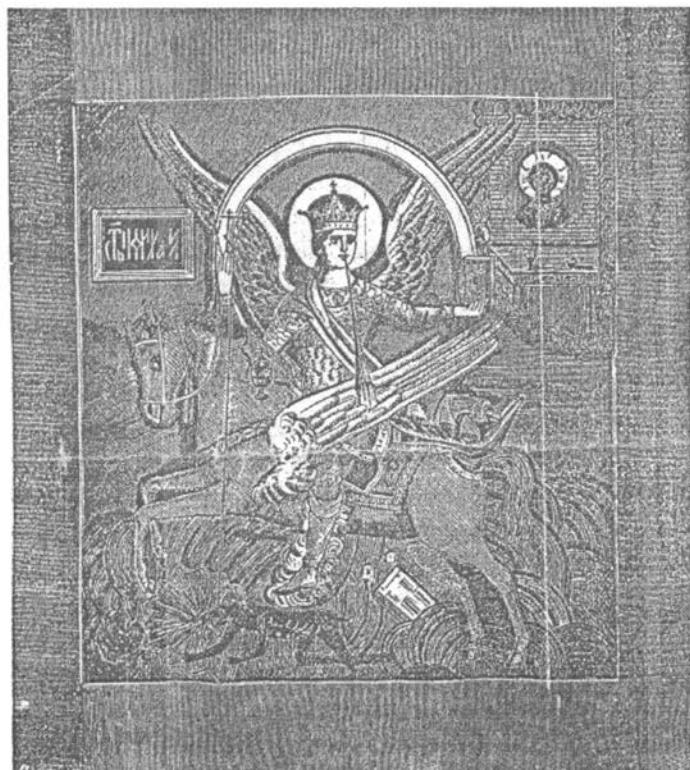
«Всемилостивого, в троице славимого Бога. Бога и пречистые его Богоматери и великих чудотворцев всея России молитвами, — тебе же государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России праведною молитвою ко всесущедному Богу и счастием — царство Сибирское взяша, царя Кучума и вои его победиша и под твою царскую высокую руку покориша многих живущих иноземцев татар и остыков и вогуляч, и к шерти их, по их вере, привели многих, чтобы бытии им под твою государскую высокою рукою до века, покамест Бог изволит Вселенной стояти, — и ясак давати тебе великому государю всегда, во все лета, беспереводно. А на русских людей им зла никакого он не мыслити, а которые похотят в твою государскую службу — и тем твоя государская служба служити прямо, недругам твоим государским не спускать, елико Бог помоши сподаст, а самем им не изменить, к царю Кучуму и в иные орды и улусы не отъехать, и зла на всяких русских людей никакова не думать, и во всем правом постоянстве стояти».

С этого времени Иван Грозный официально включил в свой титул наименование «царя Сибирского».

Большинство историков связывают год присоединения Сибири к России с началом похода Ермака. Так, В.И. Сергеев называет 1577–1578 гг. Но с этим нельзя согласиться, так как доподлинно известно, что в 1577 году Ермак «побежал» на реку Самару, а затем на Каму, чтобы уйти от царского преследования. Его не страшила царская рать. Он просто не хотел проливать кровь русских братьев. План похода в Сибирь созрел у него несколько позже.

Следует критически отнестись и к показаниям казаков, данным администрации Сибири после ее завоевания, будто они в начале похода «обмишенились», попав на реку Сылву вместо Чусовой. Они наверняка лукавили, не называя истинную причину — желание скрыть от посторонних глаз свое убежище, опасаясь, что купцы Строгановы могут известить воеводу Мурашкина о появлении дружины в их вотчине. (Ведь Мурашкин был послан правительством, чтобы изловить и перевешать вольных «воровских казаков») В пользу такой версии говорит тот факт, что Ермак казнил на Сылве 20 человек, попытавшихся сбежать из казачьего лагеря. Их поймали, посадили в мешки с песком и сбросили с яра в реку.

Некое упущение историков состоит в том, что они все берут на веру, если это прописано в документе, и не учитывают так называемый «человеческий фактор». Не могли же казаки, которые нередко писали челобитные, признать, что они бежали от царского преследования. Вот и нашли причину — «обмишени-

Знамя Ермака

лись». А для чего, скажем, в городке на Сылве была поставлена часовня во имя святителя Николая? Ее не было бы, если бы значительная часть казаков «рвалась» завоевывать Сибирь, а не обзавелась бы семьями и осталась там жить. В чем нуждалась тогда дружина? Конечно, в продуктах и особенно в хлебе. Чтобы прокормить армию в 1600 человек, требовалось немало продовольствия. Окрестные малочисленные племена питались только рыбой и мясом зверей и не занимались земледелием, а запасы дружины истощились к весне 1579 г. Пополнение их Ермак надеялся осуществить, войдя в контакт с купцами Строгановыми.

В это время у Строгановых возник наиболее тревожный период. Бунтовали от непомерных поборов vogульские племена, бунтовали черемисы и башкиры, совершились набеги на городки и починки купцов. Сибирский хан Кучум сжег их городок на Тахче и готовился к завоеванию Пермского края. На обращение в Москву с просьбой разрешить наем вольных казаков, Строгановы получили отказ. При такой ситуации они умалчивали о появлении на Сылве казачьего войска, решив тайно призвать Ермака для защиты их вотчины от внутренних бунтов и внешней агрессии.

В результате 6 апреля 1579 г. (согласно Строгановской летописи) к Ермаку был направлен гонец с соответствующим письмом Максима Строганова. Предложение купцов как нельзя лучше отвечало планам атамана. К этому времени, видимо, и созрела у Ермака мысль о походе в Сибирь. Какие причины натолкнули его на такое решение?

По-видимому, их было две. Во-первых, уйти туда, куда не дотянутся до него царская рука, а во-вторых — создать казачье царство. Ведь обмолвился он как-то: «Там сами царями будем». А, быть может, причина была намного проще — пограбить ближайшие татарские улусы и вернуться на Русь.

Много противоречий преподнесли летописи о начале похода Ермака. Исследователи называют не только разные даты, но и года. Наиболее близок к истине А.А. Дмитриев, назвав 1580 г., но и он ошибся, так как зиму конца 1579 г. и начала 1580 г. дружина Ермака провела уже на Кокуе, притоке реки Серебрянки, на перевале через Уральский хребет, к которому 12 июня казаки поплыли вверх по реке Чусовой.

По Строгановской летописи, 28 июня Ермак прибыл в крепость Орел к 17-летнему Никите Григорьевичу. В этой крепости изготавливались оружие — пищали, пушечки и порох. Видимо, пока строился на Кокуе для зимовки укрепленный городок, Ермак с частью казаков вернулся на Каму, чтобы пополнить запасы хлеба, пороха и ружей, а так-

же возместить потери людей от побегов и выбывших ради оседлой жизни на Сылве.

В Соли Вычегодской у Строгановых работали пленные поляки, литовцы и немцы, купленные у государства. Их и разрешено было Ермаку забрать себе. Таким образом, был сформирован иностранный полк численностью 300 человек, который возглавил Иван Александров по кличке Черкас.

Недостаточно обоснованную, сомнительную позицию заняли историки: Н. Шляков, Н.И. Костомаров и Р.Г. Скрынников. Костомаров утверждал, что Ермак был служилым атаманом и с тысячью конных казаков участвовал в осаде Могилева летом 1581 года. Поэтому он не мог выступить в поход для завоевания Сибири ранее сентября 1582 г.

Рассмотрим эту версию в деталях с извлечением данных из известных документов и прокомментируем их.

Есть сведения, что некто Ермак, еще до могилевского похода участвовал в набегах на ногайские улусы. В июле 1581 года Урмагмет-мурза направил в Москву письмо, в котором утверждал, что «наперед сего Ярмак отогнал с Волги шестьдесят лошадей моих, а летось отогнал с Волги тысячу лошадей». Если Ермак Тимофеевич в это время находился в Сибири, то кто с таким же именем мог сначала угнать тысячу лошадей, а затем появиться на них с казаками у стен Могилева? На этот вопрос сам же Скрынников дает косвенный ответ. Он пишет: «Воеводские отписки того времени не оставляют сомнения в том, что накануне сибирской экспедиции среди «воровских» казаков произошел раскол. На казачьем круге атаман Богдан Барбаш возглавил тех «воровских» казаков, которые отказались присоединиться к Ермаку и Ивану Кольцо. Они остались на Яике и выстроили себе там укрепленный острог. Встревоженные воеводы направили на Яик приказ и велели им идти на государеву службу. Приказ выполнили атаманы Матюша Мещеряк, Ермак Петров и сто пятьдесят других казаков».

Значит, кроме Ермака Тимофеевича существовал и Ермак Петров, согласившийся на государеву службу? Этот факт ниспровергает утверждение, что поход в Сибирь не мог состояться ранее осени 1582 года!

Теперь обратимся к элементарной логике, здравому смыслу, и зададим сами себе вопрос — возможно ли было физически, выступив в поход 1 сентября, завоевать Сибирское царство Кучума уже 26 октября, т.е. за 56 дней?

Для того, чтобы убедиться в возможности или невозможности такой ошеломляющей стремительности, проанализируем поэтапно путь

Ермака от Предуралья до Искера (Тобольска) и определим затраченное на это время.

Как известно, маршрут экспедиции проходил по реке Чусовой, притоку Серебрянке и ее притоку Кокуй до перевала, затем волок через перевал до реки Журавль, далее по рекам Баранчук, Тагил, Тура и Тобол.

В своей книге «Ермак», в главе «Трудные версты», Р.Г. Скрынников пишет: «Путь в Сибирь был далек и труден. Всего труднее далось казакам начало пути. Флотилия Ермака плыла по Чусовой и Серебрянке, суда продвигались вперед со скоростью улитки(!). В верхней части Чусовой течение особенно мощное. Посреди быстрого потока там и тут торчат огромные скалы. Вместе с многочисленными подводными камнями и мелями эти скалы таят большую опасность. Берега Серебрянки порой сужались до 10–12 метров, течение оставалось столь же стремительным, как и на Чусовой». И далее: «Тагильские перевалы, на которых побывал казачий отряд, даже по своему виду отличались от обычных горных перевалов, тут располагались большие седловины, основательно заболоченные даже в летнюю пору»

А вот что пишет об этом участке пути Д.И. Копылов: «Судовой караван несколько дней поднимался вверх по реке Чусовой. Берега ее в те времена никем не были заселены, и казаки без всякой опаски выходили на берег и на ночь разбивали лагерь. С Чусовой предстояло перебраться на Туру и Тобол. Для этого нужно было отыскать левый приток Чусовой, который начинался бы поблизости какой-либо речки, впадающей в Туру. Проводники-коми, которыми Ермака снабдили Строгановы, уверили, что этим условиям вполне отвечает речка Межевая Утка, однако при обследовании ее выяснилось, что она недостаточно глубока и непригодна для плавания. Из-за мелководья Ермак должен был повернуть назад. Достигнув устья речки Серебрянки, флотилия вступила в ее прозрачные серебристые воды. До глубокой осени (!) шли от устья Серебрянки до ее истока. Маленькая горная речка не везде была удобна для хода судов. В особо мелких местах приходилось, по свидетельству летописца, ставить запруды из парусов и таким образом поднимать уровень воды, чтобы двигаться дальше. Зима застала казаков в месте, где в Серебрянку впадает небольшая речка Кокуй. Дальше начинался волок. Ермак приказал здесь остановиться и разбить зимний лагерь, укрепив его по обыкновению стоячим тыном. Остатки укрепления местные жители видели еще в XVIII веке».

В «Хронологическом перечне важнейших данных из истории Сибири» И.В. Щеглова (С. 33. 1580 г.) говорится: «1 мая Ермак с дружиною

переволоклись на речку Жаравлю, затем по р. Бараче спустились плотами до р. Тагила и, пересев здесь на струги, на постройку которых употребили несколько недель (!), вышли на реку Туру: «тут и Сибирская страна».

Отбрасывая некоторые разнотечения, можно сделать вывод, что начало пути в Сибирь было достаточно трудным и не быстрым, о чем говорят вышеупомянутые авторы. Это и стремительные течения речек среди скал и подводных камней, и необходимость сооружать запруды из парусов, чтобы провести по мелководью 80 стругов, и поиск лучшего перевала, что заставило казаков вернуться назад к реке Серебрянке с Межевой Утки, и время, затраченное сначала на изготовление плотов, а затем стругов, на что ушло несколько недель, и прочее.

Между тем следует заметить, что версию о том, будто какие-то малые струги казакам удалось перетащить на восточный склон Уральского хребта, никак нельзя признать, так как таковых не могло быть. Разве что один-два для ертаульщиков. Казаки всегда изготавливали струги на 20 гребцов и 2-х рулевых. К тому же изготовление требовало значительного времени. Для этого следовало найти подходящей толщины и длины ствол дерева, срубить его топором и обработать в виде корыта, потом с помощью топора изготовить доски для наращивания бортов и внутреннего обустройства, сбить всю конструкцию гвоздями, прокопонатить и обмазать дегтем. Кроме того, еще изготавливались рули и десять пар весел, ставилась мачта и оборудование для парусов. Как правило, струги были длиною 12 метров и шириной 2–3 метра. Работа большая, трудоемкая, так как все делалось с помощью одного топора, даже доски. В те времена в России еще не применялись пилы. Они появились только при правлении царя Петра I, то есть через 130 лет. Поэтому вполне обоснованно констатируется Щегловым время, затраченное на изготовление стругов.

Теперь определим количество верст, пройденных дружиной на плотах, а затем на стругах: по реке Баранчук — 65, по Тагилу — 180, по Туре до Тюмени — 550, от Тюмени до устья Туры — 187, по Тоболу — 255, что в целом составляет длину пути 1237 верст.

Чтобы сделать временную оценку продвижения казаков по Сибири от зимней стоянки на речке Кокуй, обратимся к сведениям, извлеченным из летописных документов и отписок воевод в период освоения края. Но пока...

Зимнюю стоянку Ермак покинул 1 мая, а от стоянки на Тагиле отплыл в Троицу. Это означает, что на преодоление перевала, на путь

до Тагила и изготовление стругов он затратил 45 дней. К Тюмени дружины приплыла 1 августа. Таким образом, 730 верст было пройдено также за 45 дней, и средняя скорость передвижения составила 16 верст за сутки. Следует считать, что это была не максимальная скорость, так как по пути пришлось иметь стычку с татарами у Еланчиных юрт и заниматься приведением к шерти населения встречных городков с вниманием с них ясака.

За наиболее реальную дневную скорость, в случае беспрепятственного передвижения, можно считать 20 верст.

Это подтверждается и более

поздними данными во времена освоения Сибири. Например, чтобы доплыть до Самаровского яма из Сургута, затрачивалось 4 недели, а в обратном направлении, по течению, 3 недели.

Если бы у Ермака не было «задержек» по пути от Тюмени до Искера, то расстояние 442 версты он преодолел бы за 22 дня. Но даже при таком идеальном случае на весь путь по Сибири, без учета дней боев, захоронения погибших, лечения ран, затрат времени на территории Предуралья, ему потребовалось бы 112 дней.

Как же понять и расценить утверждение некоторых историков, что Сибирь была завоевана за 56 дней? Печально, что такого же мнения, как и Р.Г. Скрыников, придерживается и Д.И. Копылов. Неужели им неизвестна география Западной Сибири? Неужели они считают Ермака не полководцем, а авантюристом, ведущим дружины напролом, без сведений о силах противника, без запаса продовольствия?

В 1994 году, в связи с празднованием 50-летнего юбилея Тюменской области, в Тюмени издана книга «Очерки истории Тюменской области», в редакционную коллегию которой вошел Копылов. Вот что написано в разделе «Поход Ермака»: «Поход продолжался около двух месяцев. Непродолжительность его «смутила» многих историков, которые

предлагают разные даты начала похода: 1581, 1579, 1578 годы. Однако в грамоте Ивана VI Строгановым, посланной 16 ноября 1582 г., указано точное время выступления: «послали вы из острогов своих волжских атаманов и казаков Ермака и товарищи воевати воятки и вогуличи и пельмские и Сибирские места сентября в 1 день». А далее без обоснования сдвигаются все даты вплоть до гибели Ермака, т.е. не в 1584 г., а в 1585 г. На каком основании решено, что имеется в виду 1582 год? (Говорят, что такая, мол, была на грамоте «помета»). Почему вдруг, уверовав в эту «помету», наши современные историки отказываются от здравого смысла? Впрочем, это лежит на их совести. Сибирякам нужна подлинная история своего края, а не сомнительная.

Щеглов называет дату 9 мая 1581 года началом похода Ермака из Тюмени. Начав этот поход, как военную операцию, Ермак проявил свои исключительные полководческие качества.

Перед устьем Туры 6 татарских мурз с большим войском подстерегали казаков. Жестокое сражение длилось несколько дней. Затем татары следовали за стругами по берегу, устраивали засады в узких местах, в тальниках, исыпали казаков стрелами. Только 8 июня дружины выплыли в Тобол. Потребовался месяц, чтобы преодолеть с боями 187 верст. Улусы мурз, имена которых названы в летописи, располагались вниз по Тоболу в 55 верстах. Это были Майтмаса, Каскара и Варвара. Их земли граничили по ходу следования, занимая в целом 10 верст. На всем этом протяжении шли непрекращающиеся бои. Ермак высаживался на берег и, сокрушая нападающих, обращая их в бегство, захватывал каждый юрт. Потери татар были велики, но и победа Ермака стоила ему больших жертв. Из 1650 человек первоначального войска теперь у него осталось 1060 казаков. Однако победителям, помимо продовольствия, досталась богатая добыча мехов и драгоценностей, часть из которых Ермак зарыл в землю, не имея возможности все увезти.

На 156-й версте от Искера, на казаков снова обрушился поток стрел с Березового Яра, но они, прикрывшись таловыми щитами, без особых потерь проскочили мимо. После этого разведка донесла Ермаку, что в 13 верстах в очень узком месте реки у Карабульного Яра, где находился «опасный» городок есаула Елыши, устроена засада. Там поджидало дружину значительное войско с намерением обстрелять с вершин казаков и полностью их уничтожить. Существует легенда, что в этом месте Алыши перегородил Тобол цепью, чтобы струги сбились в кучу. Но достоверных сведений на этот счет нет. Во всяком случае, Ермак принял неординарное решение — на судах, которые продолжили движение

ние, были поставлены чучела из таловых прутьев, одетых в казачьи кафтаны и шапки, а сами казаки высадились на берег в трех верстах, незаметно подошли в тыл к татарам и разгромили их. Это произошло 29 июня, после чего, проплыв 27 верст, флотилия вошла в устье Тавды. Таким образом, от устья Туры до устья Тавды казаки, почти с непрерывными боями, преодолели 139 верст за 21 день. До Искера оставалось расстояние 116 верст.

В устье Тавды дружины неделю отдыхали, хоронили убитых, залечивали раны, парились в бане, которую наскоро соорудили. Некоторые казаки, устав от сражений и прослушав, что с верховьев Тавды можно попасть на перевал через Уральские горы, предлагали вернуться на Русь. Ермак вынужден был собрать круг, на котором после многих споров было принято решение продолжить поход, и 8 июля казаки двинулись далее по Тоболу. Но о предстоящих событиях этого этапа пути поговорим несколько ниже. Только предварительно следует сказать о чувстве недоумения, когда историки, отстаивающие свою позицию о 56-дневном победном марше, несправедливо называют жестокие сражения «мелкими стычками».

Сторонники версии о начале похода 1 сентября 1582 года опираются только на царскую «опальную грамоту» датированную 16 ноября 1582 г., несмотря на то, что многие исследователи высказывали недоверие, как к самой грамоте, так и ко времени изложенных в ней событий. Нет сомнений, что в нелепости ее появления сыграл «человеческий фактор», выразившийся в мести Строгановым воеводы Чердыни В. Пелепелицина. Воспользовавшись тем, что воевода Елецкий, благоволивший купцам ради постоянных ему подношений был направлен правительством усмирять бунтующую черемису, его бывший помощник, обделяемый Строгановыми, написал донос, будто они, отправив Ермака с казаками в Сибирь, спровоцировали нападение пельмцев на крепость Чердынь.

Известно, что Пелепелицин не был свидетелем происходящего в Пермском крае, так как в это время находился в Москве, после разгрома посольства ногайцев у Самарской луки атаманами Иваном Кольцо, Никитой Паном и Саввой Болдыря в начале августа 1581 года. И все-таки Скрынников отстаивает свою позицию. Он пишет: «Сохранилась царская грамота от 7 января 1584 г., из которой следует, что царь Иван IV узнал о «сибирском взятии» от гонцов Ермака не позднее лета — осени 1583 года и тогда же велел готовить «зимний поход» в Сибирь. Отсюда следует, что «сибирское взятие» совершилось в промежуток вре-

мени между 1 сентября 1582 г. и весной 1583 г., когда Ермак послал гонцов в Москву с вестью о победе».

Возникает невольный вопрос — следует ли полностью опираться в своих выводах, основываясь на датирования царских грамот, пренебрегая летописными сведениями? Являясь в большинстве случаев результатом отписок из далекой Сибири, грамоты либо констатируют уже давно совершившиеся события, либо приходят в Сибирь после того, как событие уже произошло. Это касается и определения времени прибытия в Сибирь Болховского — до гибели Ермака или после гибели?

Однако вернемся пока к вопросу — почему Ермак решил зимовать в Тюмени? Некоторые авторы опровергают этот факт и говорят: «...не могли же казаки остаться в Тюмени, чтобы вдоволь поесть тюменского хлебушка». Вспомним, что от начала похода до Тюмени потребовалась неизбежная затрата 3-месячного времени. Если бы Ермак выступил в поход 1 сентября, то в Тюмени он оказался бы 1 декабря, но этого не могло быть. Реки уже были бы покрыты льдом. Поэтому названная И.В. Щегловым дата прибытия дружины в Тюмень 1 августа 1580 года наиболее вероятна.

Почему же Ермак не решился продолжить поход, имея в запасе 86 дней до 26 октября? В первую очередь потому, что он не имел никаких сведений ни о географии дальнейшего пути, ни о воинских силах владельца Сибири. Кроме того, запасы продовольствия уже истощились, а прокормить нужно было 1600 человек. Для этого требовалось не менее 5 тысяч пудов хлеба. Вот и занялись казаки добычей провианта и сбором ясака в татарских улусах.

Одновременно действовала разведка и была поставлена задача — добыть языка. Не мог Ермак повести свою рать по неведомой стране без соответствующей подготовки, обрекая ее на голод, засады и неоправданную потерю людей. Он понимал, что, после захвата и сожжения юрт Епанчи, в ханской столице уже известно о появлении казаков и ведутся приготовления к военным действиям. Но главного не знал Ермак — хана Кучума не было в это время в Сибири. Весною с конницей в пять сотен он ушел на Кумыш за зерном и вернулся в Искер только глубокой осенью. Был упущен очень удачный момент для разгрома татар. Да и сам Кучум не мог принять каких-либо мер, чтобы остановить казаков. Историки, не зная об этом, высказывали только удивление по поводу беспечности хана.

Однако племянник Кучума Мухаммед-кули (казаки называли его Маметкулом) послал с небольшим отрядом конных уланов советника

Концелия, поручив ему призвать на войну мурз по Тоболу и уничтожить казаков.

Разведка, которую Ермак послал вниз по Туре, вовремя донесла о приближении татарской конницы. Атаманы вывели им навстречу свои полки, в нескольких верстах от Тюмени выбрали подходящее место для сражения и вкопались в землю, устроив замаскированную ловушку. Бой был недолгим, татары понесли большие потери и бежали, а сам Концелий угодил в плен. У Ермака оказался в руках ценнейший язык. Есть сведения, что с первой экспедицией в Москву казаками были доставлены три высокопоставленных лица Кучума. Видимо, это были Концелий, Майтмаса и еще кто-то. Несомненно, что Майтмаса принес присягу царю, так как при первом тюменском воеводе Василии Сукине ставил Тюмень, а затем города Тобольск и Тару, ходил войной на Кучума, калмыков и царевича Алея, старшего сына хана. В 1617 году старый мурза был головой тюменских служилых татар, получал годовое жалованье 12 рублей, 2 чети (16 пудов) хлеба и овса. После его смерти на «государевой службе» были его сыновья: Мургач, Надыш и Кутайгул.

Концелий явно утаил от Ермака, что Кучума с пятью сотнею уланов не было в Искере в то время. Видимо, не сказал об этом и даруга (сборщик дани) Кутугай, захваченный казаками вместе с обозом мехов. Ермак принял Кутугая не как пленника, а как знатного гостя, желая с его помощью получить нужные сведения и дезинформировать Кучума о своих планах. Он внушил Кутугаю, что намерен вернуться на Русь, но не теперь, а весною, так как «припозднился» и вынужден зимовать в Тюмени.

Конечно, хан не был столь наивен, чтобы поверить Ермаку, и стал готовиться к защите своего царства. Но наступила зима, и не так-то просто было к весне собрать значительные силы для предстоящей войны с казаками.

Это миф, когда говорят о его 10-тысячном войске. Основной опорой ему служила личная конная гвардия, состоящая из сотен, присланных властителями восточных стран, с которыми у него были семейные узы. Это были узбеки от эмира Бухары Абдулы, киргизы от хана Шигая, казахи, царевну которых Сузге взял Кучум в жены, и ногайцы, у которых дочь Кучума стала царицей. Но это было всего несколько сотен уланов, которых возглавлял Маметкул. Остальное войско состояло из уланов мурз сибирских татар, покоренных Кучумом, остыков и vogulov.

В описываемый период татары тюменских земель были отрезаны от Сибирского царства. Они дали присягу русскому царю и не могли вы-

тупать на стороне хана. Могли участвовать в войне только татары Тобола и Иртыша. Кроме улусов мурз Майтмасы, Каскары и Варвары, которые могли выставить до двухсот уланов каждый, другие улусы были небольшими. Так, в улусе Чунгулы-мурзы имелось всего 40 боеспособных мужчин, у аялынских татар, находившихся под властью двух князьков и двух есаулов, насчитывалось 150 человек, у Чин-мурзы 38 улусных людей. И остяцкие, и вогульские князья не располагали значительными силами. Например, в Кодском княжестве, объединяющем 13 городков, можно было набрать не более 200 воинов. Так же малочисленны были и княжества: Обдорское, Кондинское, Демьянское и селькупов с реки Васюган. Подсчеты показывают, что Кучум мог собрать не более четырех тысяч воинов. Но и такое количество в четыре раза превышало численность казаков.

Думая, что Ермака послал в Сибирь царь, оголив крепость Чердынь, Кучум направил с отборным войском своего сына Алея к пельмским татарам и вогулам, чтобы вместе с ними напасть на Пермь. Он рассчитывал на то, что для защиты Предуралья Ермак будет отзван царем. Кучум заблуждался — Ермак пришел в Сибирь по собственной воле.

Во время стоянки дружины в устье Тавды казаками-разведчиками был захвачен дворцовый мурза Таузак, ловивший для ханского стола рыбу. Ермак поступил с ним так же, как в свое время с Кутугаем. Получив от него нужные сведения, наделив подарками и сказав, что собирается вернуться на Русь по Тавде, отпустил его с миром.

Известие Таузака очень встревожило хана. Ведь Ермак находился всего в 116 верстах от его столицы. Немедленно к устью Тавды была направлена конница во главе с Маметкулом. Но уже 8 июля Ермак покинул устье Тавды и встреча с Маметкулом произошла 21 июля, в 78 верстах от Искера, в улусе мурзы Бабасана. Битва с татарской конницей длилась 5 дней. Казаки врылись в землю, сделав засеку, и успешно отражали атаки противника огнем из пищалей. Подходы к засеке были сплошь завалены трупами уланов и лошадей, что, в конечном итоге, явилось неодолимым препятствием для дальнейших атак. На шестой день Маметкул увел на Искер остатки разбитого войска.

1 августа, не дойдя до устья Тобола 25 верст, после жаркого сражения казаки заняли городок Карабчи, знатного мурзы и думного советника Кучума, захватив много добычи и особенно меда.

«Около этого же времени (осенью 1581 г.) пельмский князец со множеством вогуличей разорил строгановские поселения по Каме, сжег

несколько деревень, увел с собою множество людей в плен и держал в осаде один из строгановских городков по Чусовой. Обстоятельство это подало повод Семену Аникеевичу и Максиму Яковлевичу Строгановым просить в Москве, дабы повелено было им из Чердыни, как главного в Перми города, прислать на помощь войска, а Никите Григорьеву Строганову приказать, чтобы он с ними стоял заодно, и vogуличам в их вотчине воевать не давал. В таком смысле действительно была прислана из Москвы, на имя пермского наместника князя Ивана Елецкого и Никиты Строганова грамота, помеченная 6-м ноября этого же года. (Миллер. С. 115–116; И.В. Щеглов. С. 35.)

А вот, что пишет по этому поводу Д.И. Копылов: «В начале сентября 1581 года пельмский князь Кихек, собрав до семисот человек ханты, манси, вотяков и башкир и «ярости многи наполнися», вторгся в Пермь Великую. Сжигая по пути русские поселения, он дошел до Чердыни и едва не взял ее, повернул на Кай-городок и там «велию пакость учнил», затем опустошил окрестности Соли Камской, пожег слободы и деревни Строгановских вотчин на Каме и Чусовой».

Однако тут следует сделать уточнение. Помимо Кихека, в нападении на Пермские земли упоминаются сын Кучума Алей и пельмский князь Аблегерим. Но подробное обоснование такого утверждения мною сделано в очерке «Строгановы».

Как уже было сказано, свой донос об этих событиях воевода Чердыни В. Пелепелицин отправил только в 1582 году, почти год спустя. В результате появилась грозная грамота царя от 16 ноября 1582 года. Содержание этой грамоты, обвинение Строгановых в организации похода построено исключительно на основе доноса их недоброжелателя. Поэтому ошибочно считать указания грамоты решающим фактором в вопросах и о начале похода, и о том, что инициаторами похода в Сибирь были Строгановы.

В это же время, после разгрома ногайского посольства на переправе, возле устья реки Самары, атаманы Иван Кольцо, Савва Сазонов, сын Болдыря, и Никита Пан ушли сухопутьем по тропам вверх по Каме и появились на Чусовой как раз в момент бесчинства пельмцев. Разгромив их, изгнав из земель Строгановых, казаки изготовили струги и потребовали за свою «послугу» от Максима Строганова снарядить их всем необходимым для похода по следам Ермака. Но Максим упорно отказывал им в этом, называя их требование грабежом, ссылаясь на то, что государь не потерпит такого воровства, на что в ответ Кольцо изрек: «Молчи, мужик! Не гневи Бога. Не на воровство идем, а на безбожных

агарян Кучума-царя. О, мужик! Не знаешь ли ты и теперь мертв. Возьми тя и расстреляем в клочья!»

Купец вынужден был открыть хлебные амбары и выдать запасы, внося записи в кабальные книги. «И книги их писарей и память жилья их, кто имены и отчеством домов и доныне у Строганова в казне взыскивается», — сообщает летописец. К сожалению, этот уникальный документ не сохранился. Но уже сам описанный факт говорит о том, что Строгановы не были инициаторами похода и их летопись грешит в этом отношении.

Время выступления в поход Ермака и Ивана Кольцо безосновательно отождествляется. Это и является одной из причин возникших споров. Как имя Ермака не упоминается в разгроме посольства у Самарской луки, так и имя Кольцо с его атаманами не упоминается на протяжении всего похода Ермака до взятия Искера. Впервые их имена появляются в 1582 году. К тому же их путь в Сибирь был совсем иным, начиная от верховьев реки Чусовой.

В противоположность Ермаку, Кольцо решил идти к перевалу не рекой Серебрянкой, а Межевой Уткой.

Вот о чём повествует «Описание Сибири» по списку Императорской публичной библиотеки: «А с Москвы водяным путем стругами Москвою, Окою, Волгою, Камою, Уткою реками до камня Верхотурского, которой камень граница между Московским и Сибирским царств и тот камень Верхотурский через Утку реку в вершине той реки в лесах страшных. И Ермак (конечно же, Кольцо, т.к. Ермак шел через перевал с р. Серебрянки. — *O.P.*)

с товарищи своими осеновал до зимнего пути и тем первым зимним путем, водяные суды по сю сторону оставя, поделав лыжи, нарты с запасы своими перешел тот Верхотурский камень на вершину реки Ницы».

Видимо, имя Ермака в данном случае фигурирует по той причине, что казаков Ивана Кольцо, Саввы Болдыря и Никиты Пана считали его отрядами.

Ближе всего к истине следующая версия: Колцо не стал изготавливать струги и строить зимовье на Ницце, ему было в обычай делать большие переходы по сухопутью и поэтому, перейдя Верхотурский камень на лыжах и нартах, он принял решение этим же способом двигаться дальше. Не исключено, что для нарт он «позаимствовал» у местных жителей оленей и напрямик, взяв проводников, направился к Искеру. Прямое расстояние в 500 верст не столь уж велико, чтобы его не преодолеть с помощью оленей за 3–4 недели. В пользу такой версии говорит то, что уже не позднее 5 декабря 1581 г. Кольцо находился в стане Ермака, так как в это время погиб Никита Пан, участвовавший в погоне за Маметкулом, убившим на озере под Абалаком 20 казаков, занятых ловлей рыбы.

Теперь вернемся к главному этапу похода Ермака — взятию Искара.

1 октября Ермак покинул Карабинский улус и вышел на Иртыш. Проплыв три версты вверх, он вышел на левый берег и занял городок Аттики-мурзы. Из опросов татар он узнал все, что было необходимо для военной операции, — и топографию местности, и расположение укреплений, и состав войска, противостоящего казакам. Местом сражения татары избрали не подступы непосредственно к Искеру, а мыс Чувашский, где была летняя резиденция хана и место постоянного пребывания воеводы Маметкула. Такой выбор татарами имел много плюсов. В этом месте правый берег Иртыша отступал от высоких круч, представляя собой ровную площадку треугольной формы, покрытой высокой травой и кустарником. Эту площадку называли Княжий луг, так как сыновья Кучума любили развлекаться на ней соколиной охотой.

На высоком иртышском берегу, окружающем полукольцом Княжий луг, стояли городки Бицик-Тура и Чувашский. Последний был опоясан земляным валом и рвами, а под горою сооружена засека. Битва в Бабасанах надоумила Маметкула перенять метод защиты у Ермака.

Особое беспокойство внушало казакам численное превосходство врага. В это время в дружине насчитывалось не более 800 человек. Раздавались голоса, предлагающие уйти с этого места, а затем вернуться на

Русь. Ермак собрал круг и, желая воодушевить людей, выступил с горячей речью:

— Казаки! Братья мои, единомышленники! Подумайте, как нам бежать? Глубокая осень уже наступила, реки покрываются льдом, струги к плаванию против течения не годны. Не предадимся бегству, не положим на себя ни худой славы, ни укоризны потомков. Вспять возвращаться — покрыть себя позором и малодушно нарушить свою клятву. Не множеством воинов добывается победа! Если нам всемогущий Бог поможет, то и после смерти нашей память о нас не оскудеет, и слава наша будет вечна!

Круг единогласно порешил: «...постоим, противу врага твердо, до крови и до самыя смерти, и того, братие, не переменим обета своего и все единодушно станем непоколебимы» (Сибирские летописи. С. 23).

Выступление произошло 23 октября — в день апостола Якова, изображение которого было на знамени передового полка. Флотилия Ермака устремилась к Княжьему лугу, где у подножия мыса за засекой сидели татары, остыки и вогулы.

Когда казаки приблизились к укреплению, атаман «...товарищам своим казакам повеле стрелять половине, а другой стояти до исправы». Но огневой залп не дал никакого результата. Зато осажденные «пустиша стрелы тмочисленные с верху засеки и из бойниц», многих казаков убили и ранили.

Тут Ермак, чтобы выманить врага из укрытия и навязать рукопашный бой, применил свой излюбленный маневр. Он дал сигнал к отступлению, то есть к бегству из обстреливаемой зоны. Татары по опыту своему бросились преследовать беглецов, разломав в нескольких местах засеку. Этого только и ждали казаки — они прекратили отход, развернулись и встретили неприятеля.

Началась жестокая схватка. Татары наступали, не соблюдая боевых порядков. Они толпились, мешая друг другу, позволяя казакам нещадно их сечь. Сквозь эту суетолоку прокладывал дорогу мечом Маметкул.

Ермак, забрав со стругов резервную сотню, повел ее в бой. Казаки пробились к засеке, водрузили на ней боевое знамя и прорвались в проломы вслед за убегающими остыками, вогулами и татарами, продолжая сечу. Тесня друг друга, бежавшие воины Кучума поднялись крутым логом на Чувашский мыс и засели там за земляным валом. В сражении пал раненым Маметкул. Однако татары подхватили своего воеводу, вынесли с поля боя и на лодке увезли за Иртыш. Не желая далее рисковать жизнью казаков, Ермак не стал штурмовать укрепления на мысу.

Он увел дружины за речку Курдюмку, на мыс, противоположный Чувашскому, и велел расположиться там на ночлег.

В этой битве Ермак потерял 107 воинов, не говоря уже о большом количестве раненых. Битва была выиграна, Маметкул просчитался, выбрав для сражения Княжий луг, где не мог использовать конницу. Но войны еще не закончились. За земляным валом сидел Кучум с войском и готовился возобновить сражение на рассвете.

Однако произошло нечто непредсказуемое. Под покровом темноты, в ночь с 23 на 24 октября, остяцкие и vogульские князья, понесшие большие потери своих людей и не желающие больше проливать кровь за ненавистную им власть, покинули Чувашский городок. Лишившись, таким образом, преобладающей части войска, хан оставил Чувашское укрепление и увел остатки татар на Искер. Молитвы Аллаху, чтобы он даровал победу над неверными, не помогли Кучуму.

Два дня дружины Ермака провела на стане за Курдюмкой. Казаки хоронили убитых товарищей и залечивали раны. На третий день, 26 октября, подступив к Чувашскому мысу, казаки с удивлением обнаружили, что войско Кучума исчезло. К Искеру через долины и взгорья вела утоптанная копытами дорога. По ней и отправилась дружина. А по реке уже густо шла шуга. Вот-вот и станет Иртыш, и покроются льдом все реки.

К полудню дружины подошла к стенам Искера. И опять казакам пришлось удивиться — столица Сибирского царства была пуста. Было заметно, что покинута она в спешке, так как в ней оставлено много золота, серебра, драгоценных камней, собольих, куньих и лисьих мехов.

В Искере Ермак остался на зиму. Кучум не ушел далеко, все еще надеясь перебить малочисленный отряд казаков, собравшихся с силами. Он обосновался всего в 16 верстах вверх по Иртышу в своем городке Абалаке, в который заведомо переправил всех своих жен и детей. Туда же был доставлен и раненый Маметкул. Однако визирь хана Карака предал Кучума и ушел на реку Тару, забрав пять сотен своих людей, чем значительно ослабил войско хана.

Было очень кстати, когда в Искер, в конце ноября, пришли с казаками атаманы: Иван Кольцо, Савва Болдыря и Никита Пан, пополнив поредевшую дружины. Но Иван Кольцо, как и во все прошлые годы, не признавал над собой чьей-либо власти и объявил себя «сверстником» Ермака, то есть атаманом, имеющим равные с ним права. Эти амбиции и погубили его в недалеком будущем. А пока все казаки жили сообща и занимались добычей на зиму рыбы и мяса зверей.

Следует заметить, что строгановский летописец взялся за перо, чтобы возвеличить своих хозяев, доказывая, что Ермак пошел в Сибирь по воле купцов. Они, мол, снабдили его всем необходимым, даже вотчинным войском и артиллерией. При этом, по словам летописца, Ермак с товарищами прожили в строгановских владениях «...два лета и месяца два», начиная с 28 июня 1579 г. и по 29 августа 1581 г., после чего ушли в Сибирь. Нет ничего удивительного в появлении такой записи. Из строгановского архива ему стали известны только две даты — время прихода Ермака в Чусовской городок и время ухода Кольцо в Сибирь — вот и посчитал он, что казаки пробыли в вотчине более двух лет. Ведь, боясь опалы, Строгановы в свое время всячески утаивали, что Ермак ушел в Сибирь из их вотчины, и потому это не было зафиксировано в каком-либо документе.

Итак, оставим это отступление и вернемся к изложению событий после занятия Искера.

Прослышиав, что в районе Абалака есть озеро, богатое рыбой, Богдан Брязга с 20-ю казаками отправился туда 5 декабря на промысел.

Абалакское озеро было излюбленным местом Кучума. В нем, вместе с малолетним сыном, любимцем Канаем, он в свободные от дел пятницы занимался ловлей на удочку рыбы, навещая в эти дни старшую жену Симбулаю. Тревожась за судьбу сына, в случае нападения Ермака на Абалак, Кучум отправил Симбулаю с Канаем в Бухару.

Появление на озере казаков разъярило хана, и он отправил туда Маметкула с уланами, чтобы перебить рыбаков. Спасти удалось только одному человеку, который принес в Искер трагическую весть. Тут же, по словам летописца, преследовать татар бросился на своей коннице атаман Никита Пан, но, попав в засаду, был убит.

В результате этих событий Ермак принял решение изгнать из Абалака татар. Сражение, которое произошло на Абалаке, было более упорным и жестоким, чем на Чувашском мысу. Потерпев поражение, Кучум сначала ушел на Тару, а затем перебрался кочевать в Барабинские степи.

Не занятие Искера, как принято считать, а победа на Абалаке окончательно утвердила завершение завоевания Сибирского царства.

В документах Посольского приказа, со слов Черкаса Александрова и его товарищей значилось в наказе 1585 года: «...сибирский царь Кучум убежал в поле», после чего Маметкул-царевич, собравшись с людьми, приходил в Сибирь «на государевы люди, и государевы люди тех всех татар, которые были с Маметкулом — больше десяти тысяч, — побили». Непонятно — зачем понадобилось столь значительное преувеличе-

ние о численности войска Кучума? Ведь хан оттягивал время для сражения, рассчитывая на пополнение сил после возвращения из Прикамья сына, царевича Алея, с отборными отрядами. Но люди царевича понесли большие потери и были утомлены переходами. По этому поводу Скрынников пишет: «Кучум дал воинам отдохнуть, прежде чем послал их с Маметкулом против Ермака». Если это так и было и произошло в декабре, то сразу напрашивается вопрос — могло ли войско Алея, напав на Пермский край 1сентября, уже в декабре того же года быть в Абалаке? Ведь сначала татары и vogулы погромили окрестности Соли-Камской, затем ушли еще дальше к Кай-городку, потом явились на Чусовую, откуда их прогнали казаки, после чего проделали еще 300 верст до Чердыни и пытались взять ее, но понесли большие потери и только тогда вынуждены были вернуться к перевалу. Сколько на это ушло времени? А сколько его потребовалось, чтобы преодолеть более 1000 верст — трудного обратного пути? Здравый смысл подсказывает, что Алей не участвовал в сражении на Абалаке: будь его нападение на Пермские земли в 1581 или 1582 гг. Он присоединился к Кучуму значительно позже. А мог ли Кучум после своего поражения и изгнания из Сибири направить остатки разбитого войска, чтобы штурмовать Чердынь? В это трудно поверить, как и в то, что Алей мог целый год пробыть в Пельме, дожидаясь 1 сентября. Учитывая также тот факт, что Маметкул был пленен 20 февраля 1582 года, напрашивается единственный вывод, что военная акция во главе с Алеем могла произойти только 1 сентября 1581 года. Кстати, упоминание о наказе 1585 года не только подтверждает время гибели Ермака в августе 1584 года, но и обратным отсчетом лишний раз подтверждает, что взятие Искера произошло в 1581 году.

Сражение на Абалаке было выиграно Ермаком, но оно нанесло и большой урон дружине. Будучи в Москве, в Посольском приказе, Иван Александров сказал, что войско Ермака состоит из 540 казаков. Не это ли количество оставшихся в живых людей после всех битв было им названо?

Несомненно, что Ермака одолевали мысли о сохранении результатов завоеваний, стоящих великих жертв. Невозможно было с горсткой казаков удержать власть в огромной стране, когда истощились запасы хлеба, пороха и свинца. Нужны были люди и помощь государства во всем, что требовалось для выживания и управления Сибирью. Была отброшена мечта о том, что «там сами царями будем». Поэтому Ермак стал готовить посольство в Москву.

То, что посольство возглавил Иван Кольцо, не выдерживает критики. Многие исторические документы называют другое имя — Ивана Грозы. Кольцо не участвовал в многомесячном походе и поэтому никак нельзя признать его приоритет по такому важному делу среди других атаманов. И Ермака это как бы принижало. Кроме того, посылка к царю атамана, приговоренного к виселице, выглядела бы непристойно.

Сомнительно также и то, что в декабре, практически сразу после битвы у Абалака, посольство выехало зимним путем через Чердынь, с заездом к Строгановым. Никаких веских свидетельств этому нет. Чердынский воевода не обошел бы такой факт и зафиксировал бы его отпиской в Москву. Но такой документ в Посольский приказ не поступал. Если принять на веру то, что посольство покинуло Искер 22 декабря, отправившись на нартах с татарским мурзой Ишбердеем, и тем же зимним путем вернулось из Москвы 1 марта, то можно только поражаться удивительной стремительности передвижения посланцев. Всего за два месяца и восемь дней они будто бы преодолели три тысячи верст, дважды перевалили через Уральские горы да еще побывали на приеме у царя, да еще участвовали в праздновании по поводу завоевания Сибири. Фантастика! На самом деле все было не так.

Посольство в Москву готовилось с особой тщательностью. Нужно было не только оповестить царя о победе над Кучумом, но и отобрать лучшие меха для царской казны, решить вопрос условий доставки в Москву трех знатных плененных мурз, отобрать нужное количество сопровождающих казаков, создать запасы продовольствия и подготовить надежные транспортные средства для дальнего пути. Не мог же Ермак рассчитывать на то, что посольство, заехав в Чердынь, далее получит беспрепятственный проезд по подорожной. Ермак не мог допустить такого сомнительного варианта. Он всегда рассчитывал только на собственные силы.

Пребывая в вотчинах Строгановых, Ермак знал, что приказчики купцов неоднократно ездили с товарами печорским путем в низовья Оби. По этому маршруту он и решил отправить экспедицию.

С наступлением лета, в июле 1582 года, посольство выехало в Москву.

Погодинская летопись довольно точно обозначила ее путь. «Доплыши по Иртишу реке вниз, и по великой Оби вниз же и через Камень прошли Собью же рекою в Пусто-озеро, тута ж шел казак Черкас Александров».

На трех стругах, во главе с атаманом Иваном Грозой ехали две станицы казаков по 25 человек. Одну возглавлял Черкас Александров, а вторую Савва Болдыря (их имена подтверждены записью в Чудовском монастыре).

Видимо, Ермак пошел на уступку амбициозному сверстнику Ивану Кольцо, включив в состав посольства станицу с его атаманом.

Таким образом, весь путь до Москвы казаки прошли на своих стругах.

Роспись их пути, указанного в Погодинском летописании, убедительно подтверждают выводы Р.Г. Скрынникова о том, что все прочие сведения о походе были почерпнуты летописцем из записей в Посольском приказе, к которому он имел доступ. Эти записи могли быть сделаны только на основании опроса Черкаса Александрова во время пребывания его в Москве. Поэтому достоверность целого ряда описанных событий не вызывает сомнений.

В то же время следует предположить, что рассказ Черкаса не был достоверен в главном вопросе — когда казаки ушли за Урал. Он узнал, что их считают виновниками, подтолкнувшими пельмцев и татар напасть на Чердынь и Пермь Великую, в результате вторжения в Сибирь. Видимо, поэтому, назвав имена при первом нападении — Аблыгерима, а при втором — царевича Алея, сына Кучума, Черкас сказал, что поход Ермака начался после второго набега. Тут опять сыграл роль «человеческий фактор».

Если бы не было предвзятости и вранья в Строгановской летописи, если бы не появлялись документы по ложным доносам или с опозданием, если бы сведения, полученные от казаков, не грешили сокрытием истины, чтобы не навредить себе, то и не было бы многовекового спора историков.

«Казачье написание» и речи ветеранов легли в основу ранних сибирских летописей. Хотя казаки и не помнили точных дат, но ясно представляли последовательность всех событий. Они знали, что Болховский прибыл в Сибирь до гибели Ермака, что воевода умер в дни зимнего голода, а затем погиб Иван Кольцо.

Спор о том, кто возглавлял посольство в Москву, снимает Венюков в «Описании Сибири»: царь «атамана Грозу Иванова с товарищи велел пожаловать и с ним свое государское жалованье в Тоболеск к атаману Ермаку с товарищи его послал, а воеводам своим великий государь указал готовиться зимним путем впредь по указу». Затем рассказывается о том, что посольство вернулось в Сибирь осенью. Так кто же вернулся осенью? Несомненно, это Черкас с воеводами. Дата 2 ноября 1583 года полностью совпадает с течением событий в Погодинском летописце. А Иван Гроза, как известно, вернулся с подарками 1 марта 1583 г.

Некоторые авторы необоснованно отождествляют это возвращение посольства с возвращением в Сибирь Черкаса Александрова, атамана

Матвея Мещеряка и оставшихся в живых казаков вместе с воеводой Сукиным после гибели Ермака.

В 1582 году, еще до ухода посольства в Москву, был совершен поход вниз по Иртышу для приведения в русское подданство местное население. Он длился с 5 марта по 29 мая. После оказанного в иных местах сопротивления казакам, ими были взяты городки: Артемзянский (татарские юрты), Туртайский (остяцкие юрты), Демьянский, Рачевский, Цингалинский (остяцкие юрты), Нарымский и Колпуховский (остяцкие юрты), а 20 мая городок князя Самара, который оказал яростное сопротивление и был убит. Вслед за тем туда явился остяцкий князь Алач, которому было поручено управление всем краем от Самарова до Сумгут-ваша, где в дальнейшем был построен город Березов. Непонятно почему этот поход приписывается пятидесятнику Богдану Брязге, в то время как его уже не было в живых. Более вероятно, что ходил вниз по Иртышу сам Ермак, так как летописец извещает, что в мае он ходил в поход вниз по Оби, чтобы покорить Кодское княжество. Вообще в сведениях об этих походах есть путаница. Получается так, что вниз по Иртышу второй поход следовал за первым, чтобы выйти на Обь в одно время, то есть в мае. Какая-то несуразица! Здравый смысл подсказывает, что все происходило по иному сценарию.

В марте реки были еще скованы льдами, и поэтому можно согласиться, что в поход казаки отправились на лыжах, о чем повествует летопись. В ней также говорится, что у устья Иртыша были изготовлены струги для возвращения в Искер, что в это же время к городку князя Самара прибыл князь Алач. Видимо, с этого момента Ермак изменяет свои планы, и вместо того, чтобы повернуть обратно, узнав о 13 городках Кодского княжества, принимает решение утвердить власть над ними и отправляется на стругах вниз по Оби.

Городки приходилось брать с боем. Кодское княжество было покорено и взят городок Казым. В этом походе Ермак потерял несколько лучших казаков и атамана Никиту Пана. Об этом свидетельствует И. В. Щеглов в «Хронологическом перечне важнейших данных из истории Сибири» (С. 40). Так когда же погиб Никита Пан — в войне с кодскими остяками или при преследовании Маметкула, устроившего побоище на Абалакском озере? На этот вопрос ответа нет, но зато ясно, что не Брязга участвовал в походе по Иртышу, а сам Ермак.

Вернувшись в Искер 20 июня, Ермак уже 1 июля отправился вверх по Тавде для покорения vogulov. Он взял городки: Лабутинский, Кошумки, Кондыrbай и Табары, собрав с жителей ясак, а на речке Паченке выдержал большое сражение.

Ермак предполагал, что царские воеводы появятся со стороны реки Тавды, и старался обезопасить этот путь.

10 сентября в Искер явился посланец от Караби с просьбою о помощи в войне против ногаев. После отхода от Кучума он жил в районе реки Тары. В то время Ермак еще не вернулся с Тавды. Он только 4 октября повернул обратно и поэтому не имел возможности отговорить Ивана Кольцо от сомнительного предприятия. Кольцо ушел на Тару, не подозревая злого умысла Караби, и был предательски убит со своими 40 казаками. Посланная затем разведка во главе с атаманом Яковом Михайловым бесследно исчезла. А атаман Савва Болдыря не мог прокинуть к Кольцу и избежал гибели, так как он в это время был в составе посольства в Москву.

10 мая 1583 года Черкас Александров и Савва Болдыря, которых задержали в Москве, выехали из столицы вместе с воеводою, князем

Семеном Болховским.

Несмотря на свой княжеский титул, Болховский не принадлежал к русской знати. Будучи выходцем из Литвы, он владел поместьями в Муроме и Ростове и служил царю по особому списку — «литва дворовая». Перед походом Болховский служил вторым воеводой в городке Курмыш на Волге. Разрядная запись повествует нам о том, что вместе с Болховским в Сибирь были направлены — голова Иван Киреев и Иван Васильевич Глухов.

К тому времени в Чердыне произошли перемены. Василия Пепелицина сменил

новый наместник Воин Оничков, а начальником воинских сил Пермского края назначили Глухова. Сборным местом военной экспедиции стала Пермь. Сюда головы привели стрельцов из разных городов, набрав 300 человек, а не 500, как это трактуется некоторыми историками. Указанное количество людей подтверждает царская грамота от 7 января 1584 года, в которой приказывается Строгановым выстроить 15 стругов под рать. Так как каждый струг делался на 20 человек, то несомненно, что в войске было три сотни стрельцов.

Некоторые авторы, взяв за основу датирование указанной грамоты, делают вывод, что воевода пришел в Сибирь после гибели Ермака. Но этот вывод, как уже говорилось, полностью опровергается погодинским летописцем. Да и трудно поверить, чтобы казаки сидели сложа руки и ждали, когда им построят струги. Поэтому следует считать, что названная грамота поступила в Пермь с большим опозданием. Экспедиция Болховского в это время уже прибыла в Искер. Это произошло 2 ноября 1583 года. А за 8 месяцев до этого был пленен Маметкул. Об этом сообщает нам «История Сибирская» Ремезова, в которой сказано, что 20 февраля 1583 г. в Искер явился Кучумов «ближний» мурза Сенбахта-Тагин и сообщил, что военачальник хана с небольшим отрядом стоит на реке Вагае, за сотню верст. Ермак тут же послал на Вагай 60 отобранных казаков. Они близ озера Куларовского напали ночью на стан, перебили большую часть татар, а Маметкула обезоружили, связали и доставили в Искер.

Маметкула держали под крепкой стражей до тех пор, пока не прибыли воеводы. Затем голова Иван Киреев и атаман Иван Гроза с отрядом казаков 21 ноября повезли знатного пленника в Москву. Теперь-то и можно предположить, что эта экспедиция воспользовалась помощью татарского мурзы с реки Тавды Ишбердея, поехав на нартах кратким лозвинским путем.

В будущем Маметкул служил России, возглавлял конницу, участвовал в походах против крымских татар.

Наступившая зима, 1583–1584 гг., была очень суровой. Морозы были ниже 40 градусов, а толщина снежного покрова доходила до двух метров, что не позволяло охотиться на крупного зверя, чтобы пополнять запасы продовольствия, которые истощались. К такому заключению приходят некоторые авторы. Воеводы прибыли в Искер,бросив на перевале не только струги, но и поклажу со съестными припасами. Голод и цинга стали нещадно косить людей, умерли почти все стрельцы и воевода Семен Болховский. Об этом повествует Строгановская летопись:

«Тоеже зимы, егда придоша Московстии вои в Сибирь к казакам, и кои запасы с собою привезоша и тии изъядоша, а казаци запас пасяху, сметяся по своим людям, а того не ведуще Московский силы людей пришествия к себе, и того ради бысть оскудение велие всяким запасам и многи от гладу изомраша Московстии вои и казаци, и воевода Семен Болховский тоже умре и положен бысть в то время в Сибири». Место Болховского занял Иван Глухов.

По этому поводу имеется очень интересное высказывание Словцова: «Кажется, что Ермак, отправив в Москву с донесением о покорении Сибирского царства и с богатым приношением даней, желал присылки войска, а не смены себе. Ибо, когда кн. Болховский от царя прибыл в Искер с преимуществами власти, Ермак перестает действовать, не заботится о продовольствии прибывших казаков, умирающих от голода и цынги, пока не скончался воевода Болховский. Тогда Ермак опять начинает принимать известные ему меры и средства к обеспечению здоровья команды. Чему это приписать? Ошибке ли воеводы, или оскорбленному честолюбию Ермака?» (Словцов, Истор. обозр. Сибири. Т. 1. С. 26). Приведя это примечание, И.В. Щеглов говорит от себя: «вернее будет это приписать последнему, т.е. оскорбленному честолюбию Ермака, который, «за пролитие крови», рассчитывал, вероятно, получить что-нибудь большее.

Чем же наградил царь Ермака? Ему были посланы подарки; дорогая шуба с царского плеча, серебряный под золотом ковш, два дорогих панциря и 100 рублей денег. Вот и вся награда за завоевание целого царства! При этом было приказано: «а Ермаку быть в Москве». Конечно, атаман вольных казаков не выполнил этот приказ.

Посланцы к царю устно высказали единственную просьбу Ермака — прислать войско. Однако советники царя не потрудились прояснить точное положение дел в Сибири, не посчитали, что требуется закрепить «сибирское взятие» с помощью больших военных усилий, используя отборные войска, высвободившиеся после прекращения войны со Швецией в 1583 году. Бояре и дьяки, сидевшие в Разрядном приказе, ограничились только теми мерами, о которых уже было сказано, т.е. посылкой Болховского со сборными тремя сотнями стрельцов. Несомненно, что именно это послужило причиной трагедии, приведшей к гибели Ермака и временной потере Сибири.

Пожалуй, самой главной причиной голода в Искере явилось то, что прекратился подвоз продовольствия дружественными племенами, а сборщиков ясака Ермака всюду подстерегали и уничтожали люди Карачи. Это входило в его план разгрома русских сил в Сибири.

Поэтому нельзя Болховского целиком считать виновником голода, нельзя согласиться и с тем, что суровая зима не позволила казакам охотиться. Для них морозные и снежные зимы уже были привычны, у них были лыжи, а кроме крупного зверя, леса были изобильны зайцами. Кроме того, мороз не мог помешать подледному лову рыбы.

Только жестокая блокада не позволяла казакам и стрельцам обеспечить себя продовольствием. Караван отрезал путь и к населению Сибири, и к промысловым угодьям.

С наступлением весны, когда Караван был уверен, что русские достаточно изнурены голодом, он обложил Искер обозами, рассчитывая осадой заставить их сдаться. Осада длилась более месяца. Сам Караван пребывал в Саусканских юртах, в 7 верстах от Искера. Когда провалились попытки казаков прорвать кольцо окружения, намного превышающего по численности силы казаков, Ермак решил поступить по-иному.

9 мая атаман Матвей Мещеряк, подбрав наиболее крепких казаков, незаметно под покровом ночи вышел из Искера, прокралясь мимо татарских обозов и напал на стан Каравана в Саускане. Стражи были перебита, но сам Караван сбежал, оставив убитыми двух сыновей. Татары, бросив обозы, помчались к Саусканам. Этого и ждал Ермак. Он занял позицию под прикрытием обозов и ударили по противнику с тыла из пищалей. Татары оказались между двух огней. Они пытались смять казаков и прорваться к крепости, но получали дружный огневой отпор. А с другой стороны по ним били казаки Мещеряка. Потеряв много людей, Караван ушел «восвояси с срамом».

Весть о победе Ермака быстро достигла всех улусов. В Искере снова потянулись подводы с продовольствием. По мартовскому снежному насту казаки ходили на лыжах в лес и возвращались с добычей, а на реке шел подледный лов. Воздух в Искере наполнился запахами свежего мяса и рыбы. Голод прекратился.

В летописях называется разное количество оставшихся в живых казаков и стрельцов — 90, 150 и 300 человек. Наиболее реальная из них последняя, так как вскоре в поход с Ермаком отправилось 150 казаков, а с остальным гарнизоном в Искере остались голова Иван Глухов и атаман Матвей Мещеряк.

Осада Искера показала, что основная опасность угрожает с юга. Туда убежал Караван, там кочевал Кучум. Поэтому военная экспедиция отправилась вверх по Иртышу.

Первое сражение произошло через 100 верст у городка татарского князька Бегиша. В его достаточно большом войске были и люди Каравана.

Татары укрепились на возвышенном месте, но казаки были настолько ожесточены, что молниеносным броском взяли эту высоту и перебили всех, кто не успел убежать. Однако в городке казаки не причинили никаких обид женщинам и детям.

Без сопротивления взяты были Ермаком городки: Шамшу, Рянчик, Салы и Каурдак. Далее был городок Тебенда, принадлежащий татарскому князю Елыгайу. Узнав от слуг о приближении Ермака, Елыгай сам вышел ему навстречу в лучшем платье и преподнес атаману богатые подарки.

Старый князь вел свой род от ишимского хана Саргачика и считал себя знатнее Кучума, которого презирал как пришельца и узурпатора местных татар. Кучум хотел привлечь Елыгая на свою сторону и предлагал отдать дочь в жены своему сыну, но князь не пожелал породниться с ханом. Поэтому вызывает удивление тот факт, что Елыгай сам привел к Ермаку свою красавицу дочь. Что послужило причиной столь прекрасного дара — великое уважение к атаману или желание оградить дочь от ухаживания казаков? Чтобы там ни было, но Ермак отказался принять этот дар, что не нарушило дружелюбия хозяина.

При устье реки Ишим на лагерь казаков напал отряд татар. Казаки победили в рукопашной схватке, но потеряли убитыми пять человек. Это нападение наводит на мысль о том, что Кучум не упускал из поля зрения отряд Ермака.

Похоронив убитых товарищей, отряд продолжил путь и достиг бывшего сторожевого городка Кучума в местечке Кулары. Городок был настолько хорошо укреплен, что пятидневная попытка взять его приступом не принесла успеха. Сняв осаду, казаки двинулись дальше до города Ташаткан. Его жители участвовали в сражении у Чувашского мыса и, не желая кровопролития, сдались без боя. Вскоре отряд дошел до татарских Шиштамакских юрт у устья реки Шиша. Здесь приютились часть побитых карачинцев и татар, бежавших из казацкого плена. Они не пытались оказать сопротивления, находясь в крайней бедности из-за набегов ногаев. Ермак не потребовал от них ясака и даже отказался от подарков. Отсюда отряд повернул обратно, так как далее лежали бескрайние степи. Здесь же Ермак получил провокационное известие, что где-то на реке Вагай хан Кучум задержал торговый караван, идущий из Бухары в Искер.

По рассказам Ермак знал, что ранее была оживленная торговля с купцами Бухары, которые в обмен на меха привозили многие необходимые товары. Ему показалась правдоподобной такая информация, и

он, отпустив часть казаков в Искер с собранным ясаком, сам с сотней казаков поспешил к указанному месту. Он хотел раз и навсегда покончить с Кучумом, а получилось все наоборот.

Кучум не зря заманил казаков на Вагай. Эта река была мелководная, и ее во многих местах можно было перейти вброд на конях. Хан внимательно следил за продвижением стругов, выставив на их пути разведчиков под видом рыбаков или охотников, выжидая удобного момента для нападения.

Поднявшись вверх по Вагаю до урочища Атбаш, не найдя ни купцов, ни кучумовцев, Ермак прекратил поиски и повернул обратно. Быть может, все и обошлось бы без трагедии, если бы во время пути не разразилась буря к вечеру 5 августа. Тогда решено было сделать привал на небольшом островке между главным руслом и старицей. Казаки высадились на берег, поставили шатры, разожгли костры, поужинали и улеглись спать, выставив караулы.

Кучум, наблюдая за лагерем казаков со стороны, дождался глубокой ночи и, когда погасли костры, послал разведку. Вот как летописец передает подробности происходящего, пересказанные историком Д.И. Копыловым:

«Был у Кучума воин, приговоренный к смерти. Хан приказал ему переправиться на остров и доставить точные сведения о стане Ермака, пообещав за это помилование. Смертник переправился через реку, осмотрел спящий лагерь и, возвратившись, сообщил обо всем Кучуму. Но тот не поверил рассказу и велел вторично переправиться в русский лагерь и для большей верности принести что-нибудь оттуда. Разведчик выполнил приказ и доставил Кучуму 3 пищали и 3 лядунки с порохом.

Хан решил больше не медлить и приступить к переправе. Под плотной завесой дождя татары вступили на остров, никем не замеченные, и окружили лагерь. Сам Кучум остался на берегу: Ермак даже спящим казался ему опасным. В первый же миг был уничтожен спящий караул, Словно призраки сновали кучумовцы меж казацких шатров, душили и кололи спящих людей. Шатер Ермака стоял в центре лагеря, и туда устремилась большая группа татар. Атаман очнулся от сна, когда отряд почти весь был уже уничтожен. С горсткой уцелевших воинов он стал отходить к берегу, где стояли струги. Дождь вывел из строя фитильные ружья. Ермак с товарищами саблями прорубали дорогу через массу разъяренных врагов. Уж близок был спасительный берег, когда пал последний казак и Ермак остался один. Истекая кровью, он бросился к берегу и прыгнул в ближайший струг, но, как говорят летописи, оступился

и пошел ко дну, «понеже одеян бе железом в пансыре тягче». Только несколько казаков уцелело в этой битве. Возможно, они несли вахту на стругах и, увидев гибель атамана и всей дружины, под покровом темноты скрылись от преследования. Так погиб атаман Ермак».

Интересно, кто придумал эту сказку-выдумку, попавшую в летописи? Кто мог допустить массу нелепостей в своих рассказнях? Казаки никогда не разбивали стан вдали от берега, их шатры никогда не опоясывали шатер Ермака. Ненарушенным было правило всегда ставить шатры у уреза воды, рядом со стругами, чтобы в случае нападения быстро вскочить в них и отплыть. А тут шла жестокая схватка с врагом, чтобы прорваться к берегу. Не могли татары окружить лагерь, а напасть могли только со стороны старицы, то есть с той стороны, где был расставлен караул. В большинстве случаев Ермак лично расставлял по нескольку караулов. И не могли все эти казаки до единого уснуть. Они попали под первый удар врага, но не могло случиться так, чтобы никто из них не подал сигнала. Не из русских «сказок», а из рассказов татар стало известно, что казаки успели попрыгать в струги, что Ермак, прикрывая их отход, не сумел попасть в струг и утонул. Татары видели это, но, чтобы лишний раз убедиться, осмотрели десять трупов, оставшихся на берегу.

Кучум велел своим людям пройти днем с баграми в поисках тела Ермака. Но тогда оно не было найдено, так как его унесло течением. Только 13 августа в 12 верстах выше Абалака татарин Яныш, ловя рыбу, заметил в воде два сафьяновых сапога, вытащил утопленника на берег и позвал мурзу Кайдулу. По дорогим панцирям узнали они Ермака. С этого дня он стал предметом рассказней о чудесах и рождения легенд, увековечивающих его имя в среде сибирских народов. Из уст в уста передавалось, что тело Ермака нетленно, что из ран живицей струится алая кровь, что вороны облетают его стороной и прочее.

Кучум со своей знатью прибыл к трупу атамана, который лежал на помосте. Все хотели видеть бездыханного русского богатыря и вонзить в него стрелу. Этим выказывалось особое почтение к мертвому врагу.

Историк С.В. Бахрушин обнаружил в делах Сибирского приказа документы, подтверждающие летописания о панцирях Ермака. Один панцирь еще в 1658 г. находился у наследников мурзы Кайдулы. По описанию, он выглядел следующим образом: «приметы де длинен и около грудей напереди кольца часты, напереди ж ниже пояса прострелено, испорчено одно кольцо». Это описание наводит на мысль о том, что в битве на Вагае Ермак был ранен копьем или стрелой в живот.

Другой панцирь достался остыцкому князю Алачу, ставленнику Ермака в Кодском княжестве. Алач сначала поместил панцирь в святылище Белогорье, но потом забрал, опасаясь, что его украдут. В последующем панцирь перешел к наследнику, сыну Игичею Алачеву, служившему России в военных походах против бунтующих vogulов и селькупов. По тем временам у Игичея было значительное войско, 200 воинов.

При дележе между татарами вещей Ермака, князь Сеид-Ахмат взял себе каftан атамана, а Каrача саблю с поясом. Татарами руководила при этом не алчность, а вера в то, что любая вещь Ермака принесет им победу в войне, т.е. вроде амулета.

Труп Ермака долго лежал без погребения, наводя страх кошмарными снами на Сеид-Ахмата, и он приказал похоронить его на кладбище рядом со знатными шейхами.

Гибель Ермака подействовала на казаков и стрельцов удручающе. Они решили, что теперь не смогут удержать в руках Сибирь, имея достаточно воинов. По совету казачьего круга Матвей Мещеряк и Иван Глухов утром 15 августа 1584 года покинули Искер. Черкас Александров и Савва Болдыря указывали уже известный им путь. Казаки спустились на стругах вниз по Иртышу и старинным Печорским путем вернулись в Россию.

Второе «сибирское взятие»

БМоскве считали, что война в Сибири закончена. Там до зимы 1584–1585 гг., до прибытия Глухова и Мещеряка, не могли знать ни о судьбе Болховского, ни о гибели Ермака, так как последняя посылка в Москву состоялась 21 ноября 1583 года. Атаман Иван Гроза и стрелецкий голова Киреев повезли в Москву плененного военачальника татар Маметкула, когда в Искере еще не было голода, а Болховский был жив. Учитывая трудности зимнего пути, посланцы могли прибыть в столицу не ранее конца февраля — начала марта, то есть перед самой кончиной царя Ивана Грозного, которая случилась 16 марта 1584 года.

Весть о катастрофе, постигшей воеводу Болховского, и о гибели Ермака, грозила Глухову и казакам опалой. Их спасло только то, что после смерти отца царский престол занял безвольный Федор Иоаннович. В то же время Мансуров с сотнею казаков и пушкою уже был в пути, направляясь занять место воеводы Сибири. В противном случае, если бы трагическая весть поступила раньше, с Мансуровым отправили бы казаков Мещеряка. Да и войско, наверное, увеличили бы.

Об этом событии говорится в хронологическом перечне И. В. Щеглова: «Царем Федором Ивановичем, еще не имевшим известий о последних событиях в завоеванном kraе, отправлен в Сибирь новый воевода Иван Мансуров с сотнею казаков и пушкою». Но следует оговориться, что указанный Щегловым 1585 год требует уточнения, если автор имеет в

виду время выступления воеводы в поход. Если же этот год означает появление Мансурова в Сибири, то тогда все сходится и соответствует году его зимовки на Оби в 1586 году.

В те времена европейская буржуазия предпринимала алчные попытки захвата северного морского побережья России. Английские купцы старались добиться в Москве права захода кораблей в устья Печоры и Оби. В 1583 году послу королевы Елизаветы Боусу было отказано в таком праве на том основании, что Обь очень далеко от Москвы, пристаней там нет и вообще иностранцев туда пускать нельзя, так как это может подорвать государеву монополию на пушнину и лишить казну доходов (Сборник Русского исторического общества. Т. 38. С. 90–91.).

В 1584 году англичанин Марш, не имея разрешения правительства России, организовал экспедицию в низовья Оби сушей при содействии русского промышленника по имени Богдан. Экспедиция была задержана, а промышленник строго наказан. Богдан был подвергнут порке плетьми и посажен в тюрьму, а соболи меха конфисковали в казну.

Пока продолжалась сибирская экспедиция Ермака, западно-европейские мореплаватели неоднократно совершали попытки освоить морские пути в устье Оби. Но добиться желаемого результата никому из них не удалось.

Посылая с Мансуровым сотню стрельцов, дьяки в Разрядном приказе были уверены, что это вполне достаточная прибавка к людям Болховского и Ермака, чтобы удерживать установленную власть в Сибири. Но они также считали, что на воеводстве должен быть более знатный человек, нежели князь из «литвы дворовой». Род Ивана Алексеевича Мансурова был хорошо известен царскому двору. Двое Мансуровых служили постельничими в Думе, а Иван Алексеевич нес службу с небольшого поместья в качестве выборного дворянина из Мещевска. Затем, после его участия в войне, он был назначен «в дозор для стрельцов» при особе царя.

Скрынников считает, что, посыпая Мансурова в Сибирь, в Москве уже знали о смерти Болховского и потому с новым воеводой направили 700 стрельцов. Болховский умер весной 1584 г., и непонятно, кто мог успеть сообщить об этом правительству, кроме Глухова. Тогда он знал бы и о гибели Ермака. Но все документы повествуют о том, что Мансуров был удивлен, застав в Искере татар, и поражен случившейся катастрофой. И возникает вопрос, почему, имея 700 воинов и пушки, он не решился на штурм и проплыл мимо, чтобы вернуться в Россию? Скрынников пишет: «После многократных поражений от казаков татары едва

ли могли бы выдержать атаку со стороны многочисленного стрелецкого отряда. Но Мансуров так и не решился пустить в ход свои пушки», и далее как бы оправдывает его: «Известие о смерти Ермака произвело на него тягостное впечатление».

Строгановская летопись (по списку Спасского) излагает другую версию. Атаман Мещеряк и голова Глухов возвращались на родину той же дорогой, которой казаки пришли в Сибирь, и в пути встретились с русским отрядом в 100 человек под командой воеводы Ивана Мансурова. Оба отряда объединились и пошли к Иртышу, чтобы занять Искер. Но там уже были татары Алея. Отряды прошли мимо и зазимовали на Оби.

Эта версия также «шита белыми нитками», хотя Д.И. Копылов считает ее вероятною, как и другие версии. Но даже с этим нельзя согласиться. Известно, что Мансуров был у Искера глубокой осенью 1585 года и потому, выйдя на Обь, он у Белых гор, на правом берегу против устья Иртыша, устроил укрепленный городок, названный в Книге большого чертежа Городком Обским Большим, который оставил весной 1586 г., и вернулся в Россию Печорским путем, т.е. через 2 года после того, как Искер покинули казаки. Интересно при этом уяснить — каким был Обский городок? Мог ли он вместить 700 человек, как повествует Скрынников? Семен Ремезов назвал его Большим, не исходя из размеров, а потому, что он был поставлен у большой протоки, ведущей к Белогорскому святилищу. Известно также, что по царскому указу от 19 февраля 1594 г. городок Обский был разрушен и сожжен, а его малочисленный гарнизон отдан воеводам Борятинскому и Оничкову для строительства с последующей службой в городе Сургуте. Примечательно также замечание Миллера, что в одной из грамот 1610 г. упоминается стоящий на устье реки Иртыша Муалымский городок, тождественный городку Мансурова.

Получается, что речь идет о разных городках, но нигде не упоминается о том, что он мог вместить несколько сотен людей. Да и построить столь большой городок вряд ли удалось бы, в документах говорится только об укрепленной зимней стоянке. Нельзя забывать и о том, что для прокорма целой армии потребовались бы большие запасы продовольствия, которые стрельцы взяли бы с собой. Но ведь к этому времени отряд уже проделал полугодовой марш, и не могло случиться так, чтобы его запасы не истощились. Каким же образом Мансурову удалось пережить зиму и избежать голода? Этому есть объяснение. С самого начала городок подвергся нападению остыцкого князя Лугуя, владевшего

вниз по Оби рядом городков: Куновата, Ильчмы, Ляпина, Юила, Мункоса и Сумгут-ваша (ныне город Березов). Однако выстрелом из пушки Мансуров разогнал остыаков. После этого они пришли с миром и стали снабжать отряд продовольствием. Если бы у Мансурова было не 100, а 700 человек, смогли бы они прокормить такую ораву?

Князь Лугуй, боясь разгрома своих городков, тут же отправился в Москву и прибыл туда зимою 1585–1586 гг. Не возвращение Глухова, а его приезд коренным образом повлиял на дальнейшие решения правительства. В Москве поняли, что еще не все потеряно, что Сибирь можно вернуть.

Остяцкого князя, проявившего покорность, царь Федор Иванович пожаловал и дал Лугую свою царскую грамоту. Этой грамотой запрещалось ратным людям с князьца Лугуя и с его людей требовать дань или какие-либо подарки, но сам Лугуй обязывался дань — семь сороков соболей — привозить на реку Вымь.

При этом обстоятельство не могло правительство не догадаться, что инцидент с остяками связан с Мансуровым, который возвращается на Русь.

Поэтому ошибочно следующее заявление И.В. Щеглова: «После того как от прибывшего в Москву Глухова стало известным печальное положение дел в Сибири, и в то же время ничего не было известно о действиях Мансурова, царь отправил в Сибирь рать из 300 человек, стрельцов и казаков, под начальством двух воевод: Василия Борисовича Сукина и Ивана Мясного». Это свершилось весною 1586 года, когда Мансуров только покинул зимнюю стоянку. Глухов наверняка обрисовал в черных тонах положение дел в Сибири, дабы оправдать свое бегство. Поэтому и правительство долгое время проявляло нерешительность в посылке туда войска.

Разрядный приказ не мог направить в Сибирь опытных воевод. Готовилась рать для войны со шведами, польский король Стефан Баторий формировал 40-тысячную армию для нового вторжения в Россию, русские рати шли к южным границам, которым угрожали ногайцы и крымцы. Но от Сибири правительство не могло отказаться. Решено было заново завоевать ее последовательными действиями, кои применялись при взятии Казани и Астрахани. Для начала требовалось закрепиться на Туре.

Во главе отряда поставили человека знатного, племянника боярина, но совсем молодого и не имевшего военного опыта, Василия Борисовича Сукина. В последние годы жизни Ивана Грозного Сукин служил стрелецким головой в Кремле. Зато в помощники ему назначили быва-

лого военного команда Ивана Мясного. Вместе с воеводами возвращались в Сибирь Черкас Александров и Матвей Мещеряк с казаками.

29 июня 1586 года отряд вышел к месту на Туре, где располагалась древняя татарская столица Чинги-Тура, и на возвышенном берегу близ устья Тюменки построил Тюменский острог. Обосновавшись здесь, воеводы занялись распространением русской власти на окрестных инородцев, живших по рекам Туре, Пышме, Тавде и Тоболу. В этом большую помощь им оказал бывший вассал Кучума мурза Майтмаса, участвовавший и в основании города Тюмени. По всей вероятности, он прибыл вместе с отрядом, так как еще при Ермаке был пленен и отправлен в Москву.

Удивление вызывают высказывания о том, что, спустившись по Тавде до Тобола, Сукин и Мясной были в нерешительности — идти ли на Искервойной или не идти? Будто бы убоявшись, что им не справиться с татарами, засевшими в столице Кучума, они по собственной инициативе ушли на Туре. Это утверждение даже не требует критики. Военная экспедиция была направлена для основания города Тюмени. Там были более благоприятные условия создания базового города, для осуществления основной цели — завоевания Сибири. Там татарские улусы не тяготели к ханской власти, там не было главной проблемы — обеспечение войска продовольствием. Во всех улусах люди занимались скотоводством, имели пашни, выращивая ячмень, рожь и овес.

Появление русского войска на Туре подтолкнуло к активным действиям купцов и солепромышленников Строгановых. Они считали, что имеют полное основание на присвоение земель в Сибири, опираясь на царскую грамоту Ивана Грозного, давшего им право ставить городки по Тоболу «и кои в Тобол-реку озера падут и до вершин». К тому же им была дана льгота до 1594 года на будущие сибирские владения. При этом они ссылались на то, что затратили много средств, снаряжая экспедицию Ермака.

Погубила Строгановых алчность. Как только пало Сибирское царство, они тут же стали приводить к шерти инородцев на Каме, Чусовой, Усве, Сылве, Яйве, Обви, Косве, Инве и других реках, а также послали своих сборщиков дани за Урал, чтобы взять под контроль земли сибирских татар.

В конце концов, это вызвало негодование в Москве. Борис Годунов, который ранее покровительствовал купцам, отвернулся от них, и указом царя Федора Ивановича отстранил Строгановых от ясачного сбора. Но не только они попали в опалу, а и те, кто позволил им воспользово-

ваться устаревшей царской грамотой. Василий Сукин и Иван Мясной были взяты под стражу приставом.

Начав политику возвращения Сибири, завоеванной Ермаком, правительство сделало следующий шаг — направило новое войско в 500 человек под командой головы Данилы Чулкова, поручив ему поставить новый город в устье Тобола.

После гибели Ермака и ухода казаков с Глуховым и Мещеряком, события в Сибири разворачивались следующим образом. Хан Кучум не вернулся в Искер, а продолжал кочевать в Барабинских степях, где чувствовал себя в полной безопасности, где перед приходом в Сибирь вместе с отцом Муртазой и старшим братом Ахмед-гиреем готовился к свержению Едигера и Бекбулата, правителей Сибири и данников Руси. Он знал, что эмир Бухары не может простить ему потерю Сибири и благосклонно относится к готовности сына Бекбулата и племянника Едигера Сейд-Ахмата, собравшего уже многочисленное войско для похода на Искер, водрузиться на сибирский престол. Поэтому Кучум предоставил право сыну Алей занять свою бывшую столицу. Но Алей не смог ее удержать при штурме Сейд-Ахматом, или Сейдяком, как его называли русские. При этом есть две версии — по одной царевич попал в плен, а по другой — бежал. Последняя не вызывает сомнения, так как есть свидетельства, что Алей был пленен русскими в более позднее время, а до этого, по поручению Кучума, забрал людей из самого большого улуса на Иртыше у ногайского мурзы Авлия Мурзина, чем вызвал гнев эмира Бухары Абдуллы, приказавшего вернуть улус мурзе и вместе с ним воевать против русских. Но затевать большую войну хан был не в состоянии. Как только на арене появился Сейдяк из рода тайбугинов, мурзы из этого же рода сразу присоединились к нему, и одним из первых был Кайдула, которому достался панцирь Ермака.

В 1587 году, в 15 верстах от Искера, Чулков поставил город Тобольск на правом берегу Иртыша, при слиянии его с Тоболом. Однако вскоре город был перенесен на мыс нагорного берега Иртыша, и одновременно была срублена деревянная церковь.

Появление рядом города русских очень встревожило нового правителя Сибири, который считал войну неизбежной и готовился к ней. Он вступил в союз с казахским ханом Тевкелем, своим тестем, и привлек на свою сторону Караку, бывшего визиря Кучума, располагающего войском в 500 человек. Считая себя достаточно подготовленным для наступательных действий, имея численное превосходство воинов, Сейдяк предложил русским провести переговоры о мире и торговле. Оставив в

засаде несколько сот воинов, он вместе с Карачей и Ураз-Мухамедом пришел к стенам Тобольска с сотней человек. Чулков предугадал замыслы хитрых татар, но с видом гостеприимного хозяина пригласил пришедших к столу в воеводских хоромах. Сотню воинов также впустили в крепость, но без оружия.

Мирного застолья, сопровождающегося большим количеством хмельного пития, не получилось. Сейдяк стал упрекать воеводу за незаконно построенный город на его земле. Началась перебранка. В то же время казаки, взирая на ненавистного врага Карабчу, предательски убившего атамана Кольцо с товарищами, разъярились, набросились и связали именитых гостей, а татар почти всех перебили. После этого молниеносным броском они ударили по сидящему в засаде врагу. Схватка с пре-восходящими силами противника была жестокой, но сражение было выиграно, татары не выдержали яростного натиска и ударились в бегство. Однако в этом бою погиб великий атаман Матвей Мещеряк, последний из плеяды Ермака.

Без дальнейших боев татары оставили Искер. Часть из них ушла в степи к Кучуму, а остальные разбрелись по улусам. С тех пор опустевшая столица Сибирского царства дряхлела, пока ее вместе с мысом не смели воды Иртыша.

10 сентября 1588 г. именитые пленники были отправлены в Москву.

Первый воевода Тобольска Данила Чулков не заслужил благодарности правительства за свои немаловажные деяния. В 1589 г. он был снят с воеводства и угодил в тюрьму. За что? Есть предположение, что опять-таки из-за купцов Строгановых, из-за соболиной казны.

Следует заметить, что и в последующем правительство унижительно относилось ко всем воеводам Сибири, меняя их через каждые два года, обязывая сменщиков обыскивать личные вещи отбывающих, а все, что найдут, даже приобретенное за свои деньги или в качестве подарка, переписывать и забирать в царскую казну. И это делалось, несмотря на то, что ежегодно в казну доставлялось 200000 соболей, 10000 лисиц черных и 500000 белок, кроме бобров и горностаев, как повествует об этом Карамзин.

За особые заслуги мог наградить «великим жалованьем» только сам царь, пригласив избранника к своему столу.

После окончательного падения Сибирского ханства, Кучум уже не представлял былой опасности. Он ограничивался только набегами на улусы, чтобы отомстить отошедшему от него татарам. В ответ воеводы организовывали против него походы. При стычках хан неоднократно

терпел поражения и спасался бегством. Казак Гаврила Иванов в 1623 году в челобитной писал, что служил России 42 года, с тех пор как «с Ермаком Сибирь взяли и Кучума царя с куреня сбили, ходил с воеводой Андреем Войковым (1598 г. — *O.P.*) в поход на Обь против Кучума, бился с татарами Алея и брал последнего в плен». В этой битве, которая состоялась 20 августа, в бою пали 6 князей, 10 мурз, 150 служилых людей, 100 татар утонули в Оби, 50 были взяты в плен и повешены. В плен были взяты 5 сыновей Кучума, 8 ханских жен, 8 дочерей, 2 невестки с 5 внуками и внучками хана. Самому Кучуму удалось скрыться. Есть две версии его гибели. По одной — он бежал к калмыкам, где был убит по приказу эмира Бухары, по другой — он искал приюта у ногаев, которые его и убили.

Основными противниками русских после падения Искера были — Пелымское княжество и Пегая Орда.

Как предполагает Миллер, в 1590 г. воеводою Иваном Григорьевичем Нагим был покорен существующий город Лозвинский, на реке Лозве, который открывал путь в Сибирь. Он шел через Чердынь вверх по реке Вишере и через Югорские горы на реку Лозву, впадающую в Тавду, а по Тавде вниз до реки Тобола и до Иртыша. В этом городе было устроено плотбище и пристань для постройки судов, на пути из Москвы в Сибирь и обратно. Кроме того, с этого времени был перекрыт путь пелымцам, делающим набеги на Пермские земли. Этим путем в Сибирь осуществлялись походы Мансурова, Сукина и Чулкова. Видимо, через этот же перевал Ишбердэй сопровождал Киреева и Ивана Грозу в Москву с пленником Маметкулом.

Однако пелымский князь Аблегерим не желал признавать себя данником царя и совершал нападения на русских людей. Инородцы, жившие в верховьях реки Конды и на реке Пелым, отстаивали свою независимость, скрываясь в местах, далеко отстоящих от центров русской власти. Поэтому в Москве решили, что необходимо построить при реке Тавде не только крепость, но и большой город, из которого будет удобно держать в повиновении верхнекондинских и пелымских vogulov.

В начале июля 1592 г. в Пермь прибыл князь Петр Иванович Горчаков в качестве первого воеводы будущего нового города для организации экспедиции на Пелым. Вторым воеводой был назначен воевода крепости Чердыни Никифор Васильевич Троханиотов, которого сменил Василий Петрович Головин. Такая перестановка была не случайной, так как Троханиотов лучше других разбирался в обстановке в Приуралье и за Уральскими горами. К тому же он был в курсе возможностей

купцов Строгановых по снабжению экспедиции людьми и всем необходимым для выполнения задачи.

Пользуясь царской грамотой Максиму и Никите Строгановым о подборе в своих вотчинах 100 человек ратных людей, которых наказывалось снабдить военными и съестными запасами и отправить в Пермь Великую для предстоящей экспедиции, Троханиотов с лихвой укомплектовал будущее население города, взяв с собой: десять человек боярских людей, 50 конных казаков, 100 пеших ратных людей, 11 семейств ссыльных, 40 семейств крестьян, ссыльного попа угличского и дьякона из Ростова.

В 1593 г. этими людьми был заложен новый город около устья реки Пельмки и назван Пельмом, хотя в царском наказе Петру Горчакову указывалось местечко ниже по реке на 120 верст у татарского городка Таборы. Но отсюда было бы сложнее выполнить другое предписание наказа: «А укрепясь, промышлять, чтобы приманить пельмского князя Аблегерима, да сына его большого Тагая, да племянников его, да внучат и лучших людей его пять, шесть, которые самые пушие, от которых смута была, казнить, а меньшаго сына с женою и детьми Микифору взять с собой в Тобольский город, а черных людей всех обласкать и обнадежить, чтобы жили по своим юртам, платили ясак и приходили в город, ничего не опасаясь».

Некоторые косвенные сведения из документов тех времен дают основание полагать, что Горчаковым был выполнен наказ государя. Во всяком случае, в дальнейшем имя Аблегерима уже не появляется в царских указах и отписках воевод.

Единственным, серьезным противником, после укрощения пельмцев, осталась Пегая Орда. Так называли воинственных селькупов. Пегими их прозвали остыки, что означало — чужие люди. Еще русские их называли нарымцами, так как обитали они в районе Нарыма, то есть болот. Аналогично район, где был поставлен город Сургут, назывался Сургутом, что означало — рыбное место.

Основной мерой установления русской власти в Нарыме было основание города Сургута, так как из далекого Тобольска привести к повиновению и обложить данью селькупов не представлялось возможным.

В обширной области верховьев Оби, отстоящей от г. Сургута на 600 верст, властвовали два князя — Воня и Кичей. Их сборное войско состояло из 400 человек, что по тем временам считалось довольно значительным. Княжество Вони объединяло население по побережьям Оби с впадающими в нее реками: Вах, Тым, часть Васюгана и Парабель. А

князю Кичею принадлежало побережье Оби с двух сторон, река Кеть с тремя устьями и также часть реки Васюган. Да еще река Чулым.

Со дня основания города Сургута каждый указ правительства обязывал воевод покорить Пегую Орду и обложить ее жителей ясаком. Но, не имея достаточной численности ратных людей, воеводы не решались на военные действия. Только через три года, когда в Москве стало известно, что князь Воня «сыскался» с ханом Кучумом, чтобы напасть на Сургут, правительство издало указ о помощи Сургуту людьми из Тобольска и Березова, а из других городов России прислало пополнение в 112 человек. Однако в это время в Березове случился бунт остыков князьца Лугуева, а в Тобольском городе готовилась экспедиция против Кучума во главе с тарским воеводой Андреем Воейковым. Поэтому в Сургут пришли люди только из Березова: Игичей Алачев с сотнею остыков, два атамана, Иван Пеший и Истома Аргунов, с семью десятком казаков и пушкари с пятью пушками.

Занимательна причина бунта в Березове. Остыки восстали, когда воевода Троханиотов отобрал у князьца Лугуева девку. Эту «девку», а она была дочерью vogульского князя с реки Конда, пленил князь Игичей, усмиряя vogулов, не пожелавших платить ясак. Троханиотов отобрал у него плениницу и отдал ее Лугуеву. Тогда Игичей обратился с челобитной к царю, жалуясь на несправедливость воеводы. Царь отреагировал на эту жалобу, обязав Троханиотова вернуть девку Игичею. Довольный своей победой, он прибыл на помощь Сургуту. А бунт Лугуева был подавлен соратником Ермака Черкасом Александровым, прибывшим из Тобольска.

Не дождавшись обещанной помощи в полном объеме, воеводы: Осип Тимофеевич Плещеев, голова Иван Колемин и оставленный для дальних посылок Владимир Оничков составили войско в 500 человек, включив в него, кроме казаков и остыков из Березова, своих 150 ратных людей и остыков князя Бардака. Кроме того, в прошлом, 1596 г. в Нарыме был поставлен острог атаманом Тугариным Федоровым, в котором он зимовал с 25-ю годовальщиками из Сургута.

Поход в 1597 году воиною на Пегую Орду закончился полным разгромом войска селькупов. Князь Воня был убит, а князь Кичей бежал в верховья реки Кети. Вслед за этим в 1598 г., как уже было сказано, потерпел поражение Кучум, бежал и был убит. С тех пор Сибири уже ничто не угрожало. Второе «сибирское взятие» было завершено. Фронт военных действий переместился далеко на юг, где шли непрестанные бои России с калмыками. Туда по 1628 год ходил на войну в конном

полку Кузьма Васильевич Горбунов, сын казака из Ермаковой дружины, ставший атаманом в Сургуте после смерти Тугарина Федорова.

Следует отметить, что начало освоения новых земель на юг и восток осуществлялось сургутскими казаками. Атаман Тугарин Федоров первым побывал на реке Томь, построив там зимовье, превратившееся в скором времени в город Томск. И на реку Енисей первым ходил Тугарин Федоров, а на реки Пур и Таз, в Мангазейскую страну, ходил сургутский атаман Богдан Сидорович Зубакин.

Сургут, его неутомимые отважные люди, сыграли основную роль в завоевании и освоении новых земель необъятной Сибири.

Атаманы Сургута

Тугарин Федоров и Темир Иванов

К счастью, сохранилось немало свидетельств о жизни и деяниях казачьего атамана Тугарина Федорова. Первые сведения о нем связаны с началом основания города Сургута в 1594 году воеводами Федором Борятинским и Владимиром Оничковым.

В челобитной царю Михаилу Федоровичу в 1626 году Тугарин писал:

«Служу я, холоп твой, в Сибири... тридцать пять лет... А как, государь, в Сибири города Пелым и Сургут ставили, и я, холоп твой, был с твоими государевыми воеводами и тебе, государю, служил». Указанный срок службы позволяет определить год его появления в Сибири, т.е. в 1591 году.

Сразу возникает вопрос — откуда и каким образом Тугарин оказался в Сибири? На этот счет есть некое предположение. В 1591 году существовал острог на реке Лозве, где воеводою был Иван Григорьевич Нагой. Только там мог появиться Тугарин, если признать достоверной его службу в Сибири 35 лет. Однако в челобитной об этом не упоминается. Поэтому я склоняюсь к версии, приняв за основу 1592 г.

Именно в этом году воеводе Чердыни было поручено царским указом идти в Сибирь для отвращения набегов пелымского князца. Для этого Никифору Васильевичу Троханиотову надлежало взять 50 стрельцов из крепости и 100 человек рат-

ных людей от купцов Строгановых, о чем указывалось в грамоте: «От царя и Великого Князя Федора Ивановича всея Руси, на Орел и Чусовую Максиму да Никите Строгоновым. По Нашему указу велели взять с вашего соляного промысла, с Орла и Чусовой сто человек ратных людей и отдать воеводе Микифору Троханиотову... А не отпустите тот час и замешкаете, и вам от Нас быть в великой опале и в продаже. Писана на Москве лета 7100 июля в 5 день».

Известно, что для защиты своих городков и крепостей от набегов пелымцев, ногайцев и татар Строгановы всегда нанимали вольных казаков, искусных воинов до тысячи человек. Поэтому из их числа могли быть отданы Троханиотову три или четыре станицы, возглавляемые атаманами Тугариным Федоровым, Темиром Ивановым и Денисом Базаровым.

Все трое впоследствии участвовали в строительстве города Сургута под началом воевод Борятинского и Оничкова. Но до того Базаров отбыл с Троханиотовым на строительство города Березова, а Тугарин и Темир ставили острог Пелым под началом воеводы Петра Ивановича Горчакова в 1593 году, а в 1594 году они были отданы Владимиру Оничкову.

Темир Иванов не долго служил в Сургуте. Его станица стремилась вернуться в Пелым. Об этом известно из царской грамоты 1595 года:

«А атаману Темирю Иванову и его прибору казакам терским, и волжским, и донским сказать государево жалованное слово, чтобы они ныне потерпели и государю послужили, а государь их за службу и терпение пожалует своим великим жалованьем, и перемену на их место к новому году пошлет, и отпустит их в... [Пелым]». Это обещание было выполнено. Темира сменил атаман Богдан Сидорович Зубакин.

По сравнению с другими сибирскими городами Сургуту отводилась особая роль. Правительство создало некий форпост для дальнейшего продвижения в глубь Сибири и приведения к шерти непокорных племен. Конкретное осуществление этой задачи в значительной степени легло на плечи Тугарина Федорова.

Принято считать, что острог Нарым был построен Тугариным в 1598 году, т.е. в предполагаемое время разгрома селькупских князей Вони и Кичея. Но, на мой взгляд, такое утверждение ошибочно. Уже в 1596 году в 16 верстах от нижнего устья Кети было сооружено временное городище, позволяющее взять под контроль русло Оби. Следует заметить, что еще со времен Ивана Грозного установилась традиция — заранее, до военных действий ставить остроги вблизи со ставками врага. Так было и

при взятии Казани в 1552 году и при покорении народов Приуралья, где была возведена крепость Чердынь. Подтверждением подобной политики в Сибири служит грамота царя Федора Ивановича сургутскому воеводе Осипу Тимофеевичу Плещееву в 1596 году об организации похода на Пегую Орду под предводительством головы И.И. Колемина. Привожу фрагменты из нее: «...в нынешнем в 104 году посыпали вы в Пегую Орду князю к Воне нашего ясаку собирать на нынешний 104 год и на прошлый 103 год. И Воня князь в Пегую Орду наших ясачников к себе не пустил и отказал, что ясак с себя и своих людей не даст»;

«...и в Пегой бы Орде поставить острог на одну осень, покамест приведут под нашу под царскую руку и ясак возьмут сполна»;

«Да вы ж писали к нам, что сказывал вам Бардак, что Кучум царь подкочевал к Пегой Орде и с Вонею ссылаетца и учинили меж собою договор, что им по весне, собрався со всеми своими людьми, к городу Сургуту и на нашу казну и на запасы приходить»;

«А только будет из Березова ратных людей казаков не пришли ты бы, Осип, взял и послал с Иваном в поход сургутских остяков 150 человек и сказал им наше жалованное слово: как они сходят в поход и нам послужат, и мы их пожалуем своим великим жалованьем и в ясаке им велим польготить. И запасу им в поход из наших житниц дал, сколько будет пригоже,<...> да сургутских стрельцов и казаков 100 человек».

«А прибыть бы в Пегую Орду бревенно, а прищед добывать языки, а добыв языки, расспрашивал и пыткою их крепко пытал, сколько у Вони князя людей и в собраны ли он стоит или не в собраны, и есть ль про наших служилых людей про походу у Вони князя весть или нет, и нет ли у Вони князя с Кучумом царем ссылки и где Кучум царь кочует, сколь далече от Пегой Орды. А добыв языки и распрошав и допытався прямых вестей и скажут, что Воня князь стоит в собраны и только будет лучше Воню князя сперва приходити всеми людьми, не поставя острогу».

Не мог воевода Сургута пренебречь указом царя и нависшей над городом угрозой. Поэтому весною 1597 г., несомненно, был послан в Нарым довольно многочисленный отряд, чтобы воспрепятствовать замыслам князя Вони. Именно тогда было разгромлено войско Пегой Орды и был сооружен острог между нижним и средним устьями реки Кети.

Недоумение историков по поводу того, что нет никаких свидетельств о походе в 1598 г., легко объяснить, так как в действительности его и не было. Когда в Москве 31 января 1597 г. подписывался наказ новым сургутским воеводам Лобанову-Ростовскому и Ржевскому, то еще не было известно о событиях в Нарыме, произшедших осенью.

Согласие с указанным годом сразу снимает гадание о том, когда Тугарин Федоров основал первое русское ясачное зимовье на Томи. Это, безусловно, произошло осенью 1598 года, или на 6 лет раньше строительства там города, осуществляемого в 1604 г. сургутским головой Гаврилой Ивановым.

Теперь о походе Тугарина на Енисей. Об этом походе историки ничего не знали. Однако что говорит об этом сам Тугарин: «Да меня же, государь, холопа твоего, посылали из Сургута твои государевы воеводы князь Федор Тимофеевич Долгорукой да Олексей Иванович Голохвастов на Енисею, и я, холоп твой, ясашных людей привел под твою царскую руку и ясак с них взял. А которые, государь, енисейские остыки твоего государева указу не послушали и ясаку не дали, и мне, холопу твоему, велено их воевать и побивать. И я, холоп твой, по твоему государеву указу их воевал и многих побил, а иных князцов и лучших людей в Сургут привел».

Для того, чтобы отправиться на Енисей, Тугарин должен был прибыть в Сургут с Тыми. Такое расстояние можно было преодолеть не менее чем за 12 недель. Покинув Тымь весною 1599 года, он мог появиться в Сургуте только осенью. Поэтому поход на Енисей следует считать с весны 1600 г. по осень 1601 г.

После зимы воевода Яков Петрович Борятинский направляет Тугарина Федорова в 1602 г. в Нарым для подавления бунта кетских селькупов, возглавляемого Басаргой, братом князя Кичея, бежавшего в верховья Кети после разгрома его войска в 1597 г. Повесив Басаргу с десятью его бунтовщиками, Тугарин поднимается по реке Кети на 216 верст и ставит там острог.

В скором времени, после его возвращения, видимо, в 1604 г. Тугарин едет в Москву с соболиной казной. Предположительно, что тогда он женился и привез в Сургут жену, которая в 1606 г. родила ему сына Петра.

Следующие сведения о Тугарине Федорове мы имеем также из его челобитной: «...и служил тебе, государю, многие службы: был в полку с твоим государевым боярином и воеводою со князем Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским под Калугою и с твоими государевы изменниками бился явственно и языки многие имал. Да из-под Калуги, государь, был послан под Лихвинскую засеку твой государев стольник и воевода Василий Иванович Бутурлин, а у него был в полку голова Гаврило Посевьев, и я, холоп твой, был у Гаврила в сотне под Лихвинскую засекою и тебе, государю, служил и языки многие имал и был

ранен и Лихвинскую засеку взяли и твоих государевых изменников всех побили, а достальных переимали и привели к Москве».

Исключено, что Тугарин прибыл в Москву в результате поступления в Сибирь в 1610 г. возвзания московских бояр о защите государства, разоряемого самозванцами и поляками. Видимо, это была очередная поездка с соболиной казной во время царствования Василия Ивановича Шуйского, после изгнания Самозванца из Тушино, т.е. после 1608 г., но не позже 1690 г., так как в апреле 1610 г. двадцатилетний Михаил Скопин-Шуйский, которого народ в восторге называл отцом отечества, был отправлен на обеде у Дмитрия Шуйского, брата царя, мечтающего о престоле.

Вернуться в Сургут Тугарин мог только после октября 1612 г. — времени освобождения Кремля от поляков или после 4 марта 1613 г., когда царем был избран шестнадцатилетний Михаил Федорович Романов.

О том, что Тугарин участвовал в войне против поляков с группой своих товарищей, говорит тот факт, что в 1611 г. он вместе с казаком Первушей Колпашникам побывал в дворце Казанского приказа, куда был призван для консультации по поводу переноса на другое место острога Нарым.

Прибыв в Сургут, Тугарин безвыездно служил в остроге. Многие ранения давали себя знать. О его участии в деле изъятия подговорных женок в 1626 г. у князя Богдана Белкина, помощника воеводы Никиты Пушкина, мы узнаем из отписки последнего царю Михаилу Федоровичу. В этом же году Тугарин Федоров обращается к царю с челобитной и просит пожаловать его на старости лет за службу и пролитую кровь: «Да я ж, холоп твой, был под Москвою с твоими государевы бояры без съезду, как сидели в Москве литовские люди, и с твоими государевы изменниками и с поляками и с литовскими людьми и с русскими воры бился явственно и многижды был ранен. А твоего царского жалованья денежного мне, холопу твоему, за мое службишка идет по пятнадцати Рублев денег да хлеба по пятнадцать четвертей. И ныне я, холоп твой, ото многих служб и ранувечен и твоей царской службы служить не смогу. Милостивый государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси, пожалуй меня, холопа своего, за мои службишки и за кровь вели поверстать во свою государеву царскую службу сынишку моего Петрушку. А сынишко мое, государь, двадцати лет, пожалуй его своим царским жалованьем денежным и хлебным из моего окладу, как тебе Бог известит, чтобы я, холоп твой, з женишкой и з детишками, бродя меж дворов, голодною смертью не умер. Царь, государь, смилийся, пожалуй»

Помета: «135 год февраля в 7 день».

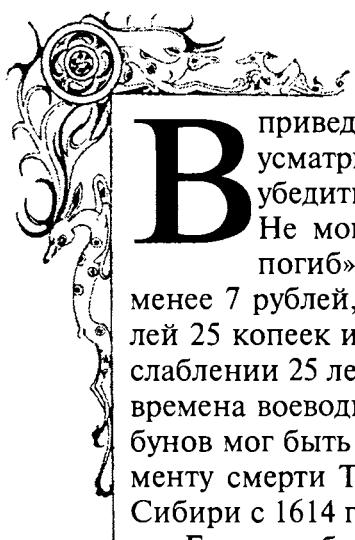
Есть основание утверждать, что, освободив Тугарина от службы, правительство вынесло решение оставить за ним пожизненно размер жалованья. Что же касается его сына Петруши, то сведений об этом нет. Видимо, ему пришлось самому зарабатывать себе на жизнь.

Умер Тугарин Федоров осенью 1640 года. Об этом мы узнаем из челобитной сургутского атамана Горбунова:

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси бьет челом холоп твой дальние твоей государевой отчины из Сибири Сургутского города атаман Кузьма Васильев сын Горбунов... Служил я, холоп твой, в Тарском городе в станице проезжие караулы и отъездные караулы осмннатцать лет. Был, государь, в Сургутском городе атаман Тугарин Федоров, и он лежал в расслаблении двадцать пять лет, и я за него служил всякие твои государевы зимние и летние и струговые и все службы, обнищал и задолжал великим долгом, вконец погиб. И того, государь, Тугарина не стало, преставился... пожалуй меня, холопа своего... за мое службишко и за кровь и за язышной привод своим царским жалованьем, того Тугариновы окладом хлебным и денежным. Царь, государь, смилийся, пожалуй».

Помета: «149 г. ноября в 28 день».

Кузьма Васильевич Горбунов

В приведенных выше строках челобитной Горбунова усматриваются несомненные преувеличения, чтобы убедить царя назначить ему повышенное жалованье. Не мог он обнищать и, как говорит, что «вконец погиб», так как атаманы получали жалованье не менее 7 рублей, тогда как семейные казаки получали 5 рублей 25 копеек и не бедствовали. И Тугарин не «лежал в расслаблении 25 лет», поскольку известна его дееспособность во времена воеводы Пушкина в 1626–1627 годах. Поэтому Горбунов мог быть назначен на его место не ранее 1628 г. К моменту смерти Тугарина он прослужил в Сургуте лет 12, а в Сибири с 1614 г.

Его отец был одним из участников дружины Ермака и в последующем с другими казаками служил в Тобольске, от-

куда осуществлялись походы против Кучума и силами людей которого построен город Тара. В 1614 г. Кузьма Васильевич Горбунов служил в Таре в конном литовском полку и участвовал в боях с калмыками. Также против калмыков он воевал с 1618 по 1628 г., о чем пишет в своей челобитной. Это лишний раз подтверждает, что начало его службы в Сургуте могло состояться не ранее чем в 1628 г.

Богдан Сидорович Зубакин

Предположительно Зубакин появился в Сургуте в 1596 г., когда правительство прислало туда пополнение в количестве 112 человек в качестве подготовки похода на Пегую Орду. Возможно, он участвовал в походе 1597 года, так как Тугарин Федоров в это время отсутствовал в Сургуте.

В 1602 году воевода Яков Петрович Борятинский, ознакомившись с прошлым царским указом о приведении к шерти кунной самоеди, жившей на реке Пур, что не было исполнено, решил осуществить это. Он отправил к самоедским князьям Акубе, Скамге и Салыму с жалованным царским словом и предложением платить ясак в Сургут атамана Богдана Зубакина. До сего времени осяцкий князь Бардак делал набеги на Пур и забирал себе погромный ясак. Царь в своей грамоте воеводам С.М. Лобанову-Ростовскому и И.И. Ржевскому в 1597 г. высказал по этому поводу недовольство: «...а он с них емлет ясак себе напрасно, полно Бордаку и тово, что ему своими людьми владети. И велети тое кунную и асицкую самоедь з Бардаковыми братьею и с людьми повоевать и ясак с них собрать и заклады у них поимать и к шерти их привести». На основании такого указания с Зубакиным были посланы осяки под предводительством сына князя Бардака Тынги (по разным источникам — Кинема, Тонем, Тонья). Однако самоеды в оплате ясака отказали, так как его уже платили в новый город Мангазею.

Прошло около двадцати лет, и Тынга из союзника русских властей превратился в непримиримого врага. Вместе с братом Суэтой он поднял бунт, но его не поддержали сопле-

менники, кроме близких родственников и друзей в количестве 30 человек. Фактически это была банда, порвавшая отношения с русскими из-за потери льгот. Бандиты нападали на одиночные суда, грабили и убивали казаков.

Осенью 1616 года воевода Иван Зубатой снарядил карательную экспедицию под руководством атамана Богдана Зубакина, который самого Тынгу не нашел, а захватил семьи бунтовщиков.

Летом 1618 года Тынга захватил томскую станицу из 6 человек, которые везли в Томск жалованье в сумме 400 рублей, несколько мешков, набитых самой большой в те времена монетой — копейками. Казаки были убиты, а деньги увезены.

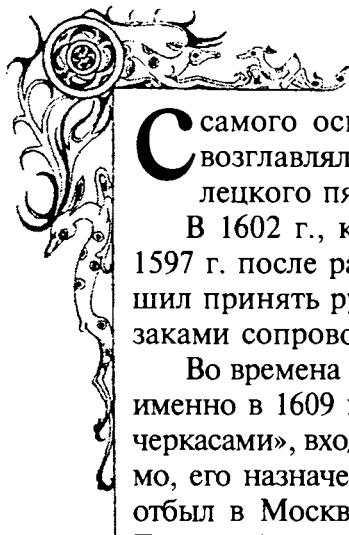
На этот раз воевода Иван Зубатой принял неординарное решение. Он не послал атамана Зубакина в новый карательный поход, а поручил возглавить экспедицию подьячему Ивану Афанасьеву и толмачу Ивану Парabelьскому. Об Афанасьеве мало кто слышал, а ведь он был необыкновенно яркой личностью, наделенной недюжинным умом. Будучи пристрастен к конной охоте, он в то же время в совершенстве владел любым видом оружия. Избрав его для выполнения столь важного и трудного дела в необъятных просторах Сибири, где поиск бунтовщиков можно сравнить с поиском иголки в стоге сена, воевода не ошибся в своем выборе. Афанасьев справился с поставленной перед ним задачей. Часть бандитов была уничтожена, а остальные взяты в плен, в том числе сын Тынги Саня Тынгирев. Были найдены и возвращены в царскую казну 400 рублей.

Правительство Москвы высоко оценило подвиг Ивана Афанасьева и пожаловало его великим жалованьем — 17 рублей. Такого не получал даже Тугарин Федоров, которому за все заслуги платилось жалованье в сумме 15 рублей, а атаман Богдан Зубакин продолжал служить с неизменным жалованьем в 7 рублей. Это был беспрецедентный случай во всей истории Сургута.

По косвенным соображениям, до и после 1626 года, Зубакин занимался проезжими и отъезжими караулами и был по существу атаманом без войска. Так, например, в одном и том же году казаки могли быть распределены следующим образом: годовальщиками в Кетск и Томск по 20 человек, для сопровождения хлебных запасов на Енисей 40 человек, на Ямыш озеро за солью 30 человек, за хлебными запасами в Тюмень 30 человек, по сбору ясака 20 человек, в Москву с царской соболиной казной 6 человек и не менее 6 человек с почтовыми отправлениями. Так что в Сургуте оставалось 30–40 человек, которые целиком были заняты на круглосуточной караульной службе.

У Богдана Сидоровича Зубакина была жена Катерина. Известно, что она была организатором похищения у проезжего бухарского муллы его красавицы жены, татарки Кузаки, для князя воеводы Богдана Белкина, который держал у себя одновременно трех подговорных женок. Не верится, что об этих действиях жены не знал муж, Богдан Сидорович Зубакин.

Терентий Деев

Самого основания Сургута Терентий Деев безвыездно возглавлял караульную службу в остроге в качестве стрелецкого пятидесятника.

В 1602 г., когда селькупский князь Кичей, бежавший в 1597 г. после разгрома его войска в верховья реки Кети, решил принять русское подданство, Терентий Деев с 12-ю казаками сопроводил его в Москву.

Во времена царствования Василия Ивановича Шуйского, а именно в 1609 г., Деев был назначен атаманом над «литвой и черкасами», входившими в состав сургутского гарнизона. Видимо, его назначение было связано с тем, что Тугарин Федоров отбыл в Москву и принял там участие в войне с поляками. Таким образом, продолжительное время атаманами в Сургуте были только Деев и Зубакин, приблизительно до 1614 г.

После возвращения Тугарина в Сургут Деев был отправлен в Кетск.

С 1640 г. документальные сведения об атаманах весьма скучны.

Евдоким Алексеевич Ботолин

Упоминается в именных книгах 1649–1650 годов. Умер не позднее 1687 г., т.е. когда атаманом был назначен его сын Яков. В его бытность произошло нашумевшее дело о попытках «порчи» сургутского воеводы Константина Нефедовича Щербатова и его семьи.

Первый Самойлов

В отписке сургутского воеводы Никифора Мещерского царю Алексею Михайловичу от 24 июля 1654 года о посылке ясачной казны в Москву назван сопровождающим стрелецкий и казачий голова Первый Самойлов.

Яков Ботолин

В 1687 г. указом и грамотой государя был назначен атаманом в возрасте сорока лет с жалованьем 10 рублей. В это время он имел пятилетнего сына Якова. Верстан Ботолин был в Сургуте при стольнике воеводе Петре Кондыреве в 1659 г. в 12-летнем возрасте, т.е. служил в казаках 28 лет до назначения атаманом. Он посыпался за солью на Ямыш-озеро, в Томск на полтора года, и был в других всяких посылках.

Умер Яков Ботолин в возрасте 54-х лет, в 1701 г. «А в ево место никто не поверстан».

Алексей Торопчанинов

Служил в казаках 24 года, с 9-летнего возраста. В 1683 г. был назначен указом государя атаманом. Дважды сопровождал в Енисейск ссыльных. Бывал в посылках за солью и прочих. Служил в одно время с атаманом Евдокимом Ботолиным, а затем с его сыном Яковом. Получал жалованье 10 рублей. Имел сыновей Андрея и Петра. Умер в возрасте 64-х лет, в 1698 г. На его место до 1702 г. никто не был поверстан.

Андрей Торопчанинов

В январе 1705 г. он был челом государю. Он писал, что его отец Алексей Торопчанинов служил в Сургуте «всякие государевы службы» и был атаманом 15 лет, а он сам с 1683 г. служит в десятниках. «А в прошлом, государь, 1702 г., будучи в Москве, сургутский десятник казачий Петр Батошков бил тебе чelом, государь, чтоб ему быть на месте отца моего в атаманах, в чelо-

битье своем он, Петр, меня и брата моего Петра утаил. Да в том же своем челобитье написал, будто он, Петр, послан был на Красной Яр, а он, Петр, в том году и в службе не был и пришел в Сургут не в давных летах и по тому ложному челобитью», — по словам Андрея, — поверстали в атаманы Батошкова. Торопчанинов просил назначить атаманом его, а Батошкова «отставить».

Челобитную Андрей подал собственноручно в Сибирский приказ в Москве. Казаки Тимофей Тарасов и Афанасий Кайдалов, которые были с ним, дали в приказе такую ему характеристику: «Сургутской-де десятник Андрей Торопчанинов человек доброй... служит беспорочно, а атаман де Петр Батошков пьет безобразно».

Тогда Андрею исполнилось 32 года.

Разбираясь в этом вопросе, в Сибирском приказе обнаружили, что содержание в Сургуте атаманов отменено: «А по разметным тетратем, каковы разметал... Винилюс в 1703 г., написано: в Сургуте атаманам быть не велено, а велено быть сотникам 2 человекам». Поэтому было принято решение: Петра Батошкова «от службы отставить», а Торопчанинова определить в сотники.

В записке «О казаках сибирских», от 17 марта 1764 г., говорится:

«Понеже во всей Сибири уповательно счисляется казаков до 60000, которые все люди добрые и исправные и весьма мало от солдат различаются, кроме что не учреждено между ими регулярства, впрочем имеют так же своих старшин, а именно полковника, что называют по их голова, под ним есаулы, сотники, яко капитаны, поручики, яко пятидесятники, прaporщики же называются прaporными. Имеют своих урядников, капралов и барабанщиков, знамена, наподобие армейских, ружья с штыками, шпаги жалованье же имеют больше, нежели армейские».

Однако в 1708 г. в Сибирский приказ поступила челобитная от сургутских казаков, подписанная сотником Андреем Торопчаниновым и др. от имени всех служилых людей, в которой заявлялось: «...у нас, служилых людей, пожитченков и торгов, и промыслов никаких нет, и людишка мы скудные, и кормимся работишко своею, а которые, государь, про себя рыбы промысят или скотишко убъем, и на те деньги покупаем к твоему к хлебному жалованью у проезжих людей и в Тобольску хлебные ж запасы, чтобы нам з женишками и з детишками в год было чем прокормица и твоих государевых служб не отбыть; да на те ж, государь, деньги покупаем одежду и обувь, потому что, государь, в Сургуте место непашенное да и промышленных никаких людей нет».

Согласно городовому списку 1701 г., оклад атамана (сотника) составлял 10 рублей деньгами, 5 четвертей ржи, две четверти овса и 3 пуда соли.

В 1722 г. Андрею Торопчанинову было за 50 лет, а его дети по возрасту значились: Петр — 31 год, Михайло — 26 лет, Андрей — 8 лет, Алексей — 5 лет.

Одновременно с Торопчаниновым служил сотником в 1722 г. 47-летний Герасим Новосильцев. Видимо, он был поверстан на место умершего Ботолина.

В 1712 г. город Сургут был полностью уничтожен пожаром. Сгорели и укрепления, и воеводская канцелярия с царскими грамотами и указами, и амбары с запасами, и дома жителей. На протяжении 6 лет, до 1718 г., Торопчанинов и Новосельцев занимались восстановлением города. В 1720 г. они подавляли бунт остяков, а в 1736 г. участвовали в усмирении башкирского бунта.

В 1743 г., при воеводстве титулярного советника Уара Еропкина, Торопчанинову было уже 74 года. В это время разыгрались трагические события, в результате которых воевода Еропкин был захвачен во время рыбалки беглыми колодниками, поставившими его под расстрел. Спасло его чудо — за него вступилась каторжанка Дарья: «Бога вы не боитесь, изверги! За что губите неповинного старика?» — крикнула она разбойникам, которые намеревались захватить и разорить Сургут. Вот тогда-то и пришлось воеводе и сотнику Торопчанинову принимать экстренные меры по охране города.

Подробно об этих событиях говорится в моем рассказе «Еропкин на воеводстве» в книге «Сургутские истории».

Помимо вышеупомянутых сургутских атаманов, известно еще о существовании в 1800 г. Алексея Пробочникова и прапорщика Алексея Проводникова, который был определен в атаманы в 1793 году обер-комендантром князем Мещерским.

В результате конфликта с городничим Гервартом тот отстранил от должности Проводникова, но по решению уездного судьи Дежефи городничий превысил свои права и поэтому был сменен, а атаман восстановлен на прежнее место. В январе 1804 года атаман прапорщик Алексей Проводников «по повелению главного начальства» убыл в Тобольск.

Упоминается также в 1803 г. сотник Максим Голощапов.

Алексей Пробочников в 1800 г. подал рапорт в Тобольск о «пришедших ко определению в казачью службу лета детях», в котором называл 13-летних Гаврилу Проводникова и Павла Торопчанинова.

В 1805 г. в городовой команде Сургута состояли в сотниках Андрей Ильин сын Кайдалов 77 лет и Иван Павлов сын Перфильев 70 лет.

Пожалуй, на этом следует закончить повествование об атаманах из-за отсутствия у меня данных.

Христианство в Западной Сибири

Ерушимым был и остается мифологический, сказочный мир ханты и манси, разделенный на три божественных уровня — верхнего, среднего и нижнего. В верхнем мире обитает главное божество — Торум, в среднем, на земле, наблюдает за людьми и является их посредником с другими богами седьмой сын Торума, Мир-Сусне-Хум — «За миром наблюдающий мужик», а хозяином нижнего мира — преисподней — является младший брат Торума.

Самым сказочным божеством можно считать Мир-Сусне-Хума. Для обских угров он был еще как «Золотой богатырь», «Сын золотого света», «Сынок женщины». «Всадник на семикрылом коне», «Золотой гусь». Облик последнего, тождественного с конем, как символа единого мира, обнаруживает сходство с индоиранским, скифо-сарматским миrom, имеющим корни с мифологией славян.

Когда на сибирской земле появилась дружина Ермака, то аборигенам открылись удивительные образы на полковых знаменах казаков. На них взирали не только умиротворенные лики святых и христианского Бога, но и близкие к их пониманию сказочноподобные мифические существа. На синем полотнище, обрамленном кумачовой полосой с золотым шитьем и розетками цветов по углам, были изображены две фигуры — Инрог, олицетворяющий Белого Бога — символа света и чистоты, и лев, стоящий на задних ла-

пах грудью к рогу, символизирующий Черного Бога, властелина тьмы, дьявола, врага. На другом знамени был разрисован Святовид — Добрый Бог, имеющий четыре головы и две груди. В одной руке он держал рог с вином, а в другой лук. Это древнее изображение являлось прародителем христианского святого Вита. Был еще Немиза — повелитель ветра, и другие.

Смешение языческих и христианских представлений о мире, преподнесенное красочным шитьем, не могло не оказать воздействия на воображение народов, пребывающих в родстве с природой и слагающих поистине художественные сказы. Как, например: «Когда Мир-Сусне-Хум поднимает локоны своих волос и солнце стоит в его волосах, на Оби вскрывается лед».

Видимо, местное население ощутило некое духовное родство с русскими уже при первых контактах. Кроме того, казаки Ермака уважительно относились к верованиям ханты и манси (остяков и vogulov), к их деревянным божкам, и не разоряли капищ. Ведь совсем иное испытывали они, пребывая во власти хана Кучума, насильно насаждающего ислам и называющего их божков «деревянными болванами».

Ермак не был христианским подвижником. Товарищество вольных казаков, состоящих из христиан, католиков и мусульман, не признающих над собою какую-либо верховную власть,

Софийский кафедральный собор в Тобольске

были крепко спаяны дружбой, несмотря на различия в вере, и им было чуждо вмешательство в духовный мир аборигенов.

Однако нельзя исключить исторический факт в заинтересованности казаков овладеть главными идолами остяков. Но для чего? Конечно, не для того, чтобы их уничтожить, а из желания укрепления власти над инородцами.

Повествование «Сибирской летописи» отражает суть происшедшего события:

Пятидесятник Богдан Брязга, соратник Ермака, спустился по Иртышу к его устью на Оби. Казаки ворвались в самое сердце языческих святынь и захватили идола Рача, но остыки и вогулы отбили его и спрятали в лесу. Затем казаки обложили укрепленное городище князя Нимьяна, пошли на штурм, но безуспешно. Тогда послали к остыкам своего лазутчика чуваша, знавшего местные обычаи. Вернувшись, он рассказал, что увидел великое моленье «Золотой бабе». Ему показалось, что «Золотая баба» находится в серебряной чаше, наполненной водой, из которой воины торжественно пили воду, чтобы обрести силу и храбрость. Есть предположение, что на самом деле «Золотая баба» держала чашу в руках.

Казаки снова пошли на штурм и захватили городище. Но «Золотая баба» исчезла. Ее увезли на Конду под охрану князя Агая.

Но есть и другие сведения согласно летописанию о кумире городища Нимьяна (Демьяна), о которых пишет историк Г.Ф. Миллер: «...есть у них Кумир, о котором сказывают, что вывезен из России во время Владимира крещения, и в России под именем Христа ему молятся. Оной Кумир выпит из золота, и сидит в чаше, в которую остыки воду наливают, и как они сию воду пьют, то твердо надеются, что им никакое нещастие приключиться не может»

Имея известие, что вниз по Иртышу плывут казаки Ермака, остыцкий князь Самар с восьмью князьями засел в своем городке близ устья и оказал сопротивление. Однако ранним утром казаки перебили спящих караульщиков и ворвались в городок. Первым выстрелом князь Самар был убит пулею, а остальные ударились в бегство. В надежде, что беглецы вернутся в свои жилища, казаки пробыли в городке целую неделю. И не напрасно, так как ожидание их оправдалось.

Князец Алач, который явился с богатыми дарами, был назначен на место убитого Самара. Об этом князе подробно будет сказано ниже.

Затем, выйдя на Обь, казаки закончили свой путь у святилища в Белогорье. Это название было дано по белому берегу на нагорной, вос-

точной стороне Оби. С древних времен там было мольбище большой Богини, которая с сыном сидит нагая на стуле и принимает от осяков жертвы с дарами. Здесь, кроме пустых юрт, не оказалось ни кумира, ни осяков. Все они разбежались.

Впоследствии, после указов царя Петра I о крещении инородцев, разжалованный полковник Григорий Новицкий узнал, что в районе Конды находится главный идол — «Золотая баба». Десять лет он скитался по Конде, разыскивая ее, пока люди, давшие клятву оберегать святыню, не убили его вместе со священником Сентяшовым. Так не была дописана митрополичья ризница «Описание о народе осяцком».

Впервые проникновение христианства в Западную Сибирь началось после гибели Ермака, когда правительство Москвы приступило к колонизации завоеванного края, к строительству городов и острогов, в каждом из которых одновременно возводились церкви, что делалось по инициативе первопоселенцев для исполнения «христианских треб». При этом, на первом этапе, государство не выделяло средств на содержание священнослужителей, в связи с чем служилый люд брал эту нагрузку на себя за счет своего жалованья. Такое положение в некоторых городах и

Губернаторский дом в Тобольске

острогах длилось не только годами, но и десятилетиями. Например, в Сургуте, основанном в 1594 г., жители обратились с челобитной в 1654 г. с просьбой освободить их от тяжкого бремени содержания церковников. Они писали: «Государь, мы, холопи твои, в твоем государеве Сургуцком беспашенном городе оскудали, стали бедны и нужны, и смынисты».

Длительное время православная вера служила опорой только для русского населения. На аборигенов не оказывалось давление в христианизации как со стороны царской администрации, так и патриархии.

Случаи крещения инородцев были редки — только по добруму изъявлению. В основном это были люди, которые, пожелав освободиться от ясака, становились служилыми толмачами (переводчиками) или желающие быть поверстанными в казаки. Наибольшую склонность к признанию православия проявляли остыцкие князьцы, но не из религиозных убеждений, а из политических соображений выгоды. В этом отношении показательна история княжеского рода Алачевых Кодского княжества.

Князя Алacha Ермак поставил во главе княжества, состоящего из 12 городков, расположенных на правом берегу между рекой Ендырь и Северной Сосьвой, с центром в городище Кода (ныне — село Октябрьское Ханты-Мансийского автономного округа).

Русское правительство использовало род Алачевых в политических и административных целях, наделив их исключительными льготами. После смерти отца княжество унаследовал его сын Игичей. Он ездил в Москву и там принял крещение в христианскую веру.

В 1602 году Игичей построил в Коде церковь во имя святых Зосимы и Савватия. В 1603 году крестился его сын, Михаил. Он пристроил к своей вотчине Коде церковь во имя Живоначальной Троицы и пожертвовал туда разные священные сосуды и книги. На серебряном портире была надпись, что серебряные сосуды даны в церковь Живоначальной Троицы кн. Михаилом Алачевым 1629 г. 1 сентября. Сам Михаил постоянно жил в Тобольске и здесь тоже построил церковь во имя Живоначальной Троицы. Будучи в Москве, он был произведен в стольники и женился на русской девице из знатного рода, но вернулся в Тобольск. Тут он и умер. А в Коде его жена-остячка родила ему сына Дмитрия, который вырос и стал княжить в Сибири.

Ему принадлежала вся Ваховская волость Сургутского уезда. Отправившись однажды в Коду, он ограбил церковь, построенную его отцом, которая долгое время оставалась без пения из-за отсутствия священника, и начал распродавать в Тобольске священные сосуды и книги. Об этом сообщил царю в своей отписке архиепископ Герасим.

Петр Буцинский знакомит с этой отпиской в своих сочинениях: «В нынешнем 1644 г. ведомо мне учинилось, что князь Димитрий пограбя в церквах Божиих отца своего церковные серебряные сосуды и служебные книги, начал продавать их в Тобольске. Я велел ему принести то церковное строение к себе посмотреть будто для купли и он принес — потир, три блюда, звезду, копие и лжицу, да книг печатных — 12 ми-ней, два октая, а триоди — постную и цветную продал самаровским ямщикам. И те сосуды, книги я взял и положил в софийскую казну до твоего государева указа, а отдать ему не смел, чтоб он кн. Димитрий не осквернил, не продал бы их иноверцам; русским же людям тех сереб. сосудов выменить некому, потому что в Сибири люди все бедные и места церковные все скучны»

На отписку Герасима последовал царский указ: «Велено из Сибири кн. Димитрия Мих. Алачева с матерью, женой и детьми отпустить в Москву, отчину его Коду отписать на государя, а пограбленные церковные сосуды и книги отослать в Коду, в церковь Живоначальной Троицы»

В Москве Дмитрий был произведен в стольники. Впоследствии ему была дана волость Лена, на реке Вычегде, Вологодской губернии. Там и скончался.

Однако, несмотря на царские льготы, не все князья сохранили верность Руси. В свое время они приняли православие с христианскими именами, но, воспользовавшись неурядицами на Руси, призвали свой народ к бунту, чтобы полностью освободиться от ясака, обрести свободу. Подняли восстание князья Василий Обдорский, Шатров Лугуев, Оңжа Юрьев, брат Игичея, и вдова Игичея Анна Алачева. После их двухмесячной попытки взять Березов, осада была сорвана подоспевшими на помощь казаками во главе с бывшим соратником Ермака Черкасом Александровым. Повесили 30 бунтовщиков, в том числе зачинщиков — Василия Обдорского и Шатрова Лугуева. А княгиню Анну посадили в тюрьму. Когда ее выпустили, она вновь взялась за подстрекательство к бунту — ездila к сургутским остякам и на Иртыш к татарам, чтобы договориться вместе идти войной на Тобольск. Она умерла в 1649 году. Как известно из воеводских грамот, с ее смертью «роду и племени Алачевых никого не осталось», «Кодский городок стал впусте, и церковь божия стоит без пения».

Приступив к колонизации Западной Сибири, русские служилые люди и переселенцы сразу столкнулись с тем, что удивительная жизнь и подвиги Ермака стали достоянием туземных легенд сразу же после его гибели. В основном его имя вошло в сознание и этнос татар. Следует отметить,

что сибирские татары лишили поддержки Кучума и дружественно перешли на сторону русских. Это они возвысили и восславили побежденного героя, что отвечало их мировоззрению и тысячелетним традициям.

Суть легенд о Ермаке я отразил в своем историческом романе в стихах «Кучум». Вот о чем повествует 26-я глава романа:

Вблизи от Епанчинских юрт,
Где берег волною размыт,
Рыбачил татарин Яныш —
Он ставил в реке перемет.
Вдруг видит — торчат из воды
Сафьяновых два сапога.

Он ловко забросил петлю
И тело на берег втащил —
И понял, что это батыр
В медяной кольчуге утоп.
Он сразу позвал Кайдулу —
Мурзу, что в соседстве живет.

Недолго гадали они,
Кого им Иртыш подарил.
По сбруе узнали легко,
Кто мертвым рекою приплыл.
И радость была велика —
Аллах им принес Ермака.

И стали они раздевать
Батыра великой Руси,
И панцири стали делить,
Но чудо повергло их в страх:
Из носа и рта Ермака
Живая вдруг хлынула кровь.

Янышу сказал Кайдула:
«Пред нами нетленный лежит —
Он божий посланник небес.
Его водрузим на лабаз,
Гонцов по улусам пошлем
И тело святое почтим».

Сбежались татары на Юрт
 С колчанами жертвенных стрел,
 И каждый по телу стрелял,
 Воздавши святыму почет.
 Живицей бежала из ран
 Нетленная, алая кровь.

И так три недели лежал
 Ермак на лабазе нагим,
 Но птицы летали вдали
 Не смея коснуться его.
 И ворон-вещун стороной
 Пугливо его облетал.

Яныш сказал Кайдула:
 «Не будем его погребать,
 Он так же, как знатный шаман,
 С воздушной стихией един.
 Мы небу его отдадим,
 Всевышним небесным богам!».

Яныш Кайдуле отвечал:
 «Ты что, про Аллаха забыл,
 Припомнив древнейший обряд?
 Виденье мне было вчера —
 Явился Ермак предо мной
 И требовал, чтоб погребли».

«Быть может, и правда твоя, —
 В раздумье сказал Кайдула, —
 Лежит на лабазе Ермак —
 И духом стал грозным для нас.
 Один из татар, что стрелял,
 Сегодня лишился ума».

Их спору конец положил
 Прибывший с уланами хан.
 Не стал он стрелять в мертвца,
 А выслушал всех и сказал:

«С почетом заройте его
В могилу, где шейхи лежат».

Исполнили хана наказ
Абызы, мурзы и князья —
И стали поминки справлять.
Зарезали десять овец
И тридцать забили быков,
И жарили их на кострах.

Хвалебные песни врагу
Ахуны слагали всю ночь,
Абызы твердили мольбу:
«Аллах, возроди Ермака
На землях татарской орды
И сделай эмиром его».

Паломники с разных краев
К могиле пошли Ермака.
Там брали щепотку земли,
Бросали в серебряный чан,
Ее заливали водой
И пили целебный бальзам.

А многие, там побывав,
Другим говорили шепча,
Что зрели вершину чудес —
Как к небу вздымается столб
Подземной стихии огня,
А свечка, не плавясь, горит.

Историк Ремезов все эти чудеса отнес к вмешательству «христианского бога», который «дивом» решил вразумить язычников, так как христианство имело очень слабый успех у инородцев.

Говоря об инородцах, сразу следует заметить, что в документах Посольского приказа XVII и последующих веков все язычники назывались остыками, к которым относили и селькупов, и часть ногулов. Что же касается татар, то их называли своим именем, так как они были мусульманами и веровали в единого Бога — Аллаха. Только барабинские татары были язычниками, коими и оставались вплоть до XVIII в.

**Колокольня
при Софийском соборе
в Тобольске**

Первый архиепископ Киприан, прибывший в Тобольск в 1621 г., решил использовать предания о чудесах в интересах церкви, в прославлении своей епархии. Киприян высоко оценил факт исключительной популярности Ермака, который стал и героем сказаний русских переселенцев. Он задумал канонизировать местных подвижников, чтобы облегчить задачу христианизации языческого края.

Владыка Киприан оказался деятельным и целеустремленным человеком. Он стяжал славу стойкого борца за интересы Руси, еще будучи архимандритом Хутынского монастыря в Новгороде, который в то время был захвачен шведами, претерпев и гонения, и тюрьмы. Теперь же он был послан в Сибирь в высоком сане архиепископа патриархом Московским и всея Руси Филаретом. Филарет (Федор Никитович Романов, крупный государственный деятель, отец царя Михаила Федоровича и старший сын боярина Никиты Романовича Юрьева, брата первой жены Ивана Грозного, Анастасии, соперника Бориса Годунова на царский престол, был насильно пострижен в монахи в конце 1600 г. Принимал участие в свержении царя Василия Шуйского в 1610 г. Как духовный деятель укрепил власть и авторитет Московской патриархии. Принял в 1620 г. решение об учреждении Тобольской и Сибирской архиепископии).

В 1622 г. Киприан приказал «кликати» Ермаку и его погибшим товарищам «вечную память» наряду с прочими пострадавшими за православие. Чтобы составить синодик (запись имен умерших для их церковного поминания) «убиенным», Киприян обратился к уцелевшим сподвижникам Ермака, жившим в Тобольске.

Прошло сорок лет со времени похода Ермака, и потому в казачьих сказах были черты фольклора, характерные для былин и исторических песен. Поэтому духовенству пришлось подвергнуть «списки» их речей основательной переработке. Былинный зacin воспоминаний сменился рассуждениями о том, что Бог избрал Ермака «очистити место святыни и победити бесерменского царя Кучума и разорити их богомерзкие капища».

Начало местному летописанию положили книжники, привезенные Киприяном из Казанской епархии. Расспросив ермаковцев, дьяк и его помощники сначала написали синодик, а затем краткую летописную «Повесть о сибирском взятии».

По приказу архиепископа в тобольских церквях стали петь вечную память ермаковцам, но его начинание было отвергнуто патриархом Филаретом, который считал Ермака и его казаков ворами. Поминание так называемых разбойников было отменено.

Точка зрения Киприана получила признание только через два года после смерти Филарета в 1633 г.

В начале 1636 г. священный собор назначил архиепископом Сибири Нектария, своенравного и жестокого человека, который быстро снискдал ненависть служителей архиепископского дома. Лишь один из служителей пришелся ему по душе — главный дьяк Савва Есипов. Нектарий оценил в нем рачительного хозяина и любителя книжной премудрости. При всех недостатках характера Нектарий был образован, изучал греческий и латинский языки, риторику и философию. В Савве он увидел единомышленника и поведал ему сокровенное желание написания подробной летописи о мисси казаков Ермака в Сибири. В результате — Есипов рьяно приступил к работе, вновь призвав ермаковцев, оставшихся в живых.

Судьба сочинения тобольского дьяка превзошла все ожидания. Она приобрела общерусскую известность, стала любимым чтением в разных концах России. Но повлияла ли Есиповская летопись на процесс христианизации местных племен? Нет — никаких существенных сдвигов не произошло. До начала восемнадцатого века продолжался период застоя, который закончился 9 января 1701 года с появлением указа Петра I «о расширении в сибирских иноверцах святого крещения до самого государства Китайского», «чтоб православная вера в Сибирской епархииправляла без всякого препятствия». В 1703, 1706, 1710 и 1711 годах вышли дополнительные указы. Царь повелевал местным властям оказывать содействие духовным лицам, направляемым «в сибирские города верховные и низовые от Тобольска по Оби реке до Березова вниз и в

ясашные vogульскую и остяцкую землицы, в татары, якуты, тунгусы и в другие неведущих истинного Бога иноверческие волости к крещеным ради надзирания, исправления и утверждения в христианской вере, а к некрещеным для призываия и приведения через проповедь слова Божия в душеспасительное крещение и истребления по юртам мнимых их богов шайтанов, кумирниц и прочих нечестивых чтилищ».

Как видно из приведенного текста, правительство не добилось за десять лет значительного успеха по внедрению православной веры в среду инородческих племен. Большая часть местного населения не была охвачена святым крещением, а те, кто его принял, возможно, были вынуждены уступить христианским подвижникам, испытав некое давление. Если это не так, то почему потребовался надзор за крещеными, их исправление и утверждение в христианской вере, уничтожение капищ и мнимых богов?

В книге «Древний город на Оби: история Сургута» (Екатеринбург: Тезис, 1994) известный историк И.И. Огрызко подвергся критике за утверждение, что обских остяков крестили силой, ссылаясь на то, что его высказывание было в годы расцвета сталинской исторической науки. Не очень веский довод, с весьма странным толкованием грамоты 1710 года. Мол, «казнь смертная» ожидала того, кто осмелится нарушить царский указ, а не того, кто не пожелает креститься.

Ознакомимся с выпиской из этой грамоты, адресованной «богомольцу нашему бывшему митрополиту Сибирскому и Тоболскому Федору», то есть Филофею Лещинскому, ушедшему из-за болезни в Тюменский монастырь: «Ведомо нам... учинилось, что некоторые новокрещеные тобольские и березовские, vogулецкие и сургутские остяки жили в Березове... непрестанно бывают в юртах, в которых идолы остяцкие суть. И как сей наш... указ получиши, то выбрав по своему рассмотрению из монахов или священников человека доброго, и велеть ему... ехать вниз великой реки Оби до Березова и вагуличи, и где найдут по юртам остяцким шайтанов, тех огнем палить и рубить, и капища их разорять, а вместо тех капищ часовни строить и иконы постановляти, и их остяков и vogулич приводить ко крещению и ко познанию истинного Бога. И которые остяки малые и великие уверуют и крестятся, тем остякам нашего великого государя милость: ясачные доимки все оставлять указами и впредь не спрашивать... А если возможно, то того ради из правления и самому тебе, богомольцу нашему, ехать в вышеиспоменные места и приводить тех идолопоклонников ко истинной ко христианской вере, а по крещению им кафтаны белые и рубашки из нашей казны и

хлеб по рассмотрению також давать указами, а естли кто из vogулич и остыки учинят противность сему нашему великого государя указу, и тем будет казнь смертная».

Царь четко предписал, каким образом воздействовать на vogулов и остыков при крещении — выбором между льготами по ясаку, вознаграждениями и смертью. Поэтому вызывает удивление вывод, что «казнь смертная» ожидала только того, кто осмелится нарушить царский указ, а не того, кто не пожелает креститься. При этом автор такого высказывания не поясняет, в чем он усматривает нарушения указа, хотя в нем недвусмысленно сказано: «а если кто из vogулич и остыки учинят противность указу, и тем будет казнь смертная», то есть нежелание принять православную веру.

В 1716 г. Лещинский прибыл в Сургутский уезд и обратил в христианство 3500 человек. Столъ же успешно прошло крещение и в других уездах, но достоверных сведений нет — каким образом это вдруг удалось свершить знаменитому богомольцу. Бытовало мнение, что он распространял христианство в Сибири «огнем и мечом», но известный историк П.Н. Буцинский это отвергал, ссылаясь на отсутствие архивного подтверждения применения силы. Можно только предположить, что местное население вместо «кнута» предпочло «пряники».

Троицкий монастырь в Тюмени

Вернемся назад и проанализируем обстановку целого столетия до времен Петра I. Способна ли была Сибирская епархия и светская власть осуществить христианизацию инородческого населения Западной Сибири?

Следует заметить, что большинство сибирских татар уже было обращено в магометанскую веру, кроме татар Барабинских степей, которые остались язычниками. Какие причины способствовали внедрению веры в единого Бога этому народу?

Их существует две.

Во-первых, общность сибирских татар возникла значительно позже коренного населения Сибири за счет пришлых тюркских племен, имеющих более высокий уровень развития. Можно сказать — из более цивилизованных народов. К таким относятся кипчаки, которых русские называли половцами, киргизы, уйгуры, телесы и другие. Многие из них были не только скотоводами, но и рудознатцами, умели плавить металл и изготавливать из него оружие. Люди каждого такого племени не были разобщены и имели своих предводителей.

Заселяя Прииртышье и Притоболье, пришлые племена вели между собою войны, захватывая новые земли. Сильные покоряли слабых и со временем в Сибири образовалось Тюменское ханство, а затем и Сибирское ханство со столицей Сибирь (Кашлык, Искер).

В эти времена сибирские татары оставались язычниками, но их социальный уровень развития уже был подготовлен для принятия более совершенной веры.

Во-вторых, появление проповедников новой веры. В связи с захватом власти Кучумом, потомком Чингизхана, представителем Золотой Орды, бухарским эмиром трижды посыпались миссии проповедников ислама в Сибирь, которые успешно привели к магометанской вере татар.

В то же время принудить остыков и vogulov отказаться от своих языческих верований и обычаях хану Кучуму не удалось. Почему? Тут можно теряться в догадках, но, видимо, была причина, которая так же не способствовалациальному успеху, как и при христианизации остыков русскими властями.

Об этом следует высказать некоторые соображения.

После завоевания Сибири Ермаком, в конце XVI века и почти на протяжении всего XVII века не ставилась задача крещения инородцев. Их крестили только по добруму изъявлению. Но такое изъявление обычно исходило от князей, владеющих значительными территориями, на которых проживали племенные группы во главе со своими князьями.

Как уже было сказано, основными причинами, побуждающими их принять православие, являлись политические и материальные выгоды. Такие поместные князья, в отличие от своих соплеменников, проживали в городках значительными по тогдашним меркам группами до тридцати человек, состоящими преимущественно из родственников, искусных воинов, называемых богатырями. Независимо от новой веры они продолжали повелевать своими подданными, частично собирая с них дань для себя.

В ином положении находились рядовые остыки. Крестившись, они уже не могли вернуться в свои юрты и пребывать в сообществе собратьев-язычников, а вынуждены были поселяться в городах русских и быть поверстанными на государеву службу. Они говорили: «что им никак нельзя жить со своей братией, что они от своей веры отстали и их в свою землю не пустят, потому что крещены». Поэтому отказчиков от своей веры были считанные единицы. В основном эти люди становились толмачами, а реже верстались в казаки. Побудительным мотивом для таких остыков являлась возможность улучшить материальное положение за счет денежного и хлебного жалованья, избавиться от трудностей добытчика пропитания для своей семьи и от обязанности платить ясак.

Создавая Сибирскую епархию, правительство Москвы ставило в первую очередь задачу удовлетворить христианские трёбы русского населения, численность которого значительно возрастила с каждым годом не только за счет гарнизонов острогов. Со всей Руси в Сибирь стекался всякий люд. Это были торговые и промышленные люди, крестьяне, ремесленники, плотники и прочие.

В каждом городе служилые казаки строили церкви за счет собственных средств, но, как правило, священнослужителей найти не могли, и многие церкви пустовали. Еще в 1634 году архиепископ Макарий в отписке царю, перечисляя нехватку церковников, просил, в том числе, прислать в Сургут белого и черного попа.

Первому архиепископу Киприану пришлось пережить большие трудности по обеспечению священниками сибирских городов. Извещая патриарха Филарета о своем прибытии в Тобольск, Киприан писал, что во время пути видел по сибирским городам попов, и те «попы — воры и бражники, да и быть им нельзя, только быть им по великой нужде, потому что переменить некем».

Вместе с Киприаном в Сибирь ехали: протопоп, протодиакон, ключарь, три священника, дьякон, два пономаря, два звонаря, восемь старцев, просфорница, пять певчих дьяков, шесть поддьяков, приказный

человек, дьяк, два подьячих, пятеро детей боярских — десятильников, два иконописца, деревщик, книжный писец, два плотника, кузнец, истопник, переплетчик, два конюха, водовоз, хлебник и четыре сторожа — всего 59 человек. Многие из них ехали по указу государя и патриарха, а не по своей воле. Поэтому кто-то отстал от Киприана, а кто-то скрылся, получив наперед годовое и хлебное жалованье и прогонные деньги. Убежал и дворцовый повар. А подьячий Григорий пил и бражничал и закупил хлеб, непригодный ни на семена, ни на еду.

В результате получилось так, что в Верхотурье архиепископ прибыл почти без штата. Из духовного чина с ним остались только несколько старцев, а остальные потерялись в дороге. Как выяснилось потом, попы ехали весело, «как кто хотел, для самовольства и пьянства».

Панорама Тобольского кремля

Однако основные беды начались по прибытии Киприана в Тобольск 19 июня 1621 г. Воевода Матвей Годунов и его товарищ Волконский встретили архиепископа враждебно.

Царь Михаил Федорович предписал воеводе: «Как архиепископ приедет в Тобольск и ты бы тот двор, на котором ныне стоишь, очистил для архиепископа, а сам съехал на другой двор до тех пор, пока в городе поставят архиепископский двор». Это предписание сразу породило раздор, который не прекращался на протяжении всего пребывания Киприана в Тобольске, хотя он не настаивал на исполнении воеводой царского указа и стал строиться не в городе, а на старом городище, Годунов ему мстил, чем только мог, — не давал соли, дров, подвод и т.п.

Главная причина, побудившая Киприана разместиться на старом городище, заключалась в том, что там уже была недостроенная церковь, которую он купил. Название этой пятиглавой церкви присвоено во имя Софии Премудрости Божией, согласно условию продавца-священника.

Управившись на первых порах с хозяйственными заботами, Киприан обратился к деятельности религиозно-нравственной и общественной. О том, с какими трудностями он встретился, можно судить по его донесению патриарху: «во всех сибирских городах всякие люди — служилые, казаки и казачьи жены и всяких чинов люди стригутся в болезнях и постриглись живут в своих домах по-прежнему с своими мужьями, а мужья с женами, а иные многие и монашеское платье снимают и живут с мирскими людьми вместе и по-прежнему всякое дурно делают. Да сибирские казаки, будучи на Москве и по городам, как назад поедут, подговаривают женок и девок, знаменуются образами, что они женятся на них, но привезши в Тобольск, продают их воеводам, немцам, татарам и пашенным крестьянам в работу», и далее: «...женки и девки, видя свою погибель, бьют ему челом на тех служилых людей в насилистве и подговоре, а когда он хочет наказать последних за насилиство и растление по правилам Св. Отцов, или дать свободу женкам и девкам, то служилые люди приходят к нему с великим шумом и говорят, что будто у них есть царская грамота, чтоб им делать так, как они делают. Да и боярин Матвей Михайлович Годунов с товарищами утверждает, что у них в разряде есть грамота, которою велено так делать.

А некоторые попы и мирские люди приезжают в Москву и бьют челом о церковном строении — о книгах, ризах, колоколах, иконах и т. п. и те попы и мирские люди, выманя, то церковное строение пропивают».

В ответ на донесения Киприана в 1622 году была отправлена в Сибирь грамота патриарха Филарета Никитича. Вот некоторые выдержки из нее:

«...в сибирских городах многие служилые и жилемские люди живут не по-христиански, не по преданиям св. апостолов и св. отцов, а по своей воле, по своим скверным похотям; многие русские люди и иноzemцы, принявшие православие, крестов на себе не носят, постных дней не хранят, а едят мясо всякие скверны вместе с татарами, остыками и vogulами».

«...некоторые же бедных и убогих вдов и девиц беспомощных берут себе для воровства насильно и у мужей работных людей отнимают жен и держат у себя для воровства и крепости на них берут заочно; а те люди, у которых жен поотнимают, отдаются в холопи, в неволю всяким людям и женятся на иных женах, а отнятых жен выдают за других мужей, или продают, или отдают в залог и в холопи всяким людям. А попы сибирских городов черные и белые не только такие беззакония не запрещают, но и говорят молитвы, а иных венчают без знамен, не по христианскому закону».

«...многие православные люди живут с некрещеными инородцами как бы со своими женами и детей с ними приживаются; иные женятся на сестрах двоюродных и родных, блудом посягают на своих матерей и дочерей, чего в поганых и незнающих Бога не обретается, о чем не только писать, но и слышать гнусно».

«А воеводы того не брегут и тех людей от такого воровства, беззаконных и скверных дел не унимают и не наказывают, покрывая их для своей бездельной корысти, а иные воеводы и сами таким ворам потакают и попам приказывают говорить им молитвы и венчать их насильно»

Но есть примеры, когда сами воеводы подавали пример разврата и беззакония, о чем говорится в одной из отписок об нарымском воеводе:

«...он жен служилых людей брал насильно к себе в постель, а когда мужья их хотели писать на него грамоту и обратились с этой целью к своему попу, то воевода бил кнутом и попа и служилых людей».

Такова была печальная картина нравственного состояния сибирского общества в описываемый период, чего не наблюдалось в первые годы колонизации Сибири. Результатом такого падения нравов послужило то, что Сибирь превратилась в место ссылки всякого рода преступных элементов — мошенников, воров, грабителей, убийц и др., которых привозили в кандалах, а затем освобождали от пут и верстали на государеву службу. Подобными мерами правительство само способствовало растлению нравов русского населения, что являлось для инородцев отталкивающим фактором в признании православия, высоко духовной веры, оскверненной выродками, заполонившими Сибирь.

Значительную помехой в распространении слова Божия была и местная светская власть. Не только Киприан испытал на себе вражду и притеснения со стороны воевод, но в подобных условиях зачастую оказывались и последующие архиепископы. Воеводы видели в них царских доносчиков о злоупотреблениях, препятствующих в осуществлении корыстных замыслов, и поэтому всячески вредили им. Да и интерес крещения инородцев не совпадал с их интересами по сбору ясака. Ведь известно, что пленных остыков, оказавших сопротивление при завоевании новых земель, служилые люди стремились насильно крестить, чтобы сделать их холопами, но отписками воевод и царскими указами повелевалось вернуть этих пленников в их юрты.

Кроме того, частая смена воевод в городах Сибири, которые чувствовали себя временщиками, не способствовала успешному осуществлению общегосударственных интересов. Даже указами грозного царя Петра I многие воеводы имели смелость пренебрегать.

Какие же трудности мешали еще целое столетие донести до инородцев слово Божие? О том, каковы были священнослужители в большинстве, уже сказано. Архиепископ Киприан понимал, что бесполезно добиться каких-либо успехов духовного воздействия на инородцев, не имея проповедников высокообразованных и знающих местные языки. Он嘗试了 создать для этого школу, но его задумка так и не была осуществлена.

Однако основная причина практически безрезультатного итога внедрения православия в среду инородцев заключалась в том, что все население жило разрозненно. На бескрайних просторах, по многочисленным речкам, на значительных расстояниях друг от друга были разбросаны

саны так называемые городки или юрты, в которых проживало всего лишь по одной семье. Люди, которые занимались испокон веков про мыслом пушного зверя, селились рядом со своим личным угодьем. Они собирались в группы только в определенное время в местах рыбных ловель, чтобы обеспечить себя и своих собак запасом на весь год. Без этого они были бы обречены на голод.

При такой разобщенности и дальности проживания на десятки и сотни верст от русских городов, где были церкви, можно ли сомневаться в невозможности регулярных контактов между священнослужителями и инородцами? Поэтому нарекания и упреки той или иной стороны не имеют никакого основания. Однако они имели место, и о них еще будет сказано.

Оправдывая в этом отношении и тех, и других, необходимо все же обратить внимание на великую леность сибирских язычников, на которую указывали многие исследователи и наблюдатели их быта.

Следует отметить, что остыки находились в полудиком состоянии и пребывали в нем и во времена русского владычества. Что мешало им, например, строить дома по примеру русских? Их окружали леса, у них были топоры, но они предпочитали мерзнуть зимою в холодных грязных юртах и в лучшем случае делали землянки. Что мешало им при

заготовке на зиму рыбы и мяса птиц и зверей, делать тщательную обработку припасов — хотя бы очищать, промывать водой и коптить? Но они просто вялили как есть, складывали в ящики юколу и мясо, зарывали в землю, а потом ели гнилье, подобное падали, болели и умирали. Летом они питались преимущественно сырой рыбой и сырым мясом. Взвар из неочищенных внутренностей рыбы для них являлся лакомством. Большинство осяков в зимнюю стужу ходили в рубахах из крапивного холста и одежде из рыбых шкур и очень редко в меховых парках, о которых мы привыкли говорить. Ведь встречались в их среде и зажиточные люди, имеющие, помимо прочего, олены стада. Но это были исключительные случаи.

Проживая в местах, богатых рыбой и всяким зверьем, осяки могли бы не жаловаться на свое жалкое существование, на «великий голод», побуждающий их поедать друг друга и своих детей, о чем они неоднократно писали в челобитных царю, «чтобы у него волос дыбом стал». Не сдавая положенный оклад по ясаку, они часто ссылались на скудость их угодий, хотя в тех же самых местах менее опытный русский охотник добывал соболей в 20–30 раз больше.

Поэтому трудно признать, что своим жалким существованием осяки целиком обязаны русским, хотя со стороны последних были и постоянные притеснения, и грабежи инородцев.

Почитая своего высшего бога Торума как создателя всего земного и только лишь созерцателя, осяки не делали ему подношений. Для них важны были те боги, от милости которых зависели промыслы и которых они наделяли чудодейственной силой, заключенной в кумирах. Им они приносили в жертву не только зверя, но и человека, выпивая его кровь. Есть много примеров обращения осяков к сибирским воеводам с просьбой разрешить убийство для моления у лиственницы.

Если же говорить о положительных чертах характера и обычаях, то к ним можно отнести:

1. Почитание своих предков и память о них, духи которых будто бы живут в тех или иных предметах или в вырезанных из дерева болванчиках.

2. Остяк гостеприимен и никогда не оставит в беде своего соплеменника, он всегда готов поделиться с ним последним куском еды.

3. Остяки обладают высокой духовностью и склонностью к выдумке или пересказывать сказки, предания и легенды. Быть может, в уходе от реальности в прошлое и кроется причина их лености?

Так или иначе, но этот народ сам обрекал себя на вымирание, оставаясь в полудиком состоянии. Вывести его из этого состояния могли

только изменения условий жизни и новая вера. Как же укреплялась вера в единого Бога после стараний Лещинского и были ли положительные результаты в этом направлении?

О последствиях христианизации красноречиво говорят высказывания тобольского архиепископа Варлаама в 1793 г.: «а из заказов Туруханского, Сургутского, Нарымского, Томского, Туринского рапортов в присылке не имеется. А известно, что остыки в церковь редко ходят, да и священники понаровку чинят им — приобщают их по домам запасными Святыми Дарами, без всякого приготовления. Почему многие из остыков не только Закона Божия и молитв не знают, но и о вере православной понятия никакого не имеют, да и в церковь в год раз бывали».

Другие свидетельства также подтверждают, что остыки являлись христианами «только по имени».

В тайной переписке Тобольской консистории за 1757 год имеется донос священника на крещеных остыков — Сергея Шергу, Ивана Колыбаева и Алексея Пангеля из Шапшинских юрт. Они приносили жертвы тщательно скрываемому «шайтану» и были избранными по сбору дани для «Золотой бабы».

Однако с течением времени, к середине девятнадцатого века, стало прослеживаться влияние христианства на остыков. Видимо, этому способствовали не проповеди священнослужителей, а контакты с русскими какой-то части населения и участие их в христианских праздниках. Но абсолютное признание единого Бога наблюдалось в весьма редких случаях, хотя со временем указов Петра I прошло 150 лет. Протоиерей А. Сулоцкий сетовал: «...все они чрезвычайно суеверны, многие у себя имеют шаманов, благоговеют перед медведем, волком и другими предметами поклонения их предков и соплеменников, очень редко посещают храмы и призывают священников для исправления треб, не знают своих христианских имен, не имеют у себя св. икон или содержат их в крайнем небрежении и иные не знают даже имени Христова».

Некоторые крещеные суеверные остыки после удачной охоты, на всякий случай делали подношения и иконам, и своим священным символам. Были и такие, которые поселялись рядом с русскими и доносили на своих идолопоклонников. Чтобы скрыть свое идолопоставление, многие остыки устраивали в лесу «приклады», опасаясь как русских частных комиссаров, так и своих сородичей-доносчиков. Наступило время, которое историки называют периодом двоеверия. Но можно ли это признать за истину? Изменился ли на самом деле духовный мир абориге-

**Могила
св. Филофея
в Тюмени**

нов? По просторам Сибири гуляла молва о том, что «в Тремьюганской волости умерла одна женщина и ожила, села и говорила, чтоб обвестить все волости, дабы делали по старому их осяцкому обыкновению привесы из имения к древам; а буде сего не зделают, то не будет щастия в звериных, рыбных и прочих промыслах».

В свою очередь, осяцкий десятник Сергей Ратаев, очень богообразенный человек, во время командования в Сургуте комиссара Силина говорил, что «комиссар велел объявить ясашным, чтоб делали приклады к богу, а то, ежели не будут того чинить, то згорят небесным огнем». Семен Игнатьев из Верхних Ларынских юрт подтверждал это, так как сам явился к месту действия «по повеске» десятника, и они с Василием Сенкиным «на домбре играми выигрывали и кричали, просили бога, чтоб бог им дал в промыслах зверя и рыбы».

Из приведенных примеров следует вывод, что имело место не безоглядное притяжение православной веры большинством осяков, а допуск ими из страха в свой языческий пантеон христианского Бога.

Став подследственными в результате доносов, осяки заявляли: «веру же российскую и святую церковь, в которую крещены, твердо содержим и впредь в ней непоколебимо останемся, и отныне более идолослужения чинить отнюдь не будем». Они, конечно, хитрили, чтобы избежать наказания. Венчаясь в церкви, они, кроме законной жены, имели и других жен. Автор жизнеописания Филофея Лещинского утверждал: «Нива, обработанная руками митрополита Филофея в Березовском крае, впоследствии, без нового удобрения и сеяния слова Божия, начала за-

растать (и заросла) так, что во многих местах едва заметны стали признаки трудов деятеля Христова». Лещинскому лишь в кошмарном сне могла привидеться картина: собравшиеся в лесу остыки, подношениями, криками и непривычной для русских музыкой задабривают господа или как сбегаются на ворожбу шаманов, которым «явно показывается диавол и сказывает, получат или не получат» они зверя или рыбу.

Любознательный читатель может более подробно ознакомиться с фактами неурядиц в христианизации Западной Сибири, извлеченными из архива Тобольска и изложенными в книге «Древний город на Оби: история Сургута», часть из которых приведена автором.

В борьбе за души нерусской паствы, продолжающей поклоняться «шайтанам», церковь постоянно обращалась к светской власти за помощью. Достоверно известны отдельные факты публичных наказаний остыков при воеводской канцелярии. Только в 1822 г. уставом впервые было предписано, что «кочующие инородцы», к которым относилось и население Сургутского края, могут пользоваться свободой вероисповедания. Фактически этот устав положил конец так называемому вынужденному двоеверию, хотя, как повествуют данные за 1899–1903 годы, элементы русской культуры органично вписались в традиционный быт народа. Отмечалось, что какая-то часть остыков обруслела, и русское влияние простипало «в религии, в нравах, обычаях и в чувствовании и в мышлении». А также: «Языческих верований и обрядов держатся все остыки, даже те, которые считаются православными и посещают храмы. На почве этого двоеверия разные апокрифические сказания о потопе, о жизни Христа и Божией Матери находят себе среди них большое распространение, причем христианских святых остык сплошь и рядом отождествляет со своими богами: так, апостол Петр отождествляется с «Обским мужиком» — древним божеством рыб, с безобразным лицом и руками, жестяным носом и стеклянными глазами. Посредниками между богами и обычновенными смертными являются шаманы, то есть люди, одаренные от природы особой силой, дающей им возможность сноситься с духами».

Наступил двадцатый век. В «Инструкции кондинской миссии» параграфом четвертым предписывалось требование разыскать «идола, слышущего под названием Троицкого, к которому, как к центру идолопоклонства, стекаются отовсюду инородцы-самоеды и остыки-идолопоклонники, и христиане, и тщательно следить за сборщиками в пользу сего идола, поддерживающего в инородцах суеверные убеждения, донося секретно епархиальному начальству об нем, что будет дознано относительно сего общепочтительного инородцами идола».

После революции 1917 г. остыки и vogулы стали называться ханты и манси, которые вели полукочевой образ жизни. Они тоже, как и русское население, подвергались воздействию коммунистической идеологии, отрицающей Бога. Кроме того, в 1941–1943 годах началась компания по массовому переводу коренных жителей с кочевого уклада на оседлый, чтобы приобщить их к земледелию и к коллективному хозяйству. Однако полугодовая работа агитаторов не дала желаемых результатов. Только 55 семей Сургутского района дали соответствующее согласие.

Главной причиной отказа от оседлой жизниaborигенного населения явилось нежелание ломать привычные устои, рушить традиционный многовековой уклад, гарантировавший их существование и поклонение своим символам. Подтверждением этому может служить одно из интереснейших событий, изложенных А. Зенько в журнале «Югра» за январь 1992 г.: «В 1989 году (!), когда лесной пожар подошел к поселку Кинямино на Малом Югане, жители поселка пустили встречный огонь, предварительно совершив жертвоприношение Най-анки. В костре, разведенном для встречного пала, был сожжен небольшой красный сах. Интересно отметить, что шил его самый старый в поселке мужчина. Обряд сопровождался просьбой защитить людей от чужого огня.

Полагали, что, встречаясь, Пай-най и Най-анки вступают в борьбу друг с другом. Сильный треск, раздающийся при столкновении двух огней, — свидетельство этой борьбы. В единоборстве всегда побеждает Най-анки, так как хантыйский огонь сильнее лесного».

Неоднократно отмечалось, что «В нравственном отношении все остыцкое население славится строгою честностью, необыкновенною услужливостью, добродушием и человеколюбием».

Еще в 1881 году член-секретарь Тобольского губернского статистического комитета писал: «Остыки добросердечны, услужливы и гостеприимны; остык никогда не оставит в нужде своего ближнего и поэтому у них никогда не бывает нищих, просящих по юртам и чумам подаяния. Верность остыцких платежей — безупречна; они выплачивают не только собственные, но отцовские и даже дедовские долги». Преступления среди остыков были чрезвычайно редки, соплеменники одевали виновных в безобразную одежду, водили по «юртам на показ» и телесно наказывали на сходках.

Своим предком ханты считают древнейший народ «арьях» — песенный и былинный. И на это есть основания. Этнос ханты насыщен леген-

дами, сказаниями и песнями. Позади дорога тысячелетних традиций, которые оказались практически незыблемы, несмотря на четырехвековые старания их выкорчевывания. Коллективная душа ханты продолжает жить в своем особом сказочном мире, подобном жемчужине в море христианском.

Во имя Живоначальной Троицы

(история сургутских церквей)

По наказу царя Федора Ивановича о строительстве города на реке Оби воевода Федор Петрович Борятинский и голова Владимир Оничков доплыли до местности, называемой Сургутом*, которой владел остяцкий князь Бардак. Здесь они и решили поставить город Сургут в устье речки, ныне называемой Саймой. Это произошло в середине июля 1594 года.

Закипела работа. Привлеченные из ближайших поселений остыки рубили лес, а казаки возводили рубленый город — государевы житницы, амбары и погреба, воеводский двор, тюрьму и церковь. Все эти сооружения помещались внутри острога, за высокими крепостными стенами с глухими башнями по углам и одной проезжей, на которых размещались пушки. А жилые дома ставились вне стен острога, но в следующее лето и они были обнесены стеною из вертикальных заостренных бревен.

С первых дней служилые люди делали все возможное, чтобы создать условия для отправления христианских треб. Построив церковь, они тут же согласились содержать священнослужителей за счет своего заработка, наняв на первых порах одного попа и просфорницу. Но не было еще богослужебных книг, церковной утвари, ладана и воска, свечи изготавливали сами из животного сала. А главное — церковь не была освящена.

* Рыбное место.

Это знаменательное событие произошло в 1595 году, в День Святой Троицы, когда из Тобольска прибыл священник. Он обошел вокруг церкви, окропляя ее стены святой водой, и прочитал молитву: «Создателю и Содетелю человеческого рода. Дателю благодати духовныя. Подателю вечного спасения. Сам, Господи, посли Духа Твоего Святаго с вышним благословением на церковь сию, яко да вооружена силою небесного заступления хотящим ю употребляти. Помощна будет к телесному спасению и заступлению и помоши, о Христе Иисусе Господе нашем. Аминь».

Внутри церкви, в центре иконостаса, разместили икону Живоначальной Троицы, зажгли перед нею свечу и прочитали молитву:

«Пресвятая Троице, помилуй нас. Господи, очисти грехи наша. Владыко, прости беззакония наша. Святый, посети и исцели немощи наша. Имене Твоего ради. Господи, помилуй».

С этого дня церковь стала называться Троицкой.

Из года в год население города возрастало. Если с самого начала было 155 служилых людей, то в 1601 году сургутский гарнизон насчитывал уже 280 человек. У многих казаков и стрельцов появились семьи. В связи с этим возросли потребности в осуществлении христианских треб, и население было вынуждено взять на свое содержание дополнительно церковных служителей.

В книге окладного жалованья сургутским служилым людям, ружникам и оброчникам за 1625 год числились:

— черный поп Илинарх и белый поп Дмитрий Тарасьев. Им был положен годовой оклад — по семи рублей денег, по семи чети* ржи, по чети круп, по чети толокна** и по два пуда соли;

— церковный дьячок Семейка Михайлов Колмогорец, с окладом пять рублей двадцать пять копеек денег, пять чети ржи, по осмине круп и толокна и пуд с четвертью соли;

— пономарь Гурей, с окладом три рубля денег, пять чети ржи, по осмине круп и толокна, и пуд с четвертью соли;

— просфирница Пелагеица, с окладом два рубля с полтиною денег, четыре чети ржи, по осмине круп и толокна и пуд с четвертью соли.

Для сравнения следует заметить, что атаман Богдан Сидоров Зубкин получал годовое жалованье в размере — семь рублей денег, восемь

---

* Четь равна 8 пудам.

** Ячменная мука.

чети с полуосминою ржи, по чети круп и толокна и два пуда соли, то есть близко к окладам черного и белого попа. А, например, семейные казаки получали — по пяти рублей 25 копеек денег, по семи чети ржи, по чети круп и толокна и полтора пуда соли.

В 1626 г. в Сургуте случился пожар, пострадали многие строения, в том числе приказная изба, где хранились все документы, и церковь. Однако она была быстро восстановлена. Кроме того, через двенадцать лет служилые люди «по своему обещанию», без оплаты, построили вторую церковь. Этот храм был освящен во имя святителя Василия Кесарийского и преподобного Михаила Малеина, а из Москвы, от имени царя Михаила Федоровича, были присланы богослужебные книги и иконы. Этот храм стал приходским, а Троицкая церковь — соборной. Но еще долгие годы церкви оставались без колоколов.

В июле 1654 г. казачий и стрелецкий голова Первой Самойлов, атаман Евдоким Алексеев и все служилые люди послали царю Алексею Михайловичу челобитную с просьбой прислать колокола и решить вопрос по содержанию церковного притча. Они писали: «Государь, мы, холопи твои, в твоем государеве Сургуцком беспашенном городе оскудали, стали бедны и нужны, и семьянисты». У служилых людей недоставало средств, чтобы прокормить свои семьи, и они не могли нанять священнослужителей для приходской церкви. В ней перестали проводиться богослужения. Поэтому сургутские жители просили прислать кроме колоколов еще и попа со служками и установить им государев оклад. Они писали: «Церковь ныне стоит пуста, без пения».

По данным 1646 года в Сургуте, при соборной Троицкой церкви было два священника и один дьячок. Вместо прежних был черный поп Меркурий и белый поп Афанасий, который впоследствии под членобитной 1654 года приложил свою руку за основную массу безграмотных духовных детей, так как только 15 человек смогли подписатьсь собственноручно.

Поп Афанасий был человеком в высшей мере порядочным и самодоверенным. Эти его качества проявились в деле о праздновании царских именин. Тогда, в 1646 году, между воеводой Измайловым и группой казаков во главе с головой Поповым существовал конфликт. Желая навредить воеводе, заговорщики послали царю донос, в котором извещали, что 16 марта 1646 года, на государев ангел, в приходской церкви Василия Кесарийского после вечерни «за государево многолетное здоровье молебствовали и Бога молили», а в соборной Троицкой церкви воевода Измайлова после вечерни не велел служить молебен за здоровье

государя и не ставил свечи из «государева воска» перед образом государева ангела — иконой святого Алексея, человека Божия. Однако позже на следствии в Тобольске члены церкви признались, что молебен с участием воеводы состоялся, но только в сам праздник после заутрени. Поп Афанасий, рискуя оказаться в опале, заявил, что воевода тут ни при чем, а виноват он сам, изменив установленный канон празднования дня ангела государя. При разбирательстве также выяснилось, что в Троицкой церкви не было иконы святого Алексея и поэтому свеча «из государева воска» была поставлена перед иконой Живоначальной Троицы.

Нужно сказать, что священники Сургута помогали первым воеводам в наведении надлежащего порядка. Примечательны коллизии, которые разыгрывались в 1626 году между воеводой Пушкиным и вторым воеводой Белкиным. Последний был человеком неукротимого нрава и развратник. Из Тобольска он увез к себе в Сургут жену стрельца Макарко Ортемьева, а у мулы бухарского забрал татарку Кузаку, и была у него еще подговорная женка

Анютка, которую он на время отослал в Нарым. По этому поводу Пушкин был целом государю Михаилу Федоровичу. Он писал:

«И в нынешнем, государь, году посыпал я, холоп твой, к Богдану Белкину на двор Сургутского города Троицкого черного священника Илинарха да подьячего Офонасия Кондакова да атамана Тугарина Федорова да служилых людей и казаков. И как к нему, Богдану, на двор пришли и он с людьми своими... вышел пьян на крыльце с саблями и с пищалями. И священник, государь, и подьячий, и атаман, и десятники... Богдану говорили: отдай подговорную Макарову жену Иринку тобольского стрельца. И Богдан Белкин им сказал: у меня де жонки никакой нет, и учал лаять матерно и подьячего Офонасия Кондакова побил до полусмерти и за бороду драл и на голове волосы выдрал. И служилых, государь, людей десятников бил, а человек его... Максимку колол саблею».

Подобные и иные конфликты нередко возникали между горожанами, и всякий раз свящееннослужители отважно вмешивались в мирские дела.

Миновало 103 года со дня основания города Сургута — и в Городовом списке за 1697 г. горестно повествовалось:

«А в остроге церковь Святые Живоначальные Троицы, и та церковь ветха и огнила, и в олтаре и трапезе потолок местами обвалился».

Эта церковь была построена в 1619 г. взамен сгоревшей первой.

Как же выглядела первая церковь Сургута? Об этом можно только догадываться, так как рисунка мы не имеем. Однако, имея фотографии других сохранившихся рубленых церквей, построенных в шестнадцатом веке и очень похожих друг на друга, следует предположить, что сургутская Троицкая церковь ничем не отличалась от них.

В 1700 г. сгорели две Троицкие церкви, старая и новая. Поэтому при церкви Рождества Богородицы в 1703 г. состоял небольшой церковный клир, но и эта церковь сгорела при пожаре 1712 г., уничтожившего полностью острог и жилую часть города.

В 1733 г. в Сургуте была одна церковь Рождества Богородицы, построенная на деньги «боголюбцев-прихожан». Велось еще строительство деревянной соборной Троицкой церкви — отчасти на церковные средства, и в 1742 г. она появилась «во имя Пресвятая Троицу четверопрестольная».

Видимо, и церковь Рождества Богородицы, построенная в 1733 г., сгорела, так как на ее месте в 1750 г. была воздвигнута новая деревянная, которую в 1759 г. сменила каменная церковь. Ее клир содержался «доброхотным подаянием» прихожан.

В 1801 г. взамен обветшалой Троицкой церквиозвели каменную за счет казны.

В 1850 г. в городе была одна каменная церковь, а к началу XX века их было две.

Из-за пожаров в Тобольске и Москве погибло немало документов, но те, которые сохранились, дают нам некоторые сведения о церковных служителях. Известно, например, что в 1722 г. при церкви Рождества Богородицы служили: дьячок Григорий Тверитинов 48 лет, пономарь Ерофей Серебренников 40 лет и церковный староста Иван Новосильцев 41 года.

В истории Сургута чаще всего фигурируют священнослужители Кайдаловы. В 1761 г. протопоп Иоанн Кайдалов писал в прошении на имя епископа Варлаама: «...дед мой покойной бывшей сургутский заказщик священник Алексей Данилов сын Кайдалов по указу Петра Великого просветил святым крещением северной страны идолопоклоннических народов сот до седми человек, почему в награждение для утверждения православия велено ему стратца детей своих удостаивать в чин священнический».

Сын Алексея Кайдалова Иоанн 40 лет трудился на посту священника.

В 1742 г. Иоанн Алексеевич стал протопопом новой соборной Троицкой церкви и, желая сделать ее привлекательной, нанял из Тобольска живописца Петра Ковалева, чтобы писать иконостас. Это привело к тому, что протопоп испытал сильное потрясение, так как живописец обвинил Иоанна в государственной измене.

Воевода Уар Еропкин отправил доносчика и священника в Сибирскую губернскую канцелярию. Там Ковалев не смог доказать обвинения, почему Кайдалова из-под стражи освободили. Выяснилось, что живописец украл 30 рублей церковных денег и, чтобы избежать суда за кражу, совершил донос, надеясь этим отвлечь внимание расследователей.

Сын Иоанна Алексеевича Кайдалова тоже стал протопопом, но только позорил свой род. Он был плохим священником и дурным человеком. Посещая дома прихожан, он затевал ссоры, выкрикивал оскорблений и упреки по поводу того, что его не приглашают в свои компании. Иоанн Кайдалов 2-й не проявлял ни малейшей заботы о церкви и «довел до такова состояния, что в кородкое время совсем и сходить в нее будет невозможно».

Ко всему он постоянно пьянствовал и буйствовал, участвуя в избиении девиц комиссаром Акишевым. В результате в 1770 году его сослали

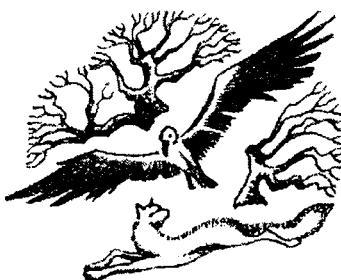
в отдаленную волость к Рождественской церкви, а его место занял дядя бывшего протопопа Никифор Алексеевич Кайдалов.

Каковы бы ни были духовные лица, все они занимались хозяйством и предпринимательством, сколачивая хорошее состояние от торговых операций, но это не влияло на авторитет у прихожан. В целом сургутяне уважительно относились к церкви и духовенству. Они охотно жертвовали деньги на строительство храмов, пришедших в негодность от времени или пожаров.

Когда появился указ Александра I о замене деревянных церквей каменными, сургутский протопоп Попов высказался за то, чтобы в его уезде разрешили сооружать деревянные церкви, поскольку материалов для строительства из камня в этом крае нет. Император согласился с доводами и начертал: «Быть посему».

Так и жил обычной жизнью сибирский уездный город Сургут, отличаясь от городов Руси служилым казачеством. Люди рождались и умирали, одни церкви сменялись другими, обеспечивая христианские требования.

Многое менялось, но православие оставалось незыблемым.

Оглавление

О. Рихтер. От автора	5
Лукоморье. Эссе	11
Князь Бардак и его княжество	29
Князья Алачевы	42
Княжество Барса	48
Селькупские князья	57
Эхо времен. Эссе	63
Строгановы	93
О «родословной» Ермака и его имени	109
Ермак и «сибирское взятие»	119
Второе «сибирское взятие»	149
Атаманы Сургута	160
Тугарин Федоров и Темир Иванов	160
Кузьма Васильевич Горбунов	165
Богдан Сидорович Зубакин	166
Терентий Деев	168
Евдоким Алексеевич Ботолин	168
Первый Самойлов	169
Яков Ботолин	169
Алексей Торопчанинов	169
Андрей Торопчанинов	169
Христианство в Западной Сибири	173
Во имя Живоначальной Троицы (история сургутских церквей)	199

РИХТЕР Олег Борисович

СТРАНА СОКРОВИЩ

Эссе и очерки истории Югры

Художник В. Тугаев
Корректор М. Кремлева.

Подписано в печать 10.01.2008.
Формат 70x100/16. Гарнитура «Times ET»
Печать офсетная. Бумага ВХИ.
Усл.- печ. л. 16,85. Тираж 500 экз. Заказ № 66.

ООО «Издательство Юрия Мандрики»
Лицензия ИД №06344 от 28.11.01 г.

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. 8-922-48-369-48
e-mail:Iukitsch_mandr@mail.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов на ООО ПК «Зауралье»,
640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106,
E-mail: zpress@zaural.ru.

О.Б. Рихтер — автор
7 книг стихов и прозы.
Живет в Сургуте.